ISSN 1608-8794

1 • 2026

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА и ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

- Концепция правовой политики
- Приоритеты правовой политики
- Правовая жизнь общества
- Право и политика в их взаимосвязи
- Федеральная и региональная правовая политика

САРАТОВ • МОСКВА

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Все статьи проходят процедуру внешнего двойного «слепого» рецензирования.

Текст печатается в текстовом редакторе MS Word шрифтом Times New Roman 14 кегля (размера) через 1,5 интервала (28-30 строк на странице). Все поля по 2 сантиметра. Тип файла в электронном виде – RTF.

Оптимальный объем рукописи – 6–10 страниц. Рукопись должна быть подписана автором (соавторами). Одновременно с рукописью в редакцию направляется электронная версия материалов на электронный адрес издателя: i_gp@ssla.ru.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок, оформленных в соответствии с **ГОСТ 7.0.5–2008**, с размещением в тексте номера источника и страницы в квадратных скобках. **В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.**

К рукописи обязательно должны прилагаться:

– сведения об авторе (соавторах) с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, должности – на русском и английском языках, а также домашнего и/или служебного адреса (на который будут высланы авторские экземпляры журналов), телефона и адреса электронной почты;

– перевод названия материала на английский язык;

– аннотация объемом **от 100 до 150 сло**в, отражающая актуальность и цели статьи, используемые методы, полученные результаты и выводы, и **5–10 ключевых слов** – на русском и английском языках (перевод аннотации на английский язык должен быть качественным, использование автоматических систем перевода не допускается);

– пристатейный библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями **ГОСТ** на русском языке;

– для аспирантов и соискателей отзыв научного руководителя о рекомендации присланной статьи к опубликованию.

Все статьи, поступающие в редакцию, проверяются в системе "Антиплагиат". Допускаются статьи, имеющие процент оригинальности 70 и выше.

Рукописи, оформленные без учета данных правил, редакцией не рассматриваются.

Рукописи авторам не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Направление материалов в журнал предполагает согласие автора на их опубликование в электронной версии.

Издается Саратовским филиалом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института государства и права Российской академии наук

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.
Полнотекстовая версия номеров журнала доступна на сгюа.рф • www.igpran.ru

Редакция академического и вузовского юридического журнала
«Правовая политика и правовая жизнь»
Адрес: Россия, 410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135
Тел.: (8452) 29-91-22, тел./факс: (8452) 29-92-18, e-mail: i_gp@ssla.ru
DOI: 1024412/1608-8794

Банковские реквизиты:
ИНН 7704067766, **КПП** 645402001
Получатель: УФК по Саратовской области (СФ ИГП РАН, л/с 20606Ш10238)
КБК 00000000000000000440; ОКТМО 63701000
р/сч 03214643000000016000
Банк: Отделение Саратов//УФК по Саратовской области г. Саратов
БИК 016311121

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-5708 от 30 октября 2000 г.
выдано Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Подписной индекс издания 44007.
Размещение в электронном подписном каталоге
ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru

Цена по подписке 1000 рублей,
в розницу цена свободная

© Саратовский филиал Института государства и права РАН, 2026
© Саратовская государственная юридическая академия, 2026
© Ассоциация юридических вузов, 2026

УЧРЕДИТЕЛИ:

САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ (г. МОСКВА)

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

Академический и вузовский юридический научный журнал

Территория распространения: Российская Федерация, страны СНГ

1 (103) • 2026

САРАТОВ • МОСКВА

12+

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ **1 (103) • 2026**

Академический и вузовский юридический научный журнал

Журнал включен ВАК Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);

5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);

5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);

5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки);

5.1.5 – Международно-правовые науки (юридические науки).

Редакционная коллегия:

А.Ю. Соколов (главный редактор), д.ю.н., профессор; *С.Ю. Королёв* (заместитель главного редактора), к.ю.н., доцент; *Е.А. Астахова* (ответственный секретарь), к.ю.н.; *Е.Н. Абанина*, д.ю.н., доцент; *А.П. Анисимов*, д.ю.н., профессор; *С.Ф. Афанасьев*, д.ю.н., профессор; *М.Т. Аширбекова*, д.ю.н., профессор; *А.Л. Благодир*, д.ю.н., доцент; *Е.Г. Беликов*, д.ю.н., профессор; *Л.В. Бертовский*, д.ю.н., профессор; *А.Г. Блинов*, д.ю.н., профессор; *А.Н. Варыгин*, д.ю.н., профессор; *С.В. Ворошилова*, д.ю.н., профессор; *А.А. Гришковец*, д.ю.н., профессор; *В.В. Еремян*, д.ю.н., профессор; *Т.В. Заметина*, д.ю.н, профессор; *О.В. Исаенкова*, д.ю.н., профессор; *А.И. Каплунов*, д.ю.н., профессор; *Н.Н. Ковалева*, д.ю.н., профессор; *А.В. Колесников*, д.ю.н., доцент; *Е.В. Колесников*, д.ю.н., профессор; *Г.Н. Комкова*, д.ю.н., профессор; *И.Н. Коновалов*, д.и.н., профессор; *Д.А. Липинский*, д.ю.н., профессор, *Н.С. Манова*, д.ю.н., профессор; *Е.В. Покачалова*, д.ю.н., профессор; *Т.А. Полякова*, д.ю.н., профессор; *Б.Т. Разгильдиев*, д.ю.н., профессор; *М.Б. Разгильдиева*, д.ю.н., профессор; *Д.Х. Сайдумов*, д.ю.н, доцент; *С.Ж. Соловых*, д.ю.н., доцент; *Т.В. Соловьева*, д.ю.н, профессор; *С.Ю. Суменков*, д.ю.н., доцент; *Л.К. Терещенко*, д.ю.н., доцент; *В.В. Устюкова*, д.ю.н., профессор; *А.Е. Федюнин*, д.ю.н., доцент; *В.С. Хижняк*, д.ю.н., профессор; *Д.С. Хижняк*, д.ю.н., доцент; *И.В. Шестерякова*, д.ю.н., доцент; *С.Е. Чаннов*, д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков (председатель редакционного совета), д.ю.н., профессор, академик РАН; *А.И. Абдуллин*, д.ю.н., профессор; *С.Н. Бабурин*, д.ю.н., профессор; *Э.Б. Базарбаев* (Кыргызстан), д.ю.н., профессор; *С.А. Балашенко* (Беларусь), д.ю.н., профессор; *Д.К. Бекяшев*, д.ю.н., профессор; *С.А. Белоусов*, д.ю.н., профессор; *Е.С. Болтанова*, д.ю.н., профессор; *Е.В. Вавилин*, д.ю.н., профессор; *Д.Х. Валеев*, д.ю.н., профессор; *Г.А. Василевич* (Республика Беларусь), д.ю.н., профессор; *Е.В. Виноградова*, д.ю.н., профессор; *Н.А. Власенко*, д.ю.н., профессор; *А.В. Габов*, д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАН; *В.Г. Голубцов*, д.ю.н., профессор; *Е.Ю. Грачева*, д.ю.н., профессор; *А.В. Иванчин*, д.ю.н., профессор; *А.И. Левченков*, д.ю.н., профессор; *А.Г. Лисицын-Светланов*, д.ю.н., профессор, академик РАН; *В.В. Лысенко* (Приднестровская Молдавская Республика), д.ю.н., профессор; *А.В. Мартынов*, д.ю.н., профессор; *С.Ю. Морозов*, д.ю.н., профессор; *Б.В. Россинский*, д.ю.н., профессор; *В.А. Рудковский*, д.ю.н., профессор; *Д.А. Смирнов*, д.ю.н., профессор; *А.Ю. Соколов* , д.ю.н., профессор; *Ю.Н. Старилов*, д.ю.н., профессор; *Т.В. Худойкина*, д.ю.н., профессор; *Л.Г. Шапиро*, д.ю.н., доцент; *О.А. Ястребов*, д.ю.н., д.э.н., профессор.

Editorial Board:

A.Yu. Sokolov (editor-in -chief), Doctor of Law, Professor; *S.Yu. Korolev* (deputy editor-in-chief), Candidate of Law, Associate professor; *E.A. Astakhova* (executive secretary); *E.N. Abanina*, Doctor of Law, Associate professor; *A.P. Anisimov*, Doctor of Law, Professor; *S.F. Afanasev*, Doctor of Law, Professor; *M.T. Ashirbekova*, Doctor of Law, Professor; *A.L. Blagodir*, Doctor of Law, Associate professor; *E.G. Belikov*, Doctor of Law, Professor; *L.V. Bertovsky*, Doctor of Law, Professor; *A.G. Blinov*, Doctor of Law, Professor; *A.N. Varygin*, Doctor of Law, Professor; S.V.Voroshilova, Doctor of Law, Associate professor; *A.A. Grishkovets*, Doctor of Law, Professor; *V.V. Eremyan*, Doctor of Law, Professor; *T.V. Zametina*, Doctor of Law, Professor; *O.V. Isaenkova*, Doctor of Law, Professor; *A.I. Kaplunov*, Doctor of Law, Professor; *N.N. Kovaleva*, Doctor of Law, Professor; *A.V. Kolesnikov*, Doctor of Law, Associate professor; *E.V. Kolesnikov*, Doctor of Law, Professor; *G.N. Komkova*, Doctor of Law, Professor; *I.N. Konovalov*, Doctor of History, Professor; *D.A. Lipinsky*, Doctor of Law, Professor; *N.S. Manova*, Doctor of Law, Professor; *E.V. Pokachalova*, Doctor of Law, Professor; *T.A. Polyakova*, Doctor of Law, Professor; *B.T. Razgildiev*, Doctor of Law, Professor; *M.B. Razgildieva*, Doctor of Law, Professor; *D.H. Saidumov*, Doctor of Law, Associate professor; *S.Zh. Solovykh*, Doctor of Law, Associate professor; *T.A. Solovyova*, Doctor of Law, Professor; *S.Yu. Sumenkov*, Doctor of Law, Associate professor; *L.K. Tereschenko*, Doctor of Law, Associate professor; *V.V. Ustyukova*, Doctor of Law, Professor; *A.E. Fedyunin*, Doctor of Law, Associate professor; *V.S. Khizhnyak*, Doctor of Law, Professor; *D.S. Khizhnyak*, Doctor of Law, Associate professor; *I.V. Shesteryakova*, Doctor of Law, Associate professor; *S.E. Channov*, Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov (Chairman of the Editorial council), Doctor of Law, Professor, Academician, RAS; *A.I. Abdullin*, Doctor of Law, Professor; *S.N. Baburin*, Doctor of Law, Professor, *E.B. Bazarbaev* (Kyrgyzstan), Doctor of Law, Professor; *S.A. Balashenko* (Belarus), Doctor of Law, Professor; *D.K. Bekyashev*, Doctor of Law, Professor; *S.A. Belousov*, Doctor of Law, Professor; *E.S. Boltanova*, Doctor of Law, Professor; *E.V. Vavilin*, Doctor of Law, Professor; *D.H. Valeev*, Doctor of Law, Professor; *G.A. Vasilevich*, Doctor of Law, Professor; *E.V. Vinogradova*, Doctor of Law, Professor; *N.A. Vlasenko*, Doctor of Law, Professor; *A.V. Gabov*, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of RAS; *V.G. Golubtsov*, Doctor of Law, Professor; *E.Yu. Gracheva*, Doctor of Law, Professor; *A.V. Ivanchin*, Doctor of Law, Professor; *A.I. Levchenkov*, Doctor of Law, Professor; *A.G. Lisitsin-Svetlanov*, Doctor of Law, Professor, Academician RAS; *V.V. Lysenko* (Pridnestrovian Moldavian Republic), Doctor of Law, Professor; *A.V. Martynov*, Doctor of Law, Professor; *S.Yu. Morozov*, Doctor of Law, Professor; *B.V. Rossinsky*, Doctor of Law, Professor; *V.A. Rudkovsky*, Doctor of Law, Professor; *D.A. Smirnov*, Doctor of Law, Professor; *A.Yu. Sokolov*, Doctor of Law, Professor; *Yu.N. Starilov*, Doctor of Law, Professor; *T.V. Khudoykina*, Doctor of Law, Professor; *L.G. Shapiro*, Doctor of Law, Associate professor; *O.A. Yastrebov*, Doctor of Law, Doctor of Economics, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилей профессора Александра Борисовича Зеленцова 10
Юбилей профессора Вероники Сергеевны Хижняк 12

I. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Соколов А.Ю. *(Саратов, СФ ИГП РАН)*
Правовое регулирование деятельности субъектов в сфере науки 14

Хижняк В.С. *(Саратов, СФ ИГП РАН)*
Особенности конституционно-правового регулирования участия органов публичной власти Российской Федерации в международных отношениях на современном этапе 26

Королёв С.Ю. *(Саратов, СФ ИГП РАН)*
Трансформация задач публичной власти в области использования земельных ресурсов в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: правовые аспекты 37

Лакаев О.А. *(Саратов, СФ ИГП РАН)*
Исполнительные органы субъектов Российской Федерации в механизме обеспечения особых публично-правовых режимов осуществления экономической деятельности 47

Астахова Е.А. *(Саратов, СФ ИГП РАН)*
Перспективы международного сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами по борьбе с киберпреступностью 56

II. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

Амельченя Ю.А. *(Беларусь, Институт правовых исследований НЦЗПИ)*
Некоторые вопросы имущественных и организационных договоров в сфере государственных закупок 71

Тупиков Н.В. *(Саратов, СГЮА)*
К вопросу о конституционно-правовых стандартах защиты экономических прав в странах Евразийского экономического союза (на примере Российской Федерации и Республики Казахстан) 83

III. ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Кобзарь-Фролова М.Н. *(Москва, ИГП РАН)*
У истоков современного административного права (памяти С.С. Студеникина) 91

Гришковец А.А. *(Москва, ИГП РАН)*
Проблема презумпции невиновности в производстве по делам об административных правонарушениях (на примере административно-юрисдикционной деятельности полиции) (часть I) . . .101

Агамагомедова С.А. *(Москва, ИГП РАН)*
Институт публичной власти и его влияние на развитие науки административного права. 116

Калинина Л.Е. *(Люберцы, РТА)*
Планирование как функция административно-организационной деятельности 125

Кощеева Е.С. *(Киров, МГЮА)*
Компетентный субъект принятия административного правоприменительного акта 133

Пашенько С.Б. *(Саратов, СГЮА)*
Некоторые вопросы цифровизации производства по делам об административных правонарушениях 141

IV. ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Виноградова Е.В. *(Москва, ИГП РАН)*
Реторсии, репрессалии и санкции в концепте суверенной государственности: дихотомия права и политики 149

Еремян В.В. *(Москва, РУДН)*
Диаспора как дестабилизирующий фактор политического процесса . . .160

Лазарева О.В. *(Саратов, СГЮА)*
История доктринальных подходов к вопросу определения понятия и сущности правовой процедуры (часть I) 183

V. ПРЕДСТАВЛЯЕМ ВУЗЫ: САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ, КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аширбекова М.Т. *(Саратов, СГЮА; Волгоград, Волгоградская академия МВД России),* ***Гамбарова А.А.*** *(Саратов, СГЮА)*
О некоторых новеллах УПК РФ в аспекте направлений уголовной политики при избрании заключения под стражу 191

Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. *(Саратов, СГЮА)*
Дефекты правовой модели исполнения решений, принятых в рамках судебного контроля в уголовном судопроизводстве 202

Чурикова А.Ю., Устинов Д.С. *(Саратов, СГЮА)*
Транспарентность и защита персональных данных в уголовном судопроизводстве Китая 208

Арзуманян А.Э. *(Саратов, СГЮА)*
Регулирование использования искусственного интеллекта в уголовном процессе стран Европейского союза 215

Баранова М.А., Григорян В.Л. *(Саратов, СГЮА)*
«Злоупотребления правом» при возобновлении приостановленного и прекращенного уголовного дела 224

Комиссаренко Е.С. *(Саратов, СГЮА)*
Заявление частного обвинителя как исключительный повод возбуждения уголовного дела 234

Лавнов М.А. *(Саратов, СГЮА)*
Риск-ориентированный подход в уголовном судопроизводстве: возможности и границы применения 241

Овчинникова Н.О. *(Саратов, СГЮА)*
Пробелы правового регулирования «двойной защиты» при оказании юридической помощи по уголовным делам 249

Спесивов Н.В. *(Саратов, СГЮА)*
Цели и ценности российского уголовного судопроизводства 256

Чеботарева Т.В. *(Саратов, СГЮА)*
Проблема защиты конституционного права на неприкосновенность частной жизни при следственном осмотре мобильного телефона 262

VI. ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ворошилов И.И. *(Саратов, СГЮА, соискатель)*
Ответственность как один из основных элементов правового статуса организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами 268

Галкин М.А. *(Саратов, СГЮА, аспирант)*
Защита в уголовном судопроизводстве: понятие и формы осуществления 277

Марков М.Г. *(Саратов, СГЮА, аспирант)*
Интернет-пиратство, способы защиты от него и особенности рассмотрения дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав, в порядке гражданского судопроизводства 286

Хвостиков Д.В. *(Саратов, СГЮА, аспирант)*
Принципы административно-правового регулирования использования высокоавтоматизированных транспортных средств гражданского назначения 292

CONTENT

Jubilee of Professor Alexander Borisovich Zelentsov 10
Jubilee of Professor Veronika Sergeevna Khizhnyak 12

I. LEGAL POLICY IN MODERN SOCIETY

Sokolov A.Yu. *(Saratov)*
Legal Regulation of the Activities of Scientific Entities 14

Khizhnyak V.S. *(Saratov)*
Features of Constitutional and Legal Regulation of Participation of Public Authorities of the Russian Federation in International Relations at the Present Stage 26

Korolev S.Yu. *(Saratov)*
Transformation of the Tasks of Public Authorities in the Field of Land Use in the Context of Ensuring the National Security of the Russian Federation: Legal Aspects 37

Lakaev O.A. *(Saratov)*
The Executive Bodies of the Subjects of the Russian Federation in the Mechanism of Ensuring Special Public-Legal Regimes of Economic Activity 47

Astakhova E.A. *(Saratov)*
Prospects for International Cooperation between the Russian Federation and Foreign Countries in Combating Cybercrime 56

II. INTERNATIONAL LEGAL POLICY

Amelchenia Yu.A. *(Minsk)*
Some Issues of Property and Organizational Contracts in the Field of Public Procurement 72

Tupikov N.V. *(Saratov)*
On the Issue of Constitutional Law Standards for the Protection of Economic Rights in Eurasian Economic Community (on the Example of Russia and Kazakhstan) 83

III. BRANCH PROBLEMS OF LEGAL POLICY

Kobzar-Frolova M.N. *(Moscow)*
At the Origins of Modern Administrative Law (in Memory of S.S. Studenikin) 91

Grishkovets A.A. *(Moscow)*
The Problem of the Presumption of Innocence in Resolving Cases on Administrative Offences (on the Example of Administrative and Jurisdictional Activities of the Police) (Part I) 101

Agamagomedova S.A. *(Moscow)*
The Institution of Public Authority and its Influence on the Development of the Administrative Law Science 116

Kalinina L.E. *(Lyubertsy)*
Planning as a Function of Administrative and Organizational Activities . . . 125

Koshcheeva E.S. *(Kirov)*
Competent Entity Issuing an Administrative Law Enforcement Act. 133

Pashenko S.B. *(Saratov)*
Some Issues of Digitalization of Proceedings in Cases of Administrative Offenses 141

IV. THE POLITICAL AND LEGAL LIFE OF SOCIETY

Vinogradova E.V. *(Moscow)*
Retortion, Reprisals, and Sanctions in the Concept of Sovereign Statehood: the Dichotomy of Law and Politics. 149

Eremyan V.V. *(Moscow)*
Diaspora as a Destabilizing Factor In the Political Process 160

Lazareva O.V. *(Saratov)*
The History of Doctrinal Approaches to the Definition of the Concept and Essence of Legal Procedure (Part I) 183

V. INTRODUCING THE FOLLOWING UNIVERSITIES: SARATOV STATE LAW ACADEMY DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEDURE

Ashirbekova M.T. *(Saratov; Volgograd),* ***Gambarova A.A.*** *(Saratov)*
On Some Innovations in the Criminal Procedure of the Russian Federation in Relation to Criminal Policy Directions in the Choice of Custody 191

Fedyunin A.E., Peretyatko N.M. *(Saratov)*
Imperfections of the Legal Model for the Enforcement of Decisions Taken within the Framework of Judicial Review in Criminal Proceedings . . 202

Churikova A.Yu., Ustinov D.S. *(Saratov)*
Personal Data Transparency and Protection in China's Criminal Proceedings 208

Arzumanyan A.E. *(Saratov)*
Regulation of the Use of Artificial Intelligence in Criminal Proceedings in the Countries of the European Union 215

Baranova M.A., Grigoryan V.L. *(Saratov)*
"Abuse of Right" During the Resumption of Suspended and Terminated Criminal Proceedings 224

Komissarenko E.S. *(Saratov)*
Private Charge Petition as an Exceptional Reason for Initiating A Criminal Case 234

Lavnov M.A. *(Saratov)*
Risk-Based Approach in Criminal Proceedings: Opportunities and Limits of Application. 241

Ovchinnikova N.O. *(Saratov)*
Gaps in the Legal Regulation of "Double Defense" when Providing Legal Assistance in Criminal Cases 249

Spesivov N.V. *(Saratov)*
Goals and Values of Russian Criminal Proceedings 256

Chebotareva T.V. *(Saratov)*
Protection of the Constitutional Right to Privacy During Investigative Inspection of a Mobile Phone. 262

VI. TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Voroshilov I.I. *(Saratov)*
Liability as one of the main Elements of the Legal Status of Organizations Managing Apartment Buildings 268

Galkin M.A. *(Saratov)*
Defense in Criminal Proceedings: Concept and Forms of Implementation. 277

Markov M.G. *(Saratov)*
Internet Piracy, Ways to Protect Against it and Peculiarities of Cases Involving Infringement of Copyright and Related Rights Considered in Civil Proceedings 286

Khvostikov D.V. *(Saratov)*
Principles of Administrative and Legal Regulation of the USE of Highly Automated Civil Transport Means 292

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА ЗЕЛЕНЦОВА

11 февраля 2026 г. отметил юбилей советский и российский ученый-правовед, специалист по административному праву и административному процессу, доктор юридических наук, профессор, профессор Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), действительный член и вице-президент Евразийской академии административных наук (ЕААН), заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ Александр Борисович Зеленцов.

Александр Борисович родился 11 февраля 1951 г. в д. Селевкино Московской области. В 1971 г. поступил на факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (УДН), который окончил в 1978 г. с отличием, получив специальность «Международное право» (квалификация «юрист») и параллельно защитил диплом переводчика с испанского языка на русский. В 1975–1976 гг. стажировался в Университете Ориенте (г. Сантьяго де Куба, Республика Куба). С 1978 по 1981 г. проходил обучение в аспирантуре по кафедре теории и истории государства и права УДН и успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Историзм в буржуазной философии права стран Латинской Америки».

С 1981 г. А.Б. Зеленцов трудился ассистентом кафедры теории и истории государства и права УДН. В 1983 г. был приглашен на работу в Институт общественных наук при ЦК КПСС (ИОН) на должность старшего преподавателя кафедры философии. В этом учебном заведении Александр Борисович читал лекции и вел занятия на испанском и португальском языках. В 1985 г. руководство ИОН направило А.Б. Зеленцова в служебную командировку в Республику Ангола, где он находился до 1990 г. в качестве руководителя группы преподавате-

лей-консультантов. В 1990–1991 гг. был доцентом кафедры философии ИОН. В 1991 г. А.Б. Зеленцов вернулся на кафедру теории и истории государства и права РУДН. С этого времени трудовой путь Александра Борисовича неразрывно связан с этим вузом. Под его руководством в университете была создана кафедра конституционного, административного и финансового права, позднее – кафедра административного и финансового права, которой он заведовал. В разные годы он был заместителем декана по научной работе, возглавлял диссертационный совет РУДН, руководил научно-образовательным центром административного и финансового права и Центром публичного права, а также входил в состав Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ.

Имя Александра Борисовича сегодня прочно ассоциируется с развитием отечественной школы административного права и административной юстиции. Научный вклад профессора А.Б. Зеленцова широко известен прежде всего исследованиями правового спора, административно-правового конфликта и административной юстиции. Ученый является автором свыше 140 научных работ. Именно он определил приоритеты школы как теоретические и сравнительно-правовые исследования административной юстиции и механизмов судебного контроля за публичной администрацией. В рамках этих направлений развивались темы дифференциации и унификации административного судопроизводства, судебного санкционирования как формы контроля, становления судебно-административного права как самостоятельного массива знаний. Докторская диссертация «Теоретические проблемы правового спора» стала одной из ключевых работ, определивших дальнейшую исследовательскую линию ученого. В числе его фундаментальных трудов – монография «Административно-правовой спор: вопросы теории», изданная в РУДН.

Особого уважения заслуживает вклад Александра Борисовича в развитие академического сообщества: он является действительным членом и вице-президентом Евразийской академии административных наук, много лет работал в редакционной коллегии научных изданий, в том числе выполнял обязанности заместителя главного редактора журнала «Вестник РУДН. Серия: Юридические науки», а сегодня входит в состав редколлегий ряда профильных журналов. О признании научной школы профессора А.Б. Зеленцова в профессиональной среде красноречиво свидетельствует тот факт, что его труды становятся предметом специальных юбилейных публикаций в ведущих изданиях по административному праву.

Редакция журнала «Правовая политика и правовая жизнь» от всей души поздравляет Александра Борисовича с юбилеем и желает крепкого здоровья на долгие годы, неиссякаемой жизненной энергии и оптимизма, творческого вдохновения и семейного благополучия.

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА ВЕРОНИКИ СЕРГЕЕВНЫ ХИЖНЯК

25 марта 2026 г. отмечает юбилей известный ученый-конституционалист, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права РАН, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии Вероника Сергеевна Хижняк.

Вероника Сергеевна родилась 25 марта 1976 г. в г. Саратове. В 1997 г. окончила Саратовскую государственную академию права по специальности «Юриспруденция».

С 1997 по 1998 г. проходила обучение в аспирантуре по кафедре конституционного и международного права Саратовской государственной академии права. В 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Конституционное право человека и гражданина на информацию в Российской Федерации», в 2008 г. – докторскую диссертацию на тему «Конституционно-правовой механизм взаимодействия внутригосударственного права Российской Федерации и международного права». В 2023 г. получила звание профессора по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

В.С. Хижняк – автор более 160 научных работ, в том числе монографий: «Право человека на информацию: механизм реализации» (1998), «Закономерности, особенности и тенденции развития процесса взаимодействия национального права России и международного права» (2003), «Взаимодействие национального права России и международного права: конституционные основы» (2002, 2007). Сфера научных интересов профессора широка: конституционные права человека и гражданина в России и за рубежом, взаимодействие конституционного права Российской Федерации и международного

права, международные и внутригосударственные гарантии прав человека.

Вероника Сергеевна активно участвует в написании коллективных монографий. В январе 2025 г. монография «30 лет Конституции Российской Федерации: конституционный диалог 5 лет спустя» под ее редакцией заняла III место в номинации «Конституционное право» в международном открытом конкурсе на лучшую книгу по юриспруденции в Алтайском государственном университете. Является автором и соавтором десяти учебно-методических пособий. Имеет научные статьи в ведущих российских юридических журналах: «Государство и право», «Журнал российского права», «Правовая политика и правовая жизнь», «Правоведение», «Труды Института государства и права», а также публикации в журналах, индексируемых в международной базе Scopus: «Журнал Сибирского федерального университета», «Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова», «Всероссийский криминологический журнал».

Профессор В.С. Хижняк активно участвует в выполнении государственных заданий, в деятельности научно-образовательной лаборатории евразийского права и права БРИКС и разработке проекта федерального закона «Об основах государственного регулирования науки в Российской Федерации».

Вероника Сергеевна является членом диссертационного совета 24.2.390.02, функционирующего на базе ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Под научным руководством В.С. Хижняк защищено пять диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

В знак признания заслуг В.С. Хижняк была неоднократно награждена благодарственными письмами и почетными грамотами губернатора Саратовской области, директора Института государства и права Российской академии наук, ректора СГЮА.

Веронику Сергеевну отличает удивительное сочетание строгости и доброты, высокой эрудиции и простоты в общении. Коллеги и друзья отмечают ее отзывчивость, умение заразить своим энтузиазмом, с ней даже самые сложные научные задачи кажутся легко решаемыми.

Редакция журнала «Правовая политика и правовая жизнь» от всей души поздравляет Веронику Сергеевну с юбилеем и желает крепкого здоровья, вдохновения, успешной реализации всех намеченных планов и научных проектов, радости от каждого открытия и простого человеческого счастья!

А.Ю. Соколов,
доктор юридических наук, профессор,
директор Саратовского филиала
Института государства и права
Российской академии наук

A.Yu. Sokolov,
Doctor of Law, Professor,
Director of the Saratov Branch
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences
aysockolov@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-14-25

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ В СФЕРЕ НАУКИ

Аннотация: *актуальность статьи определена необходимостью создания благоприятных условий для функционирования разнообразных субъектов научной деятельности. Нормы Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» отличаются фрагментарным характером и недостаточной степенью регламентации существенных вопросов их правового статуса. Цель статьи состоит в выработке научно обоснованных предложений по устранению нормативных пробелов в соответствующей сфере. В качестве основных методов научного исследования использованы анализ, синтез, формально-юридический, сравнительно-правовой. Проведен анализ отечественного федерального закона, а также законодательных актов о науке Республики Беларусь и Республики Казахстан в части нормативного регулирования субъектов научной деятельности. Сделан вывод о необходимости принятия нового федерального закона о науке, включающего главу о правовом положении субъектов научной деятельности.*

Ключевые слова: *научная организация, государственная академия наук, образовательная организация, ученый, научный работник, научная деятельность.*

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF SCIENTIFIC ENTITIES

Abstract: *the relevance of this article is determined by the need to create favorable conditions for the functioning of various entities engaged in scientific activity. The provisions of the Federal Law of August 23, 1996, № 127-FZ "On Science and State Scientific and Technical Policy" are fragmented and insufficiently regulate significant issues of their legal status. The purpose of this article is to develop scientifically substantiated proposals for eliminating regulatory gaps in the relevant area. The main methods of scientific research include analysis, synthesis, formal-legal, and comparative-legal methods. An analysis of domestic federal law, as well as legislative acts on science of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, is conducted in terms of regulatory regulation of entities engaged in scientific activity. A conclusion is drawn regarding the need to adopt a new federal law on science, including a chapter on the legal status of entities engaged in scientific activity.*

Keywords: *scientific organization, state academy of sciences, educational organization, scientist, research worker, scientific activity.*

Наука выступает формой духовной деятельности людей, направленной на получение и применение новых знаний о природе, человеке и самом познании. Она представляет собой творческий процесс, который всегда осуществляется определенными субъектами. Это могут быть как отдельные ученые, так и их научные организации, что обусловлено необходимостью решения научных проблем, требующих взаимодействия людей, обладающих специальными знаниями и навыками. Представляется справедливым мнение, что субъектом современной науки, как правило, выступает уже не отдельный ученый, каким бы талантливым он ни был, а коллектив исследователей [1, с. 9], что способствует также формированию коллективного общественного сознания, базирующегося на основных общечеловеческих ценностях [2, с. 115]. Научная организация, объединяющая ученых, действует как единое целое, представляя собой самостоятельный субъект в сфере науки.

Признавая ключевое место субъектов научной деятельности, Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон № 127-ФЗ) [3] посвящает им отдельную главу. В качестве таковых рассматриваются физические и юридические лица. Отдельные статьи определяют права и обязанности научных работников и их объединений, устанавливают статус научной организации, ее структурных подразделений. Закреплены полномочия органов государственной власти РФ в части поддержки субъектов научной деятельности, создания гарантий свободы творчества и доступа к информации, финансирования выполняемых ими проектов.

Тем не менее правовое регулирование деятельности обозначенных субъектов в настоящее время далеко от совершенства. Обращает на себя внимание фрагментарный характер норм законодательства, что не соответствует новым реалиям и вызовам, стоящим перед обществом. Утвержденная Президентом РФ Стратегия научно-технологического развития [4] указывает на необходимость «наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации», что вряд ли представляется возможным в отсутствии должной регламентации статуса осуществляющих научную деятельность субъектов и нечеткой организации их взаимодействия.

При всем многообразии субъектов научной деятельности Закон № 127-ФЗ не закрепляет общего перечня их видов. Наблюдаются

и нарушения правил юридической техники. Так, в соответствующей главе содержатся положения о специалистах научных организаций и работниках сферы научного обслуживания, однако они относятся к субъектам, осуществляющим содействие научной деятельности, в связи с чем нормы, посвященные регламентации их правового статуса, логичнее было бы выделить в отдельную главу.

Попытка структурирования перечня субъектов научной деятельности ранее была предложена проектом федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» [5]. В его раздел, имеющий наименование «Субъекты научной, научно-технической и инновационной деятельности», включены отдельные главы: «Ученые», «Организации, осуществляющие научную, научно-техническую и инновационную деятельность», «Организации и (или) объединения организаций в области науки и технологий со специальным правовым статусом», но их содержание характеризуется наличием норм, которые детально регламентируют подготовку научных кадров, статус Высшей аттестационной комиссии, порядок признания ученых степеней, полученных в иностранном государстве. Обозначенные вопросы не имеют прямого отношения к правовому регулированию общих вопросов организации и деятельности субъектов научной деятельности и перегружают соответствующий раздел. Стоит также отметить наличие норм, определяющих правовое положение научных консорциумов и общественных академий наук, что выступает проявлением интеграции и взаимодействия в сфере науки, однако участниками данных объединений являются субъекты научной деятельности, статус которых требует отдельной регламентации.

В.С. Хижняк и Е.А. Отставнова подчеркивают необходимость первоочередного определения категорий лиц, занимающихся научной деятельностью, их прав и обязанностей, что позволит учесть все необходимые нюансы по созданию благоприятных условий для их научной работы [6, с. 106].

Представляется, что под субъектами научной деятельности следует понимать физических и юридических лиц, осуществляющих научную деятельность. Руководствуясь спецификой подчиненности и особенностями осуществления научной деятельности, к физическим лицам, выступающим субъектами научной деятельности, требуется относить исследователей, научных и научно-педагогических работников; лиц, осуществляющих подготовку диссертации на соискание ученой степени кандидата или доктора наук. К юридическим лицам относятся научные организации, государственные академии наук, образовательные организации высшего образования. При этом их пере-

чень стоит оставить открытым, что позволит осуществлять научные исследования любым юридическим лицам независимо от организационно-правовой формы.

Основное место в числе субъектов научной деятельности принадлежит ученым, специально занятым производством знания. Закон № 127-ФЗ использует термин «научный работник (исследователь)» определяя, что таковым признается гражданин, который обладает необходимой квалификацией и профессионально занимается научной и (или) научно-технической деятельностью. Вряд ли корректно отождествлять исследователя и научного работника, поскольку за рамками нормативного регулирования остается деятельность ученых, не имеющих отношения в данный момент времени к какой-либо научной организации. Представляется, что соответствующие категории ученых корректно разграничить, установив, что исследователем является лицо, занимающееся научными исследованиями и (или) разработками. В свою очередь, под научным работником необходимо понимать лицо, имеющее высшее образование и замещающее должность, предусмотренную типовым перечнем должностей научных работников, утверждаемым Правительством РФ.

В данном контексте следует отметить, что разграничение данных категорий лиц было предложено в Модельном законе «О статусе ученого и научного работника», принятом Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 25 ноября 2008 г. № 31-14 [7]. В нем рекомендовано определять права и обязанности ученого законодательством и условиями устава профессионального научного сообщества, а статус научного работника конкретизировать законами о науке, трудовым законодательством, условиями коллективных договоров и соглашений, трудового договора и требованиями устава организации-нанимателя.

В числе государств постсоветского пространства представляет интерес Республика Казахстан, принявшая Закон от 1 июля 2024 г. № 103-VIII «О науке и технологической политике» [8], где категории «ученый» и «научный работник» разграничены.

Действующий закон не уделяет достаточного внимания особому статусу научно-педагогических работников. Статья, посвященная закреплению их прав и обязанностей, включена лишь в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон № 273-ФЗ) [9]. При этом законодательное определение данной категории научных работников отсутствует. Исходя из того, что к их обязанностям отнесено не только осуществление научной деятельности, но и формирование у обучающихся

профессиональных качеств по избранным ими профессиям, специальностям или направлениям подготовки, следует нормативно закрепить определение научно-педагогического работника как лица, имеющего высшее образование, занимающегося научной и педагогической деятельностью и замещающего должность профессорско-преподавательского состава в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ.

Отдельная статья 4.1 Закона № 127-ФЗ посвящена регламентации общих вопросов государственной системы научной аттестации в части допуска к защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Однако в нем не определено правовое положение аспиранта, адъюнкта, докторанта, а также лица, осуществляющего подготовку диссертации без освоения программы подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) и без направления лица в докторантуру. Порядок подготовки диссертации и ее представления к защите нашел конкретизацию в подзаконных актах. Вместе с тем представляется необходимым закрепить определения соответствующих лиц в федеральном законодательстве.

Статусы исследователя, научного и научно-педагогического работника; лица, осуществляющего подготовку диссертации на соискание ученой степени кандидата, ученой степени доктора наук, должны характеризоваться как специфическими, так и общими правами и обязанностями, обусловленными необходимостью осуществления научной деятельности. В Законе № 127-ФЗ перечень прав и обязанностей ученых закреплен, однако он имеет отношение лишь к научным работникам. Обновленный перечень может быть расширен за счет включения в него права на опубликование результатов своих исследований и (или) обнародование их иным способом в порядке, предусмотренном законодательством РФ и международными договорами; получение, передачу, распространение и обнародование открытой научной информации, в том числе о полученных результатах научной деятельности в формах, предусмотренных законодательством РФ; подачу заявок на участие в международном научном сотрудничестве (стажировки, командировки, публикации научных результатов за пределами территории РФ). Важной гарантией свободы научного творчества выступает право на самостоятельное определение форм, направлений и средств научной деятельности в соответствии со своими интересами и творческими возможностями, нравственными и этическими нормами, в том числе требованиями профессиональной этики; право на создание общественных объединений в сфере науки

и участие в их деятельности; на обоснованный риск в научной деятельности. Что касается закрепленного в п. 7 ст. 4 Закона № 127-ФЗ перечня обязанностей, представляется необходимым его скорректировать посредством указания на недопустимость осуществления научных исследований и (или) разработок, нарушающих права и законные интересы иных лиц, а также ограничения, установленные законодательством.

В качестве научных организаций рассматриваются как юридические лица независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности, так и общественные объединения научных работников, осуществляющие в качестве основной деятельности научную и (или) научно-техническую деятельность, однако не все общественные объединения обладают статусом юридического лица, в связи с чем корректно посвятить особенностям их правового положения отдельную статью закона.

Нормативная регламентация правосубъектности научных организаций представлена в ст. 5 Закона № 127-ФЗ, которая весьма объемна и затрагивает различные аспекты их организации и деятельности. С точки зрения юридической техники, целесообразно выделить статьи, определяющие понятие научной организации и ее видов, а также регламентирующие общие вопросы управления деятельностью научной организации.

Стоит отметить, что одной из разновидностей научных организаций выступает государственный научный центр. Тем не менее закрепленное в п. 2 ст. 5 Закона № 127-ФЗ определение таких центров не в полной мере соответствует Указу Президента РФ от 12 августа 2022 г. № 546 «О государственных научных центрах Российской Федерации» [10], который конкретизирует направления их деятельности и устанавливает, что «научной организации, которая имеет уникальную научную установку и (или) центр коллективного пользования научным оборудованием, и (или) уникальное опытно-экспериментальное оборудование, располагает высококвалифицированными научными работниками и специалистами и (или) научная деятельность которой получила международное признание, Правительством Российской Федерации может присваиваться статус государственного научного центра». Указанное определение государственного научного центра следует закрепить на законодательном уровне.

Статья, определяющая компетенцию ученого (научно-технического совета) научной организации, включена в Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-XIII «О научной деятельности» [11]. Однако Закон № 127-ФЗ об ученых и научных советах научной

организации как органах управления лишь упоминает, ограничиваясь указанием на их обязанность разрабатывать и утверждать планы научных работ, программы или планы развития государственных и муниципальных научных организаций исходя из государственных заданий, профиля государственных и муниципальных научных организаций, их научных и экономических интересов. Соответствующий совет также может принять решение о наделении научного руководителя научной организации полномочиями его председателя. Порядок формирования и компетенция совета конкретизируются законодательством и учредительными документами научной организации, однако к его общим полномочиям, помимо уже закрепленных в законодательстве, следует отнести определение тематики научной деятельности организации; подготовку рекомендаций о создании структурных подразделений организации для обеспечения выполнения работ по тематике научной деятельности организации; осуществление оценки результатов научной деятельности структурных подразделений, временных научных коллективов, отдельных научных работников организации и утверждение плана научной работы и отчета о деятельности организации; принятие решения о проведении конкурса на замещение вакантных должностей научных работников, а также осуществление иных функций, предусмотренных актами законодательства и учредительными документами научной организации.

Разновидностью научных организаций выступают государственные академии наук, которые могут быть созданы Российской Федерацией и ее субъектами. Рассмотрение положений ст. 6 Закона № 127-ФЗ позволяет сделать вывод, что в ней регламентированы лишь вопросы организации и деятельности Российской академии образования, Российской академии архитектуры и строительных наук, Российской академии художеств. Лишь данные учреждения, а также Российская академия наук рассматриваются в качестве государственных академий наук. Такая государственная форма организации научных исследований, организации научного сообщества, экспертного сообщества проверена временем и показала свою эффективность и оптимальность [12]. Особенности правового статуса Российской академии наук определены отдельным федеральным законом.

Вместе с тем на региональном уровне также функционируют государственные академии наук. Например, Устав государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» [13] закрепляет ее правовое положение как юридического лица, учредителем и собственником имущества которого выступает Республика Татарстан. В качестве цели ее деятельности обозначено

устойчивое социально-экономическое, интеллектуально-духовное, научно-техническое и научно-технологическое развитие Республики Татарстан, предметом деятельности выступает выполнение работ и оказание услуг в сфере науки, инноваций и образования, непосредственно направленных на достижение основной цели деятельности. Учреждение обеспечивает непрерывное развитие науки в Республике Татарстан, осуществляя анализ и прогнозирование основных направлений научного, научно-технологического, социально-экономического и демографического развития; выявляя перспективные направления фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований; осуществляя научно-исследовательскую, научно-техническую, опытно-конструкторскую, инновационную, внедренческую деятельность по различным направлениям; организуя международные, всероссийские, республиканские научные, научно-просветительские и иные мероприятия, а также выполняя иные функции.

Как следует из отчета о деятельности Академии наук Республики Татарстан, на ее базе функционируют советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и доктора наук, осуществляется издание журналов, входящих в перечень ВАК. Академия активно участвует в реализации ряда республиканских государственных программ, что позволяет решать назревшие научные проблемы, коррелировать фундаментальные исследования с прикладными заданиями республиканских министерств и ведомств, удовлетворять общественный запрос на научно-прикладные разработки [14].

Государственная академия наук также существует в Республике Башкортостан. Согласно Уставу, ее деятельность направлена на сохранение и развитие научного потенциала Республики Башкортостан с целью превращения его в один из основных ресурсов устойчивого развития республики [15]. Ее отделения разрабатывают основные направления научных исследований в соответствующих областях науки, осуществляют их координацию и развивают научное сотрудничество.

Государственное казенное учреждение «Академия наук Чеченской Республики» создана как некоммерческая организация, осуществляющая выполнение работ и оказание услуг в сфере фундаментальных и прикладных научных исследований по важнейшим проблемам естественных, технических и гуманитарных наук, способствующих общественно-политическому, социально-экономическому и культурно-духовному развитию Чеченской Республики. Она наделена правами по координации фундаментальных и приоритетных прикладных исследований, выполняемых научными и образовательными

учреждениями высшего образования, финансируемых за счет средств республиканского бюджета [16].

Таким образом, в федеральном законодательстве о науке представляется необходимым установить, что Российская Федерация и ее убъекты могут создавать государственные академии наук в форме бюджетных учреждений. К их полномочиям следует относить участие в координации и проведении фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований в соответствующих отраслях науки, осуществление научно-методического обеспечения реализации отраслевых государственных программ, а также научно-консультативное и экспертное обеспечение в соответствующих отраслях науки. При этом государственная академия наук субъекта РФ может быть создана на основании решения высшего исполнительного органа соответствующего субъекта РФ, а финансирование ее деятельности осуществляется за счет средств бюджета субъекта РФ.

К субъектам научной деятельности также относятся образовательные учреждения высшего образования, которые осуществляют ее наряду с образовательной. Это следует из п. 2. ст. 23 Закона № 273-ФЗ, согласно которой они осуществляют «в качестве основной цели деятельности образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и научную деятельность». Интеграция науки и образования относится к числу основных целей государственной научно-технической политики, а формы такой интеграции обозначены в ст. 72 Закона № 273-ФЗ. В то же время Закон № 127-ФЗ не содержит норму, устанавливающую перечень полномочий образовательных организаций высшего образования в научной сфере. Логичной представляется регламентация вопросов научной деятельности образовательных организаций высшего образования в законодательстве о науке. В связи с этим необходимо определить основными целями деятельности образовательных организаций высшего образования в сфере науки получение научных результатов при проведении фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований; подготовку научных и научно-педагогических кадров; повышение квалификации научно-педагогических работников; внедрение результатов научной деятельности в образовательную деятельность и (или) производство; вовлечение обучающихся в научную деятельность; популяризацию науки. Для достижения данных целей они создают и развивают необходимую инфраструктуру, советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; организуют научные мероприятия, включая форумы, конференции, симпозиумы, стратегические сессии,

круглые столы; взаимодействуют с Российской академией наук, государственными академиями наук и иными научными организациями, а также хозяйствующими субъектами для практического применения результатов исследований и их внедрения в образовательную деятельность и (или) производство.

Выделяя некоторые виды организаций, осуществляющих научную деятельность, Закон № 127-ФЗ тем не менее не закрепляет общего перечня их прав и обязанностей. Реализация научной деятельности организаций независимо от их организационно-правовой формы должна предполагать участие в конкурсах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ, финансируемых за счет бюджетных и внебюджетных средств; осуществлять сотрудничество с иными организациями; организовывать постоянные или временные научные коллективы для проведения совместной научной деятельности; создавать центры коллективного пользования научным оборудованием, уникальные научные установки; участвовать в разработке документов стратегического планирования в сфере науки; оказывать научно-экспертные и научно-консультативные услуги; осуществлять научно-просветительскую деятельность, организацию и проведение научных мероприятий и иную деятельность в соответствии с законодательством. В свою очередь, к их обязанностям можно отнести участие в мониторинге результативности научной деятельности; обеспечение равных условий доступа к инфраструктуре научной деятельности, а также обеспечение права своих работников на осуществление научной деятельности.

Подводя итог, следует констатировать необходимость внесения существенных изменений в федеральное законодательство о науке, направленных на конкретизацию правового положения субъектов, осуществляющих научную деятельность. Потребность в учете специфики различных категорий участников общественных отношений в сфере науки, разграничении субъектов научной деятельности и содействующих им лиц вряд ли может быть удовлетворена посредством корректировки существующего Закона № 127-ФЗ, уже не отвечающего современным реалиям, что обусловливает целесообразность принятия нового федерального закона, посвященного государственному регулированию науки в нашей стране.

Список литературы:

1. Лебедев, С.А. Единство естественнонаучного и социально-гуманитарного знания / С.А. Лебедев // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2010. – № 2. – С. 5–10.

2. Савенков, А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права / А.Н. Савенков // Государство и право. – 2022. – № 2. – С. 103–115.

3. О науке и государственной научно-технической политике : федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 35, ст. 4137; 2025. – № 26, ч. 1, ст. 3497.

4. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2024. – № 10, ст. 1373.

5. О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации : проект Федерального закона (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28 марта 2018 г.). – URL: https://regulation.gov.ru/projects/79415 (дата обращения: 30.01.2026).

6. Хижняк, В.С. Конституционно-правовой статус субъектов научной деятельности / В.С. Хижняк, Е.А. Отставнова // Вестник Сарат. гос. юрид. акад. – 2025. – № 2. – С. 104–113.

7. О модельном законе «О статусе ученого и научного работника» : постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2008 г. № 31-14 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств –участников Содружества Независимых Государств. – 2009. – № 43. – С. 337–358.

8. О науке и технологической политике : Закон Республики Казахстан от 1 июля 2024 г. № 103-VIII (в ред. от 27 сентября 2025 г.) // Казахстанская правда. – 2024. – 2 июл.; 2025. – 30 сент.

9. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 53, ч. 1, ст. 7598; 2025. – № 52, ч. 1, ст. 8357.

10. О государственных научных центрах Российской Федерации : указ Президента РФ от 12 августа 2022 г. № 546 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 33, ст. 5892.

11. О научной деятельности : Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-XIII (в ред. от 17 июля 2023 г.) // Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. – 1998. – № 1, ст. 4; Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – 25 июля 2023 г., 2/3020.

12. Габов, А.В. О развитии науки, криптовалюте и экономике / А.В. Габов // Видеоинтервью на канале права Института науки и технологий. – URL: https://www.iuaj.net/node/3536 (дата обращения: 03.02.2026).

13. Устав государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» : утвержден постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 30 декабря 2023 г. № 1763 // Академия наук Республики Татарстан. – URL: https://www.antat.ru/ru/academy/documents/statute/index.php (дата обращения: 30.01.2026).

14. Отчет Академии наук Республики Татарстан за 2023 г. // Академия наук Республики Татарстан. – URL: https://www.antat.ru/ru/activity/scienc-research/1Отчет%20Академии%20наук%20РТ%202023%20сайт.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

15. Об утверждении Устава государственного бюджетного научного учреждения «Академия наук Республики Башкортостан» : распоряжение Главы РБ от 30 июня 2022 г. № РГ-210 // Академия наук Республики Башкортостан : электронный ресурс. – URL: http://www.anrb.ru/uploads/files/docs/Ustav.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

16. Об утверждении Устава государственного казенного научного учреждения «Академия наук Чеченской Республики» : распоряжение Правительства Чеченской Республики от 29 декабря 2011 г. № 489-р // Академия наук Чеченской Республики. – URL: https://anchr.ru/wp-content/uploads/2018/03/Prosmotret-v-formate-pdf..pdf (дата обращения: 30.01.2026).

В.С. Хижняк,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук

V.S. Khizhnyak,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
veronika_h@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-26-36

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению особенностей конституционно-правового регулирования вопросов участия органов публичной власти РФ в международных отношениях.*

Цель работы – анализ проблем конституционно-правового регулирования вопросов участия органов публичной власти РФ в международных отношениях, а также разработка предложений по его совершенствованию на современном этапе.

В ходе исследования было выявлено, что разные органы, относящиеся к системе публичной власти, могут участвовать в определенных отношениях, регулируемых международным правом. Только федеральные органы обладают правомочиями участвовать во внешнеполитических отношениях. В результате проведенного анализа проблем конституционно-правового регулирования участия органов публичной власти в международных отношениях автором предложено внести изменения в Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» и в ряд федеральных законов.

Ключевые слова: *публичная власть, конституционное право, конституционно-правовое регулирование, международное право, международные отношения, конституционные принципы деятельности органов публичной власти.*

FEATURES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF PARTICIPATION OF PUBLIC AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN INTERNATIONAL RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Abstract: *the article is devoted to the consideration of the features of constitutional and legal regulation of issues of participation of public authorities of the Russian Federation in international relations.*

The purpose of the work is to identify the problems of constitutional and legal regulation of issues of participation of public authorities of the Russian Federation in international relations, as well as to develop proposals for its improvement at the present stage.

The study revealed that different bodies related to the public authority system can participate in certain relations regulated by international law. Only federal bodies have

the authority to participate in foreign policy relations. The study revealed some problems of constitutional and legal regulation of participation of public authorities in international relations. In this regard, it was proposed to amend the Federal Constitutional Law "On the Government of the Russian Federation" and a number of federal laws.

Keywords: *public authority, constitutional law, constitutional and legal regulation, international law, international relations, constitutional principles of activities of public authorities.*

Современные вызовы государству, такие как глобальная турбулентность, снижение эффективности международных институтов, попытки западных стран заменить международное право порядком, основанным на их правилах, санкционное давление, повышают необходимость быстрого принятия внешнеполитических решений. Деятельность органов, входящих в единую систему публичной власти в Российской Федерации, как на внутригосударственном, так и на международном уровне основана на системе конституционных принципов. Следует согласиться с Е.В. Виноградовой в том, что «российская модель государственного суверенитета в настоящее время находится в состоянии трансформации под влиянием как внутренних, так и внешних факторов» [1, с. 8].

На наш взгляд, все элементы данной системы находятся в неразрывной связи и не создают иерархии. Тем не менее на современном этапе особое значение приобретает принцип согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Эффективность внешней политики и всей международной деятельности РФ зависит от эффективности реализации указанного принципа, т.к. он направлен на обеспечение функционирования всей системы [1, с. 8].

Правовую основу выделения этого принципа составляет положение ст. 80 российской Конституции, в которой указывается на соответствующее полномочие Президента РФ [2]. Принцип можно назвать составным или двуединым, поскольку он объединяет две части: согласованное функционирование деятельности органов публичной власти и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Полагаем, подобный подход не создает рисков для системы разделения властей или системы сдержек и противовесов, поскольку каждый орган обладает собственным функционалом, используемым им в целях реализации общей государственной политики, которая, в свою очередь, может быть эффективной только при наличии единства в деятельности органов публичной власти.

Устоявшегося понятия принципа согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти в современной

юридической литературе не существует. Представляется, что под ним следует понимать деятельность органов публичной власти по реализации своих функций, закрепленных в Конституции РФ и законодательстве РФ, имеющую единые правовые основы, в качестве которых выступают конституционные принципы, характеризующуюся едиными подходами к реализации, а также наличием одобрения действий нижестоящих органов вышестоящими, что может выражаться через контроль и координацию.

Можно согласиться с мнением о том, что взаимодействие органов публичной власти необходимо рассматривать и как процесс, целью которого является «выработка эффективного механизма совместных действий, необходимого для слаженного взаимодействия государства и населения» [3, с. 16]. Однако данное понятие не учитывает тот факт, что функции органов публичной власти осуществляются не только на внутригосударственном, но и на международном уровне, поэтому можно предложить следующее определение понятия «согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти» как процесса: «осуществление как самостоятельной, так и совместной деятельности органов публичной власти Российской Федерации, основанной на единых конституционных принципах, осуществляемой на внутригосударственном и международном уровне, направленной на достижение интересов, имеющих важное значение для существования и развития российского государства, общества и граждан».

Координационная функция в этом процессе, согласно Конституции РФ, принадлежит Президенту России, тем более что как субъект, формирующий не только внутригосударственную, но и внешнюю политику государства, он обладает возможностью обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на обоих уровнях. Важным аспектом его деятельности в международных отношениях выступает обеспечение единообразия внешней политики и сохранения ее взаимосвязи с внутренней политикой государства [2].

При этом все органы, входящие в систему публичной власти, в той или иной степени вовлечены в процесс участия в международных отношениях, т.к. являются элементами единой системы. На наш взгляд, даже если определенный орган непосредственно не осуществляет собственных функций в этой сфере, он может опосредованно способствовать реализации внешней политики. Так, внешнеполитическая функция не принадлежит субъектам Федерации и органам местного самоуправления, но, осуществляя свои полномочия через международ-

ную и внешнеэкономическую деятельность, они могут реализовывать механизмы «мягкой силы», тем самым способствуя эффективности общего внешнеполитического курса государства.

Круг органов публичной власти, участвующих в международных отношениях, обладает своей спецификой. Ряд этих органов наделен собственными полномочиями по участию в международных отношениях и реализации внешней политики государства (Президент, Правительство, главы министерств и ведомств).

Конкретные полномочия и объем внешнеполитических отношений, в которых они могут участвовать, зависят от того, относятся они к конституционным или к специальным органам, участвующим в реализации внешней политики государства. Сфера деятельности конституционных (например, глава государства) органов, как правило, шире. У специальных они не только уже, но и относятся к определенной сфере международных отношений (экономика, транспортная сфера, культура, наука и т.д.). При этом глава государства и органы исполнительной власти традиционно обладают более широкими полномочиями, чем органы законодательной и судебной власти. Особенности участия этих органов в международных отношениях достаточно изучены, поэтому позволим себе на этом не останавливаться.

Вместе с тем следует отметить, что конституционно-правовое регулирование взаимодействия органов публичной власти при реализации их полномочий в международной сфере необходимо развивать в соответствии с современными требованиями. Так, в постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 23 декабря 2019 г. «Об актуальных проблемах внешней политики Российской Федерации» отмечается необходимость «активизации парламентского измерения ШОС и БРИКС» [4]. И, конечно же, необходима координация взаимодействия органов законодательной и исполнительной власти в России. В связи с этим можно было бы предложить дополнить ст. 25 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» пунктом 7 и указать в нем, что «в целях обеспечения единства реализации внешней политики Российской Федерации Правительство осуществляет консультации с Федеральным Собранием Российской Федерации».

Обращает на себя внимание тот факт, что не все органы публичной власти могут принимать участие во всех сферах международной жизни. Так, субъекты РФ и органы местного самоуправления не принимают участия в реализации внешней политики.

Важное значение для осуществления органами публичной власти международной деятельности имеет Концепция внешней политики Российской Федерации. Это документ программного характера, в котором определены ключевые направления внешней политики и обозначены национальные интересы, определяющие характер участия России в международных отношениях. В реализации стратегических целей, перечисленных в ст. 17 Концепции, могут принимать участие все органы, входящие в единую систему публичной власти, поскольку к ним относятся не только внешнеполитические, но и внешнеэкомические цели, цели в сфере науки, культуры и др. [6]

В настоящее время действует Правительственная программа «Внешнеполитическая деятельность» (срок действия продлен до 2030 г.) [7]. В качестве ее существенного плюса можно отметить комплексный подход, основанный на взаимообусловленных мероприятиях, проектах и иных инструментах. Мероприятия носят комплексный характер, в их реализацию вовлечены различные министерства и ведомства, несмотря на то, что основным исполнителем данной Программы является Министерство иностранных дел РФ. Подобный подход позволяет гибко и оперативно координировать деятельность различных субъектов, принимающих участие в осуществлении мероприятий этого документа, и способствует более эффективной реализации национальных интересов России на международном уровне.

Особый интерес представляет участие в рассматриваемом процессе органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления.

Вопросы участия субъектов РФ были урегулированы Федеральным законом от 16 января 1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации». Несмотря на то, что изменения в него не вносились уже десять лет, в целом вопросы взаимодействия федеральных органов и органов субъектов Федерации в обозначенной сфере в достаточной степени урегулированы. Тем не менее в нем не отражено содержание используемых понятий, не раскрыто влияние цифровизации на современные отношения, противодействие глобальным вызовам и возможность участия субъектов РФ в реализации механизмов «мягкой силы», что особенно важно в современной обстановке [8].

Органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления наделяются определенными полномочиями в международных отношениях, что нашло свое отражение в ч. 66 ст. 43 Федерального закона от 15 декабря 2021 г. «Об общих принципах

организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [8] и в гл. 9 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [9] (далее – Федеральный закон № 33-ФЗ). Безусловно, при осуществлении своей деятельности на международном уровне указанные органы должны принимать решения в русле единой внешней политики российского государства и способствовать ее единообразной реализации. Это отражено в российском законодательстве, в частности в ст. 80 Федерального закона № 33-ФЗ, согласно которой федеральный орган исполнительной власти вырабатывает, реализует и обеспечивает проведение государственной политики в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления. При этом данный орган самостоятельно определяет приоритетные направления международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления [Там же].

Представляется, что указанные направления должны разрабатываться с учетом принципа согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, норм Конституции и законодательства, а также Концепции внешней политики Российской Федерации [5].

Федеральный орган исполнительной власти, конечно, не разрабатывает какую-то отдельную политику в международной сфере. В любом случае ее содержание должно соответствовать общегосударственной политике. Особенностью здесь, скорее, выступает разработка необходимых мер по реализации единообразной политики на международном уровне. При этом из содержания данных положений ст. 80 Федерального закона № 33-ФЗ можно сделать вывод о подконтрольности внешнеэкономической и международной деятельности органов местного самоуправления Правительству РФ и отраслевым министерствам и ведомствам.

Использование термина «внешнеэкономические связи» в Законе не случайно. Международные отношения, так же как и внутригосударственные, могут осуществляться в разных сферах, однако субъекты Федерации, тем более местное самоуправление, никогда не наделяются внешнеполитическими функциями. Те международные отношения, в которых они принимают участие, относятся к социально-экономической сфере: торговле, науке, культуре, спорту и туризму – тому, на чем строится так называемая мягкая сила. Поэтому у субъектов РФ могут быть свои торговые представительства в зарубежных странах (как, например, у Республики Татарстан [10]), но не может быть своих дипломатических или

консульских представительств. Таким образом, указанные субъекты своей международной деятельностью должны способствовать наиболее эффективной реализации внешней политики государства, а не формировать и осуществлять какую-то собственную политику.

На уровне субъектов Федерации в России существует опыт создания рабочих групп из представителей региональных государственных органов, которые предполагают участие также иностранных партнеров. Например, в 2017 г. в Свердловской области было шесть таких групп с участием представителей двадцати двух зарубежных стран [11, с. 183]. Однако подобные примеры – редкость. Работа таких комиссий оценивается в юридической литературе положительно, что дает основания предложить расширить опыт их применения в Российской Федерации.

Субъекты Федерации и органы местного самоуправления обладают большим потенциалом участия в международных отношениях, который сейчас не используется в полную силу. Их международные и внешнеэкономические связи слабо координируются Правительством РФ. Недостаточно используются возможности приграничного сотрудничества, особенно субъектами местного самоуправления. Нет системной поддержки международных инициатив субъектов на федеральном уровне.

Так, через них можно было бы реализовывать гуманитарные инициативы, перечисленные в постановлении Совета Федерации «Об актуальных проблемах внешней политики Российской Федерации», такие как «русская школа за рубежом», «академическая мобильность», «координация работы с соотечественниками за рубежом» и другие, например положения ч. 3 ст. 67.1 и ст. 69 Конституции РФ [2].

Следует согласиться с М. Ю. Дитятковским в том, что в Федеральном законе № 33-ФЗ никак не регулируются вопросы о городах-побратимах и об участии организаций межмуниципального сотрудничества в международных и внешнеэкономических связях. Это вопросы, напрямую относящиеся к «мягкой силе», и их правовое урегулирование также помогло бы совершенствовать законодательство и способствовало бы реализации положений Конституции [12, с. 88–89].

Считается, что все органы, входящие в систему публичной власти РФ в рамках своей компетенции, должны содействовать реализации направлений внешней политики, заложенных в ст. 79.1 Конституции РФ, а именно: принятию мер «по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению

мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства» [2]. Возможность субъектов РФ и органов местного самоуправления участвовать в реализации механизмов «мягкой силы» на международном уровне является недооцененной.

На наш взгляд, есть объективная необходимость в конкретизации терминологического аппарата, используемого в законодательстве, применительно к участию субъектов Федерации и органов местного самоуправления в международных отношениях. В частности, требуется уточнить термин «международные связи» по отношению к субъектам Федерации и органам местного самоуправления.

Как обычаи международного общения, так и отечественное законодательство не предусматривают возможности участия указанных выше субъектов международных связей во всей их полноте. Полномочия субъектов не распространяются на сферу внешней политики, т.к. это прерогатива суверенного государства.

Исключив внешнеполитические и внешнеэкономические связи из содержания термина «международные связи», можно говорить о том, что он подразумевает гуманитарные или культурные связи рассматриваемых субъектов. Полагаем, законодатель использовал этот термин для сокращения языковых усилий при формулировании полномочий субъектов Федерации и органов местного самоуправления в международной сфере. Такой подход может быть оправдан лингвистически, но не совсем – юридически. На наш взгляд, этот термин может привести к недопониманию, и поэтому мы предлагаем заменить его в законодательстве на термин «международные гуманитарные связи» и уточнить, что его содержание охватывает любые связи указанных субъектов, не только внешнеэкономические. С одной стороны, этот термин достаточно широк и объединяет отношения в области культуры, науки, туризма, спорта и некоторые другие, а с другой – предполагает возможность участия органов субъектов РФ и местного самоуправления в помощи жертвам военных действий. Указанный подход отвечает принципу юридической определенности, позволяет установить четкие правовые рамки для развития такого инструмента внешней политики, как «мягкая сила» и минимизирует правовые риски, отграничивая эти отношения от именно внешнеэкономических отношений. Подобное уточнение будет способствовать системному совершенствованию конституционно-правового регулирования в целях повышения эффективности международной деятельности Российской Федерации в ее гуманитарном измерении.

Ранее уже была отмечена двусмысленность ст. 80 Федерального закона № 33-ФЗ. Использование предложенного выше уточнения может ее снять.

Недостаточно проработанным видится конституционно-правовой механизм согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на международном уровне.

Законодательно закрепленный конституционно-правовой механизм решения споров о компетенции между органами публичной власти основан на полномочиях Конституционного Суда РФ разрешать этот вопрос. Следует отметить, что вопрос, касающийся спора о компетенции в сфере международных отношений, этот судебный орган ни разу не рассматривал. Отсутствие таких споров, по нашему мнению, может свидетельствовать не только о правильном понимании и соблюдении органами, входящими в единую систему публичной власти, норм, регулирующих эти вопросы, но и о достаточно низкой международной активности ряда субъектов, особенно органов власти субъектов РФ или органов местного самоуправления.

Конституционная реформа внесла определенные корректировки в особенности участия органов публичной власти РФ в международных отношениях, в том числе и через усиление их согласованного функционирования и взаимодействия. Считаем, что, несмотря на принятие новых законов в отношении субъектов Федерации и местных органов самоуправления, конституционно-правовое регулирование их участия в международных отношениях еще нуждается в совершенствовании.

Таким образом, нами выявлены следующие особенности конституционно-правового регулирования участия органов публичной власти в международных отношениях:

– используемая в отечественном законодательстве терминология не лишена недостатков;

– во внешнеполитических отношениях участвуют только федеральные органы в соответствии со своей компетенцией, при этом Президент и Правительство имеют в этом более широкие полномочия, чем органы законодательной и судебной власти. Выявлена необходимость совершенствования конституционно-правового регулирования их взаимодействия при осуществлении участия в международных отношениях;

– органы субъектов Федерации и органы местного самоуправления на международном уровне участвуют исключительно в отношениях неполитического характера;

– органы публичной власти в Российской Федерации участвуют в механизмах «мягкой силы» в пределах своих полномочий, при этом можно отметить возрастание участия в их реализации органов субъектов РФ и органов местного самоуправления и необходимости адекватного конституционно-правового регулирования этих вопросов на современном этапе.

Отсутствие четкого правового регулирования некоторых вопросов, связанных с реализацией конституционного принципа согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на международном уровне в отечественном законодательстве требует внесения ряда изменений в него, в том числе уточнения используемых понятий.

Список литературы:

1. Виноградова, Е.В. Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности / Е.В. Виноградова // Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 7–12.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398; 2022. – 6 окт.

3. Симонова, Н.В. Взаимодействие органов публичной власти на территории приграничного субъекта Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты (на анализе материалов Западного регионального пограничного управления ФСБ России) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н.В. Симонова. – Волгоград, 2003. – 22 с.

4. Об актуальных проблемах внешней политики Российской Федерации : постановление Совета Федерации от 23 декабря 2019 г. – URL: http://council.gov.ru/activity/documents/112006/ (дата обращения: 01.10.2025).

5. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 марта 2023 г. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения: 01.10.2025).

6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность» : постановление Правительства РФ. – URL: http://static.government.ru/media/acts/files/0001201404240006.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

7. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 16 января 1999 г. (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 2; 2015. – № 27, ст. 4005.

8. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федеральный закон от 15 декабря 2021 г. (в ред. от 1 сентября 2025 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/727632736 (дата обращения: 01.10.2025).

9. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732/page/20 (дата обращения: 01.10.2025).

10. Татарстан сократил количество торговых представительств за рубежом. – URL: https://www.idelreal.org/a/tatarstan-sokratil-kolichestvo-torgovyh-predstavitelstv-za-rubezhom/33018263.html (дата обращения: 01.10.2025).

11. Логвинова, И.В. Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере международных и внешнеэкономических связей / И.В. Логвинова // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 33. – С. 180–185.

12. Дитятковский, М.Ю. Об отдельных аспектах международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления / М.Ю. Дитятковский // Правоприменение. – 2024. – № 8 (4). – С. 83–92.

С.Ю. Королёв,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук

S.Yu. Korolev,
Candidate of Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
skorolev1976@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-37-46

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАДАЧ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: *Конституция РФ закрепляет положение о том, что земля и другие природные ресурсы являются основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, также допускает различные формы собственности на землю при условии, что ее использование осуществляется с соблюдением природоохранного законодательства. Эти положения закладывают определенный дуализм: с одной стороны, земля выступает объектом гражданского оборота, с другой – публичного интереса, что обусловливает особый характер задач органов публичной власти.*

Публичная власть обязана обеспечить баланс частных и публичных интересов в сфере землепользования, защиту прав собственников и землепользователей при одновременном соблюдении требований экологической безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия и иных охраняемых законом ценностей. В условиях актуализации угроз национальной безопасности данный баланс смещается в сторону усиления элементов публичного интереса.

Цель статьи – раскрыть правовые аспекты трансформации задач публичной власти по обеспечению национальной безопасности в сфере использования земельных ресурсов, исходя из положений стратегических документов и действующего земельного и экологического законодательства РФ. Поставленные задачи были реализованы при помощи общенаучных методов (анализа, синтеза, диалектического метода) и формально-юридического метода. В ходе исследования выявлены некоторые недостатки действующего законодательства, сделаны авторские предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: *национальная безопасность, земельные ресурсы, публичная власть, стратегические задачи, рациональное землепользование, правовое регулирование, модернизация правовой системы, правовые основы, современные вызовы и угрозы.*

TRANSFORMATION OF THE TASKS OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE FIELD OF LAND USE IN THE CONTEXT OF ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ASPECTS

Abstract: *the Constitution of the Russian Federation establishes that land and other natural resources are the basis for the life and activities of the peoples living in the relevant territory, and it also allows for various forms of land ownership, provided that the use of land is carried out in accordance with environmental legislation. These provisions create a certain dualism: on the one hand, land is an object of civil circulation, and on the other hand, it is a matter of public interest, which determines the specific nature of the tasks of public authorities.*

Public authorities are obliged to ensure a balance between private and public interests in the field of land use, as well as to protect the rights of landowners and users, while simultaneously complying with the requirements of environmental safety, sanitary and epidemiological well-being, and other values protected by law. In the context of the actualization of threats to national security, this balance is shifting towards strengthening the elements of public interest. The purpose of this article is to reveal.

The purpose of this article is to explore the legal aspects of transforming public authority objectives to ensure national security in the area of land resources, based on the provisions of strategic documents and current land and environmental legislation in the Russian Federation. These objectives were achieved using general scientific methods (analysis, synthesis, and the dialectical method) and a formal legal approach. The study identified several shortcomings in the current legislation, as well as the author's proposals for improvement.

Keywords: *national security, land resources, public authority, strategic objectives, rational land use, legal regulation, modernization of the legal system, legal foundations, and modern challenges and threats.*

В современных условиях обеспечение национальной безопасности России все в большей степени связывается не только с военной и политической составляющей, но также с наличием, состоянием и режимом использования ключевых природных ресурсов, к числу которых относится земля. Она нормативно закреплена в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [1, ст. 9]. Это выводит вопросы ее охраны и рационального использования в сферу стратегических интересов и приоритетов государства, а также делает земельные ресурсы фундаментальным компонентом национального богатства и суверенитета.

Такое представление о них было не всегда, что напрямую отражалось на деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Долгие годы ушли на то, чтобы задачи публичной

власти в сфере охраны и использования земель претерпели существенную трансформацию. Начиная с 90-х гг. прошлого столетия и до начала 2000-х, в стране доминировала парадигма либерализации земельного оборота и приватизации с акцентом на экономическую эффективность. Государственная политика была направлена на невмешательство в развитие экономических процессов [2]. Господствовало существующее мнение об эффективности рынка как саморегулятора земельных отношений.

При таком подходе во главу угла ставилось извлечение прибыли. Правовые инструменты, как правило, приспосабливались либо игнорировались вовсе [3, с. 30–31]. Национальная безопасность не рассматривалась как сквозная, системообразующая основа земельной политики, вследствие этого фрагментарное упоминание понятия безопасности в Земельном кодексе РФ 2001 г. на момент начала его действия (в основном в контексте охраны земель или установления особых режимов использования земель для нужд обороны и безопасности) не вызывает особого удивления [4].

В последнее десятилетие ситуация изменилась кардинальным образом. Произошел системный разворот к логике стратегического планирования, государственного контроля (надзора) и обеспечения защищенности базовых национальных интересов. Переломным моментом стало принятие в 2015 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5], а затем, в 2021 г., ее продолжения [6]. В этих документах охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование названы в числе национальных интересов и стратегических национальных приоритетов. В дополнение к этому Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации определяет наиболее значимые современные вызовы для общества, государства и науки [7]. В рамках исследуемой тематики их условно можно разделить на две группы. Первая – те, что опосредованно затрагивают исследуемую сферу. Например, исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования экономики данных, ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта во всех отраслях экономики и социальной сферы и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих передовыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов. Вторая группа – это вызовы, непосредственно относящиеся к земельным отношениям. Ими следует признать:

– возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов;

– потребность в обеспечении продовольственной безопасности и продовольственной независимости России, конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции на мировых рынках продовольствия.

Таким образом, указанные политико-правовые акты закрепляют земельные ресурсы (в контексте категории «природные ресурсы») как базу устойчивого развития и элемент суверенитета государства. Тем самым произошел концептуальный сдвиг: земля перестала быть только лишь объектом гражданского оборота и природным ресурсом, подлежащим охране. Она стала рассматриваться как стратегический актив, состояние и режим использования которого напрямую определяют устойчивость государства в долгосрочной перспективе. Это задает новый контекст для регулирования земельных отношений и требует глубокого научного осмысления, в первую очередь в правовом поле, поскольку именно право является основным инструментом формулировки, закрепления и реализации политики в области земельных правоотношений.

Современное российское законодательство формирует многогранную систему задач публичной власти в исследуемой сфере. Учитывая определенные выше вызовы и угрозы, их можно структурировать по следующим ключевым направлениям:

– обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития;

– обеспечение продовольственной безопасности через сохранение земель сельскохозяйственного назначения;

– цифровизация процессов по управлению земельными ресурсами.

Каждое из этих направлений требует отдельного рассмотрения.

Экологическая безопасность выступает одним из стратегических национальных приоритетов, а сохранение качества и функций земель – ее важнейшей составляющей. Устойчивая тенденция на деградацию почв, загрязнение земель опасными веществами, отдельные признаки нарушения структуры земельного фонда РФ создают риски не только для окружающей среды, но и для устойчивости экономики, здоровья населения, демографической ситуации, что прямо выводит эти процессы в сферу национальной безопасности [8].

Задача обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития реализуется через такие правовые институты, как: охрана земель (где акцент смещается на предотвращение загрязнения, захламления, деградации, особенно на землях населенных пунктов и промышленности); мониторинг земель; контроль (надзор) в сфере

земельных отношений (федеральный, муниципальный, общественный), ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель. Важную роль играют зоны с особыми условиями использования территорий. Их установление есть прямая обязанность публичной власти по защите жизни граждан и здоровья населения, обеспечению безопасной эксплуатация объектов транспорта, связи, энергетики, охраны окружающей среды, обеспечению обороны страны и безопасности государства. Оптимальный режим использования земельных участков на землях лесного фонда, в водоохранных зонах земель водного фонда имеет принципиальное значение для сохранения лесов и водных ресурсов как важнейших экологических каркасов.

Обеспечение продовольственной безопасности через сохранение земель сельскохозяйственного назначения. Продовольственная безопасность и продовольственная независимость в современных условиях рассматриваются как неотъемлемый элемент национальной безопасности. На это прямо указывает п. 7 Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [9]: «В развитие положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальными интересами государства в сфере продовольственной безопасности на долгосрочный период являются:

… ж) восстановление и повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения, предотвращение сокращения площадей земель сельскохозяйственного назначения, рациональное использование таких земель, защита и сохранение сельскохозяйственных угодий от водной и ветровой эрозии и опустынивания;…».

Эти положения Доктрины позволяют сделать однозначный вывод о том, что наличие достаточных по площади и качеству земель сельскохозяйственного назначения есть ключевой фактор обеспечения безопасности государства. При этом земельные ресурсы здесь выступают не только основой для производства сельскохозяйственной продукции, но и для создания инфраструктуры ее хранения и реализации, логистики, развития переработки.

Правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности и независимости применительно к земельным отношениям выражается в жестком регулировании целевого использования сельскохозяйственных угодий, установлении ограничений перевода земель сельскохозяйственного назначения в иные категории, применении мер по предотвращению зарастания и деградации, а также в программах повышения плодородия и мелиорации земель. Такие нормы, как, например, ст. 8 Федерального закона «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения», обязывающая

правообладателей земли осуществлять производство сельскохозяйственной продукции способами, обеспечивающими воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения, ограничивать неблагоприятное воздействие деятельности на окружающую среду, обеспечивать проведение мероприятий по воспроизводству плодородия земель сельскохозяйственного назначения и т.д., становятся не просто установленной обязанностью, а инструментом минимизации рисков сокращения продовольственного потенциала страны.

Особое значение приобретает государственный мониторинг использования и состояния сельскохозяйственных земель, позволяющий выявлять земельные участки, которые не вовлечены в оборот, деградированные земли или земли, используемые не по целевому назначению. В свою очередь это позволяет принимать меры административного воздействия, вплоть до принудительного прекращения права на земельный участок в порядке, предусмотренном ст. 6 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [11].

Цифровизация процессов по управлению земельными ресурсами. Сегодня цифровая трансформация внедряется во все сферы общественной и государственной жизни. Управление земельными ресурсами не является исключением. Интеграция искусственного интеллекта и комплексная цифровизация процессов управления предлагают широкие возможности для оптимизации регулирования земельных отношений, в том числе кадастрового учета недвижимости, мониторинга земель, территориального планирования, борьбы с нарушителями земельного законодательства. Следует акцентировать внимание на трех важных составляющих.

Первое – закрепление правового статуса понятия «цифровой земельный участок». Земельный участок как объект гражданских прав имеет физические (натуральные) и юридические (учтенные в ЕГРН) характеристики. Цифровизация создает его третью форму, а именно, цифровую модель. Она может быть как простой (пассивным отражением данных ЕГРН), так и достаточно сложной (обогащенной данными дистанционного зондирования, историческими справками, экологической информацией и т.д.).

Второе – цифровизация процесса создания, обработки, хранения и использования данных о земельных участках. В рамках этого направления трансформации подлежат:

– единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), который, по своей сути, является цифровым отражением земельно-имущественного комплекса страны;

– государственная информационная система обеспечения градостроительной деятельности (ГИСОГД), цифровая платформа для планирования территориального развития;

– методы дистанционного зондирования Земли в контексте использования данных с космических спутников и БПЛА для мониторинга земель. Внедрение технологии искусственного интеллекта для анализа больших массивов данных, распознавания образов на снимках, прогнозирования позволит увеличить эффективность принятия решений.

Третье – регламентация применения искусственного интеллекта в вопросах принятия управленческих решений. Применение таких технологий в публичном управлении земельными ресурсами – наиболее сложная сторона преобразований с правовой точки зрения. Речь может идти о системах поддержки принятия решений для перераспределения земельных участков, их резервирования и изъятия для государственных и муниципальных нужд, определения кадастровой стоимости, выявления признаков правонарушений (самовольного занятия, нецелевого использования и т.д.).

Примерно так можно очертить важнейшие темы, в русле которых необходимо переосмыслить задачи публичной власти, чтобы от формального учета земель и выдачи правоустанавливающих документов прийти к активной политике по управлению земельным фондом РФ в интересах нынешнего и будущего поколений.

Определить контекст задач – это только начало сложного пути по совершенствованию законодательства, в рамках представленной статьи невозможно охватить все назревшие вопросы. Для примера остановимся лишь на некоторых из них, что позволит понять квинтэссенцию замысла трансформации задач публичной власти в области охраны и использования земли применительно к обеспечению национальной безопасности нашего государства.

Так, с 1 марта 2026 г. обновилась процедура перевода земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, а с 1 марта 2027 г. изменится перечень оснований для перевода сельскохозяйственных угодий в другие категории земель. Изменения призваны уменьшить снижение количественных показателей земель сельскохозяйственного назначения. В соответствии со ст. 7 Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» перевод земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию будет допускаться в исключительных случаях, связанных:

– с непригодностью использования земель для сельскохозяйственного производства;

– с созданием особо охраняемых природных территорий;

– с установлением или изменением границ населенных пунктов;

– со строительством, реконструкцией объектов государственного значения или объектов местного значения;

– с добычей полезных ископаемых.

Будет установлен запрет на перевод земельных участков сельскохозяйственного назначения в другую категорию, если они включены в перечень особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий, а также запрет на перевод в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых [12].

При общей положительной тенденции эти изменения имеют принципиальный недостаток. В законе явно отсутствует связь между переводом земель сельскохозяйственного назначения в другие категории и национальными интересами РФ (ее стратегическими национальными приоритетами).

Другой пример, касающийся юридической силы данных, сгенерированных искусственным интеллектом. В частности, можно ли считать вывод алгоритма о возможном правонарушении в сфере охраны и использования земель (допустим, выявленным в результате дистанционного зондирования) достоверным и достаточным для возбуждения административного дела? Сейчас такие данные носят справочно-вспомогательный характер и требуют обязательной выездной проверки уполномоченными лицами, уполномоченными в области земельного контроля (надзора). Кто понесет ответственность за ошибки в сведениях ЕГРН, повлекшие убытки и возникшие из-за сбоя или предвзятого обучения алгоритма: разработчик искусственного интеллекта, оператор системы, кадастровый инженер? Действующий Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [13] возлагает ответственность за достоверность предоставляемых сведений на заявителя, за правильность внесения этих сведений в реестр на государство. Но эта схема не учитывает «интеллектуального посредничества».

Таким образом, даже такой поверхностный анализ законодательства указывает на необходимость внесения существенных изменений в действующие нормативные акты, с целью более детального определения задач публичной власти в рассматриваемой сфере через призму обеспечения национальной безопасности и достижения поставленных целей. В частности, следует дополнить ст. 7 Федерального закона «О переводе земель или земельных участков из одной категории

в другую» (вступает в силу с 1 января 2027 г.) п. 4 с формулировкой: «Перевод земель сельскохозяйственного назначения в другую категорию должен соответствовать национальным интересам Российской Федерации и стратегическим национальным приоритетам». В гл. 26 Кодекса РФ об административных правонарушениях требуется закрепление особого статуса «доказательств, полученных с использованием искусственного интеллекта». И многое другое. Речь идет о разработке нового или переработке существующего, колоссального по количеству законодательного материала, что представляется трудоемким и весьма сложным процессом, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Необходимо найти множество точек соприкосновения между такими понятиями, как: «публичная власть», «национальная безопасность», «земельные ресурсы», «рациональное природопользование», «национальные интересы» и т.д. Следовательно, напрашивается самый главный вывод о том, что сделать это точечным изменением конкретного нормативного правового акта невозможно. Главная задача органов управления земельными ресурсами видится в разработке и физическом воплощении в едином акте полноценной стратегии, в плоскости которой будет протекать все совершенствование земельного законодательства, в связи с чем возможно предложить ее примерную структуру:

Общие положения: положения, устанавливающие прямую взаимосвязь между национальной безопасностью и эффективным использованием земельных ресурсов;

Задачи органов публичной власти в сфере земельных отношений: постановка конкретных задач в определенных временных рамках;

Основные направления государственной стратегии по управлению земельными ресурсами: обеспечение экологической безопасности в области охраны и использования земель, обеспечение продовольственной безопасности через сохранение земель сельскохозяйственного назначения, цифровизация процессов по управлению земельными ресурсами;

Меры, обеспечивающие выполнение поставленных задач: внесение изменений в действующие нормативные правовые акты, принятие новых, разработка, утверждение планов (программ), контроль (надзор) за исполнением решений по реализации стратегии.

Представляется, что высказанные идеи послужат еще одним шагом в создании эффективной правовой основы регулирования земельных отношений, что, безусловно, позволит противостоять геополитической нестабильности, санкционному давлению, глобальным климатическим изменениям и т.д.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Козырь, М. И. Правовые проблемы развития агропромышленного комплекса России / М. И. Козырь // Журнал российского права. – 2010. – № 4. – С. 28–37.

3. Дубовик, О. Л. Экологическое право : учебник / О. Л. Дубовик. – М. : Проспект, 2010. – 718 с.

4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 44, ст. 4147; 2025. – № 52, ч. 1, ст. 8366.

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1, ч. 2, ст. 212 (утратил силу).

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 27, ч. 2, ст. 5351.

7. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2024. – № 10, ст. 1373.

8. Государственный национальный Доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2024 году // Официальный информационный онлайн-портал Росреестра. – URL: https: // Национальный доклад 2024.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

9. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 4, ст. 345.

10. О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения : федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 29, ст. 3399; 2024. – № 53, ч. 1, ст. 8509.

11. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3018; 2025. – № 52, ч. 1, ст. 8366.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2025. – № 14, ст. 1585.

13. О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 29, ч. 1, ст. 4344; 2025. – № 52, ч. 1, ст. 8300.

О.А. Лакаев,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Саратовского филиала
Института государства и права
Российской академии наук

O.A. Lakaev,
Candidate of Law, Senior Researcher,
Saratov Branch of the Institute
of State and Law of the Russian
Academy of Sciences
olegoleg81@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-47-55

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОСОБЫХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *актуальность статьи обусловлена необходимостью повышения эффективности публичного управления территориями с особым публично-правовым режимом осуществления экономической деятельности, важная роль в котором принадлежит исполнительным органам субъектов РФ. Цель статьи состоит в выявлении вариантов их участия в обеспечении функционирования названных территорий и формулировании на этой основе перспектив нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере. Решению поставленных задач способствовало использование общенаучных методов (анализ, синтез, формально-логический, системно-структурный метод) и формально-юридического метода. В результате анализа действующего законодательства автор пришел к выводу о том, что в перспективе в качестве основного субъекта публичного управления исполнительные органы субъектов РФ рассматриваться не могут как с точки зрения федерального значения любых предусмотренных федеральным законодательством особых публично-правовых режимов хозяйствования, так и неприменимости на современном этапе развития экономики сугубо традиционной бюрократической модели организации управления, что требует привлечения к нему субъектов, в большей степени приспособленных к изменениям внешней среды и готовых в полной мере обеспечивать свободу и самоорганизацию управляемых объектов. Тем не менее полностью от участия в публичном управлении соответствующими территориями исполнительные органы субъектов РФ не могут быть отстранены, а их роль должна определяться необходимостью учета интересов регионов в случае организации в их пределах данных режимов.*

Ключевые слова: *исполнительные органы, экономическая деятельность, субъекты РФ, публичное управление, публично-правовой режим.*

THE EXECUTIVE BODIES OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MECHANISM OF ENSURING SPECIAL PUBLIC-LEGAL REGIMES OF ECONOMIC ACTIVITY

Abstract: *the relevance of the article is determined by the need to increase the effectiveness of public administration of territories with a special public-legal regime for*

economic activity, in which an important role belongs to the executive bodies of the subjects of the Russian Federation. The purpose of the article is to identify options for their participation in ensuring the functioning of these territories and to formulate on this basis the prospects for regulatory regulation in the relevant field. The solution of the tasks was facilitated by the use of general scientific methods (analysis, synthesis, formal-logical, system-structural method) and the formal-legal method. As a result of the analysis of the current legislation, the author came to the conclusion that in the future they cannot be considered as the main subject of public administration, both from the point of view of the federal significance of any special public law business regimes provided for by federal legislation, and the inapplicability at the present stage of economic development of a purely traditional bureaucratic management model, which requires the involvement of subjects to him, more adapted to changes in the external environment and ready to fully ensure the freedom and self-organization of managed facilities. Nevertheless, they cannot be completely excluded from participating in the public administration of the relevant territories, and their role should be determined by the need to take into account the interests of the regions in the case of the organization of these regimes within their borders.

Keywords: *executive bodies, economic activity, subjects of the Russian Federation, public administration, public legal regime.*

Особые публично-правовые режимы осуществления экономической деятельности обеспечиваются многочисленной группой субъектов, разнородный характер которых обусловлен различными факторами. Во-первых, исторический путь формирования соответствующего законодательства предопределил целесообразность выбора на том или ином этапе субъектов, которые призваны непосредственно осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность на территориях, охваченных режимным регулированием. Во-вторых, цели введения каждого из особых публично-правовых режимов хозяйствования, несмотря на схожесть их направленности в части обеспечения поступательного социально-экономического развития соответствующей территории и страны в целом, имеют собственное преломление в экономической политике, проводимой на территориях опережающего развития, в особых и свободных экономических зонах, специальных административных районах, промышленных технопарках, индустриальных парках и иных точках роста. Поэтому законодательство, регулирующее их функционирование, показывает вариативность публичного управления, осуществляемого не только органами исполнительной власти, но и иными субъектами, наделенными публично-властными полномочиями (управляющими компаниями, наблюдательными, общественными и экспертными советами). Вопрос надлежащей организации управления перечисленными территориями является крайне важным, поскольку они характеризуются высоким уровнем инновационной ак-

тивности [1, с. 104], от которой зависит поступательное развитие отечественной экономики.

В связи с этим интерес представляет нормотворческая политика федерального законодателя, направленная на поиск оптимального соотношения различных способов организации публичного управления на территориях с особым публично-правовым режимом осуществления экономической деятельности и определение места исполнительных органов субъектов РФ в соответствующем механизме. Анализ содержания федерального законодательства показывает следующие варианты их участия в обеспечении функционирования названных территорий.

1. Наделение исполнительных органов субъектов РФ исключительными полномочиями по обеспечению функционирования территорий с особым публично-правовым режимом осуществления экономической деятельности. Данный вариант получил распространение в 1990-е гг., когда были учреждены особые экономические зоны в Калининградской и Магаданской областях. Он является выражением проводимой в то время государственной политики, ориентированной на становление системы исполнительной власти после проведения конституционной реформы. Создание управляющих компаний для обеспечения функционирования преференциальных территорий предусматривалось и ранее (до указанной реформы), однако названные особые экономические зоны представляли собой наиболее значимые инвестиционные проекты, обусловленные геоэкономическим значением соответствующих территорий, что потребовало принятия отдельных федеральных законов. Поэтому был избран стандартный механизм управления, основанный на деятельности органов исполнительной власти, которые в условиях недостаточно окрепшей экономики страны рассматривались как более предпочтительные по сравнению с управляющими компаниями по причине наличия опоры в виде авторитета государственной власти и наличия широких организующих возможностей.

Принятие в 2006 г. нового федерального закона, регулирующего особую экономическую зону в Калининградской области [2], несмотря на совершенствование привил применения преференций в отношении хозяйствующих субъектов, на механизме управления не отразилось. Исполнительная власть сохранилась в качестве безальтернативного варианта организующей силы на данной территории. Принимая данный нормативный акт, в пояснительной записке законодатель вопрос управления не поднимал, что можно объяснить целесообразностью сохранения для инвесторов устоявшихся связей с субъектом госу-

дарственного управления [3]. В законе используется обобщенный вариант формулировки соответствующего органа («администрация особой экономической зоны»), в качестве которого выступает уполномоченный исполнительный орган Калининградской области. Таковым является в настоящее время Министерство экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области [4]. В Магаданской области, где организован однородный механизм управления, для наименования уполномоченного органа была выбрана формулировка, совпадающая с той, которая указана в федеральном законе [5], а именно «администрация Особой экономической зоны Магаданской области» [6].

В данном контексте следует отметить, что за последнюю четверть века было учреждено весомое количество иных особых публично-правовых режимов осуществления экономической деятельности, однако законодатель не рассматривает их функционирование как связанное исключительно с деятельностью органов исполнительной власти. Единственное исключение составили зоны территориального развития, на которые был рассчитан одноименный федеральный закон [7], который предусматривал необходимость наделения какого-либо исполнительного органа субъекта РФ полномочиями администрации территории. Однако данная инициатива потерпела неудачу, т.к. за период действия данного закона не было создано ни одной зоны территориального развития.

Подобная практика показывает, что региональные органы исполнительной власти являются не самым подходящим вариантом для непосредственного воздействия на экономические процессы в рамках преференциальных режимов. Федеральный законодатель вряд ли на него рассчитывает в будущем, а существующие на сегодняшний день механизмы с участием региональных органов исполнительной власти рассчитаны на текущее управление строго определенными территориями с преференциальным режимом хозяйствования без каких-либо перспектив рецепции данного опыта для обеспечения других публично-правовых режимов. В связи с этим в научной литературе представлена позиция о необходимости преодоления архаизации государственного управления, выраженного в вертикальном воздействии субъекта на объект управления, поскольку такой порядок не обеспечивает развитие экономики. Перспективными считаются ориентация на интересы управляемых, их свободу, поиск и реализация удобных для всех участников данных социальных связей управленческих стандартов и практик, создание условий для самоорганизации объектов управления. Все это призвано способствовать повышению

результативности взаимодействия субъекта управления с управляемой средой. Одновременно органы исполнительной власти должны быть лишены излишних функций для уменьшения уровня издержек государства на осуществление управленческой деятельности, что будет способствовать ее соответствию характерным для современного общества процессам [8, с. 7–16]. Данная точка зрения, безусловно, имеет право на существование, тем более что очевидной является ориентация законодателя на иные варианты управления (не только в рамках рассматриваемых режимов, но иных, прежде всего, обеспечивающих инновационную деятельность), в которых доминирующее положение занимают управляющие компании.

2. Определение исполнительных органов субъектов РФ в качестве альтернативы управляющим компаниям. Такой вариант характерен для особых экономических зон. Принятие в 2005 г. федерального закона о них [9] ознаменовало нормативное закрепление наиболее масштабного проекта функционирования территорий с особым публично-правовым режимом осуществления экономической деятельности. Изначально он был призван систематизировать соответствующее законодательство, а особые экономические зоны планировались как единственный вариант подобных режимов. В данном проекте был заложен элемент трансформации публичного управления, предполагающий, наряду с традиционным механизмом функционирования органов исполнительной власти, высокотехнологичное управление, которое должны осуществлять управляющие компании. Рассматриваемая модель предполагает непосредственное управление особой экономической зоной уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (Минэкономразвития России [10]), который на основании административной целесообразности решает вопрос о возможности передачи части своих полномочий либо региональному органу исполнительной власти, либо управляющей компании, либо обоим названным субъектам. Таким образом, в выработанный механизм заложен большой ресурс, позволяющий Минэкономразвития России сосредоточиться на наиболее значимых проектах, а в иных случаях привлекать других субъектов управления.

В настоящее время сформировался устойчивый механизм привлечения управляющих компаний к обеспечению деятельности особых экономических зон. Например, одной из наиболее эффективных производственных площадок в стране – особой экономической зоной Липецк – руководит управляющая компания в лице акционерного общества «ОЭЗ ППТ «Липецк»» [11]. Тем не менее нельзя исключать возможность учета полученного в ходе их деятельности опыта

высокотехнологичного публичного управления, который может быть использован в будущем исполнительными органами субъектов РФ для включения в традиционную бюрократическую модель управления элементов адаптации к преференциальным режимам, требующим повышенного внимания к хозяйственным интересам управляемых объектов и их стремлению к экономической свободе и самоорганизации.

3. Наделение исполнительных органов субъектов РФ отдельными организационными полномочиями по обеспечению функционирования особых публично-правовых режимов осуществления экономической деятельности. Такая модель не является однородной, но в целом предполагает, что указанные органы непосредственно не руководят процессами, проходящими в рамках реализации преференциальных режимов. Она появилась во втором десятилетии XXI в., когда высокотехнологичное управление было выдвинуто законодателем на первый план и стало единственным вариантом публичного администрирования в рамках правовых режимов, отличных от особых экономических зон.

Крайне ограниченное участие исполнительных органов субъектов РФ определено в законодательстве, устанавливающем особый правовой режим предпринимательства в Арктической зоне РФ [12]. Оно сведено к включению представителей высших исполнительных органов субъектов РФ, территории которых относятся к сухопутной части данной зоны, в комиссии по рассмотрению заявок на заключение соглашения об осуществлении инвестиционной деятельности в Арктической зоне. Кроме того, предусматривается их участие в качестве одной из сторон соглашения о передаче управляющей компании полномочий по предоставлению земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, а также в стратегическом планировании поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Арктической зоны.

Специфическая организация публичного управления предусмотрена для обеспечения режима свободного порта Владивосток [13], во главе которой законодатель поставил наблюдательный совет, а в последующих нормах определил полномочия Минвостокразвития России и управляющей компании. В данном случае региональные органы исполнительной власти в качестве самостоятельного субъекта публичного управления не обозначены. Вместе с тем руководитель высшего исполнительного органа является одним из членов наблюдательного совета и его председателем, а состав совета утверждается этим органом.

Похожая схема реализована на территориях опережающего развития [14], где в состав наблюдательного совета должен включать-

ся представитель высшего исполнительного органа субъекта РФ. Дополнительно к этому роль региональных органов исполнительной власти законодателем определяется на основе необходимости учета их мнения по различным вопросам: создание данных территорий, их объединение и изменение их границ. Кроме того, в случае принятия решения об образовании территорий опережающего развития на высший исполнительный орган субъекта РФ возлагается обязанность по передаче управляющей компании необходимой инфраструктуры и полномочий по управлению ей.

Более широкий перечень полномочий высших исполнительных органов субъектов РФ предусмотрен в рамках организации свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя [15]. Высшие исполнительные органы субъектов РФ утверждают персональный состав экспертных советов по согласованию с Минстроем России; осуществляют материально-техническое и организационное обеспечение функционирования экспертных советов; заключают договоры об условиях деятельности в свободной экономической зоне; проводят мониторинг выполнения участниками режима условий таких договоров; контролируют реализацию инвестиционных проектов; представляют в Минстрой России ежегодный отчет о результатах функционирования свободной экономической зоны. Тем не менее роль высших исполнительных органов субъектов РФ не является первостепенной, несмотря на широкий круг властных полномочий. Законодатель выше них ставит Минстрой России и экспертные советы, в состав которых включаются и представители высших исполнительных органов названных субъектов РФ.

В связи с проведением настоящего исследования возникает вопрос о возможности использования сложившегося опыта участия исполнительных органов субъектов РФ в обеспечении функционирования особых публично-правовых режимов осуществления экономической деятельности. Он имеет значение с точки зрения возможной систематизации соответствующего законодательства, о которой неоднократно заявлялось на высших уровнях государственной власти начиная с 2017 г. Универсальный алгоритм привлечения исполнительных органов субъектов РФ к участию в рассматриваемом механизме разработать не представляется возможным ввиду различия названных правовых режимов.

Таким образом, в перспективе в качестве основного субъекта публичного управления исполнительные органы субъектов РФ рассматриваться не могут как с точки зрения федерального значения любых предусмотренных федеральным законодательством особых публично-правовых режимов хозяйствования, так и неприменимости

на современном этапе развития экономики сугубо традиционной бюрократической модели организации управления, что требует привлечения к управлению субъектов, в большей степени приспособленных к изменениям внешней среды и готовых в полной мере обеспечивать свободу и самоорганизацию управляемых объектов. Тем не менее полностью от участия в публичном управлении соответствующими территориями исполнительные органы субъектов РФ не могут быть отстранены, а их роль должна определяться необходимостью учета интересов регионов в случае организации в пределах территории данных режимов.

Список литературы:

1. Сморчкова, Л.Н. Административно-правовое обеспечение развития инновационных кластеров в современной России / Л.Н. Сморчкова // Государство и право. – 2023. – № 3. – С. 101–110.

2. Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 3, ст. 280; 2025. – № 26, ч. 1, ст. 3481.

3. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 169329-4 «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/169329-4 (дата обращения: 19.02.2026).

4. Об утверждении положения о Министерстве экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области : постановление Правительства Калининградской области от 27 февраля 2019 г. № 136 (в ред. от 23 мая 2025 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 05.03.2019; 28.05.2025.

5. Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области : федеральный закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ (в ред. от 7 июня 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 23, ст. 2807; 2025. – № 23, ст. 2991.

6. Об утверждении Положения об администрации Особой экономической зоны Магаданской области : постановление Правительства Магаданской области от 26 февраля 2015 г. № 125-пп (в ред. от 30 марта 2021 г.) // Магаданская правда. – 2015. – 11 марта; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 31.03.2021.

7. О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 392-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 49, ч. 5, ст. 7070 (утратил силу).

8. Петров, М.П. Административная реформа в контексте новых явлений управленческой культуры / М.П. Петров // Российское право онлайн. – 2018. – № 1. – С. 5–18.

9. Об особых экономических зонах в Российской Федерации : федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 30, ч. 2, ст. 3127; 2024. – № 53, ч. 1, ст. 8537.

10. О Министерстве экономического развития Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 437 (в ред. от 14 ноября 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 24, ст. 2867; 2025. – № 46, ст. 6911.

11. Официальный сайт особых экономических зон. – URL: https://оэз.рф/zone/lipetsk/ (дата обращения: 19.02.2026).

12. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации : федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 29, ст. 4503; 2025. – № 17, ст. 2126.

13. О свободном порте Владивосток : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 29, ч. 1, ст. 4338; 2024. – № 48, ст. 7199.

14. О территориях опережающего развития в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 1, ч. 1, ст. 26; 2025. – № 31, ст. 4639.

15. О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 48, ст. 6658; 2024. – № 33, ч. 2, ст. 5001.

Е.А. Астахова,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Саратовского филиала Института
государства и права Российской
академии наук

E.A. Astakhova,
Candidate of Law, Senior Researcher
of the Saratov Branch of the Institute
of State and Law of the Russian
Academy of Sciences
orchideya-katerina@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-56-70

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ ПО БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Аннотация: *цифровизация общественных процессов хоть и положительно повлияла на некоторые сферы жизни, упростив и ускорив взаимодействие частных лиц и всевозможных компаний, но вместе с тем открыла широкие возможности для преступников. Доступ к новым технологиям серьезно повлиял на трансформацию современной преступности, которая стала активно использовать информационно-коммуникационные технологии при совершении обширного круга преступлений. Несмотря на в целом колеблющийся уровень киберпреступности, новые технологии развиваются очень быстро, что требует от юридического сообщества немедленного реагирования, заключающегося в совершенствовании законодательства и научно-практических рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов.*

Цель статьи – показать перспективы противодействия киберпреступности на международном уровне. В качестве методологической основы выступает диалектический метод познания, а также общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция. Автором проанализировано современное международное законодательство, сформированное в целях борьбы с киберпреступностью, предложены сравнительные классификационные таблицы использования понятия киберпреступления в международных нормативных правовых актах и документах стран – участниц СНГ.

Ключевые слова: *правовое регулирование, уголовная политика, международное сотрудничество, противодействие преступности, киберпреступность, классификация преступлений.*

PROSPECTS FOR INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES IN COMBATING CYBERCRIME

Abstract: *while the digitalization of social processes has had a positive impact on some areas of life, simplifying and accelerating interactions between individuals and various companies, it has also opened up vast opportunities for criminals. Access to new technologies has significantly influenced the transformation of modern crime, which has begun to actively use information and communication technologies in the commission of a wide range of crimes. Despite the generally fluctuating level of cybercrime, new technologies are developing very rapidly. This requires the legal community to respond immediately by improving legislation and providing scientific and practical recommendations for law enforcement.*

The purpose of this article is to demonstrate prospects for combating cybercrime at the international level. The methodological basis is the dialectical method of cognition, as well as general scientific methods: analysis, synthesis, deduction, and induction. The author analyzes modern international legislation developed to combat cybercrime and proposes comparative classification tables of the concept of cybercrime in international regulatory legal acts and documents of the CIS member countries.

Keywords: *legal regulation, criminal policy, international cooperation, crime control, cybercrime, crime classification.*

Несмотря на то, что ряд государств и международных полицейских организаций в последние годы находит различные причины, чтобы не сотрудничать с правоохранительными органами РФ по вопросам борьбы с преступностью, наше государство стремится к укреплению международных отношений и установлению международно-правовых стандартов, в том числе и в борьбе с преступностью, что находит свое выражение в ряде нормативных правовых актов. К таким документам можно отнести Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259, и Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 [1, 2].

В настоящее время приоритеты в сфере международного сотрудничества носят региональный характер. В первую очередь необходимо укреплять взаимодействие между странами СНГ и БРИКС. Вместе с тем международная помощь (в том числе правовая) должна оказываться государствам, имеющим исторически сложившиеся дружественные связи с Россией (п. 9 Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию).

Одной из наиболее острых и актуальных проблем, коснувшихся всего международного сообщества, в последние годы является киберпреступность. В широком понимании это совокупность преступлений, совершенных с использованием высокотехнологичных средств (компьютерная техника, различное программное обеспечение, технологии искусственного интеллекта и т.п.), что делает характер таких преступлений цифровым, дистанционным и нередко транснациональным.

В целях координации борьбы с киберпреступностью на международном уровне 24 декабря 2024 г. Генеральной ассамблеей ООН была принята новая конвенция, которая получила наименование «Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказатель-

ствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям» [3]. 25 октября 2025 г. в Ханое состоялась официальная церемония подписания данной Конвенции, получившей официальное название – «Ханойская конвенция». Следует отметить, что ее проект был предложен еще в 2017 г. Министерством иностранных дел РФ.

Для вступления Конвенции в силу необходима ее ратификация не менее чем 40 государствами мира.

Несмотря на то, что статистические данные за 2025 г. (пока учтен период с января по ноябрь) показывают снижение уровня киберпреступности – 627 тыс. киберпреступлений, что на 10,8 % меньше, чем за тот же период предыдущего года [4], число кибератак на критическую информационную инфраструктуру России увеличилось в четыре раза [5]. Кроме того, почти вдвое возросло количество пострадавших от киберпреступлений несовершеннолетних [6]. Такие результаты свидетельствуют о трансформации киберпреступности, изменении целей и способов совершения преступлений и смещении акцентов криминальной деятельности.

Киберпреступность затрагивает все государства мира. Специалисты отмечают, что в 2025 г. она стала глобальной угрозой с ущербом в 10,5 трлн долларов [7].

Еще несколько лет назад ученые обратили внимание на трансформацию преступности и выход ее на качественно иной уровень. Так, А.Н. Савенков отметил, что «противодействие киберпреступности – проблема международного масштаба. Вопрос о базовых принципах правового обеспечения информационной безопасности в условиях формирования и развития киберпространства, его трансграничности имеет не только научное, но и практическое значение», а «угрозы противоправного применения информационных и телекоммуникационных технологий в виртуальном пространстве уже звучат не парадоксально, а носят реальный характер, представляют серьезную опасность, поэтому проблема борьбы с киберпреступностью обсуждается на самом высоком государственном уровне и занимает значительное место во внутренней политике государств» [8, с. 13].

Ю.А. Воронин подчеркнул, что «одним из самых опасных и стремительно развивающихся сегментов высокотехнологичной киберпреступности в мире является транснациональная организованная преступность в сфере информационного пространства, использующая не существовавшие прежде и чрезвычайно эффективные сегодня информационно-цифровые технологии» [9, с. 85].

14 апреля 2023 г. на пятьдесят пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ был принят модельный закон «О противодействии киберпреступности» (постановление № 55-20 от 14 апреля 2023 г.) [10]. Имплементация

данного закона государствами – участниками СНГ призвана унифицировать национальное законодательство в сфере борьбы с киберпреступностью, что существенно упростит осуществление международного сотрудничества РФ со указанными странами при расследовании преступлений, относимых к группе киберпреступлений.

К основным формам международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности исследователи относят следующие [11, с. 89–90]:

1) обмен информацией государствами и их компетентными органами;

2) оказание взаимной правовой помощи и правоохранительного содействия;

3) розыск, задержание и выдача киберпреступников;

4) передача осужденных лиц для отбывания наказания в государствах, гражданами которых они являются;

5) признание актов судебных и иных компетентных органов (это возможно прежде всего при условии реализации государством положений модельного закона);

6) проведение совместных мероприятий по противодействию киберпреступлениям (возможно при условии выявления их транснационального характера);

7) оказание содействия в розыске, наложении ареста, конфискации и возврате перемещенных за границу активов, используемых или предназначенных для совершения киберпреступлений, а также полученных в результате совершения киберпреступлений;

8) создание на международном уровне (в рамках СНГ) специализированных банков данных и иных информационных банков;

9) оказание методической и технической помощи;

10) содействие в подготовке, профессиональной переподготовке и повышении квалификации кадров (требует организации на международном уровне курсов повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов в любой доступной и понятной всем участникам форме);

11) проведение совместных научных и научно-технических исследований и мероприятий (симпозиумов и конференций) с обязательной резолюцией проведенного мероприятия;

12) обмен передовым опытом в области противодействия киберпреступности (поскольку далеко не все представители правоохранительных органов имеют возможность участвовать в конференциях и повышении квалификации, особенно на территориях иностранных

государств, целесообразно обмениваться опытом в форме информационных методических писем и бюллетеней).

Как видим, принципиально новые варианты международного сотрудничества не предлагаются. Главная задача – повысить качество указанных форм такого сотрудничества и конкретизировать задачи каждой.

Несмотря на то, что перед государствами стоит сложная задача по упрощению международного сотрудничества, конкретизации алгоритмов осуществления всех известных его форм и устранению препятствий к проведению эффективных расследований по фактам совершения киберпреступлений, есть и ряд частных задач, решение которых обеспечит повышение качества международного сотрудничества в противодействии киберпреступности в целом.

В целях эффективного международного сотрудничества по борьбе с киберпреступностью необходимо не только прийти к единому пониманию, какие конкретно деяния следует к ним относить в уголовно-правовом отношении, но и разработать международный классификатор киберпреступлений.

Как определяют киберпреступления на международном уровне? В Межгосударственном стандарте «Информационные технологии. Методы обеспечения безопасности. Руководящие указания по кибербезопасности» (ISO/IEC 27032:2012 Information Technology – Security Techniques – Guidelines for Cybersecurity) даны определения таким ключевым терминам, как «кибербезопасность», «киберпространство» и «киберпреступление» [12]. В принятии этого документа участвовали Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Узбекистан. Киберпреступление определяется в Межгосударственном стандарте как «преступная деятельность, при которой сервисы или приложения киберпространства являются орудием или целью преступления или при которой само киберпространство является источником, инструментом, целью или местом преступления». Достоинства данного определения состоят сразу в нескольких его особенностях.

Во-первых, киберпреступление определяется не как «деяние». То есть произошел уход от уголовно-правовой терминологии, которая в силу доктрины уголовного права не может (и нет такой цели) раскрыть в дефиниции все существенные признаки определяемого понятия преступления. Совершенно справедливо разработчики определили киберпреступление как «деятельность», поскольку совершение такого преступления подразумевает не только нарушение норм уголовного права, но и комплекс действий, не все из которых можно рассматривать как преступление.

Во-вторых, широкое и в то же время конкретное определение объединяет преступления из гл. 28 УК РФ с иными преступления-

ми, при совершении которых преступниками было использовано киберпространство.

Для большего понимания сути и содержания преступной деятельности, формирующей собой «киберпреступление», следовало бы детализировать ее элементы, а на основе наиболее существенных вариативных признаков провести классификацию киберпреступлений. Прежде всего это необходимо в целях установления эффективного механизма международного сотрудничества со странами, не входящими в Содружество Независимых Государств, т.к. с такими иностранными государствами гораздо больше различий в нормах национального законодательства.

Например, в Японии выделяют группу киберпреступлений – «преступления, связанные с использованием сети Интернет» [13, с. 144]. С позиции российского законодательства признак не совсем ясный. Относительно рассмотренного выше определения такая группа преступлений имеет место, т.к. интернет – это киберпространство. В зависимости от вида киберпространства можно выделить несколько разновидностей такого рода преступлений: 1) преступления, совершаемые через интернет-мессенджеры; 2) преступления, совершаемые с использованием онлайн-магазинов; 3) преступления, совершаемые на интернет-форумах [14, с. 62].

Проблема классификации киберпреступлений затрагивает несколько направлений.

С одной стороны, такая классификация необходима для оптимизации процессов, направленных на противодействие киберпреступности, с другой – почти каждое государство пытается представить собственную классификацию, часто основывающуюся на нормах своего национального уголовного права. Множественность классификаций киберпреступлений, базирующихся на различных принципах, лишь усложняет осуществление международного сотрудничества.

Можно предложить два варианта решения этой проблемы. Первый вариант предполагает общими усилиями мирового сообщества сформировать единую классификацию киберпреступлений, которая бы основывалась на общепринятом, закрепленном в Конвенции определении киберпреступления. Второй вариант можно рассматривать как временный и использовать для практических нужд правоохранительных органов. Речь идет о создании сравнительных классификационных таблиц. Наиболее актуальны на сегодняшний день сравнения дефиниций понятия «киберпреступление» на международном уровне (документы ООН), а также в рамках организаций, в деятельности которых Российская Федерация принимает самое активное участие (СНГ, БРИКС). Форма и содержание сравнительных классификационных таблиц представлены ниже.

Таблица 1

Сравнительная классификационная таблица дефиниций понятия и видов киберпреступлений в соответствии с международными нормативными правовыми документами

Международный документ	Дефиниция понятия киберпреступления	Виды киберпреступлений (если указаны)
Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г.	Дефиниция отсутствует. По смыслу текста под киберпреступлениями понимаются преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных систем	Незаконный доступ Незаконный перехват Воздействие на электронные данные Воздействие на информационно-коммуникационную систему Неправомерное использование устройств Подлог с использованием информационно-коммуникационной системы Хищение или мошенничество с использованием информационно-коммуникационной системы Преступления, связанные с размещением в интернете материалов со сценами сексуальных надругательств над детьми или их сексуальной эксплуатации Домогательство или создание доверительных отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении ребенка Распространение интимных изображений без согласия Отмывание доходов от преступлений

Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.)	Дефиниция отсутствует. По смыслу текста под киберпреступлениями понимаются преступления, совершаемые с использованием компьютерных систем	Преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем Правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств Правонарушения, связанные с содержанием данных Правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав

Таблица 2

Сравнительная классификационная таблица дефиниций понятия и видов киберпреступлений в соответствии с национальными нормативными правовыми документами стран СНГ

Государство	Дефиниция понятия киберпреступления	Виды киберпреступлений (если указаны)
Российская Федерация	Дефиниция отсутствует в УК РФ Глава 28 УК РФ именуется «Преступления в сфере компьютерной информации»	Статьи УК РФ Статья 272. Неправомерный доступ к компьютерной информации Статья 272.1. Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные Статья 273. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ Статья 274. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей Статья 274.1. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации Статья 274.2. Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам…

Республика Беларусь	Дефиниция отсутствует в УК РБ Глава 31 УК РБ «Преступления против компьютерной безопасности»	Статьи УК РБ Статья 216. Причинение имущественного ущерба без признаков хищения Статья 212. Хищение имущества путем модификации компьютерной информации Статья 349. Несанкционированный доступ к компьютерной информации Статья 350. Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации Статья 352. Неправомерное завладение компьютерной информацией Статья 354. Разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств Статья 355. Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети
Азербайджанская Республика	Дефиниция отсутствует в УК АР Глава 30 УК АР именуется «Киберпреступления» Азербайджанская Республика руководствуется Конвенцией о киберпреступности (Будапешт, 2001 г.)	Статьи УК АР Статья 271. Неправомерный доступ к компьютерной системе Статья 272. Неправомерное завладение компьютерной информацией Статья 273. Неправомерное вмешательство в компьютерную систему или компьютерную информацию Статья 273-1. Оборот средств, изготовленных для совершения киберпреступлений Статья 273-2. Фальсификация компьютерных данных

Республика Армения	Дефиниция отсутствует в УК РА Глава 24 УК РА именуется «Преступление против безопасности компьютерной информации» Республика Армения руководствуется Конвенцией о киберпреступности (Будапешт, 2001 г.)	Статьи УК РА Статья 251. Несанкционированный доступ (проникновение) к системе компьютерной информации Статья 252. Изменение компьютерной информации Статья 253. Компьютерный саботаж Статья 254. Неправомерное завладение компьютерной информацией Статья 255. Изготовление или сбыт специальных средств неправомерного доступа (проникновения) к компьютерной информации Статья 256. Разработка, использование и распространение вредоносных программ Статья 257. Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети

Республика Казахстан	Дефиниция отсутствует в УК РК Глава 7 УК РК именуется «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи»	Статьи УК РК Статья 205. Неправомерный доступ к информации Статья 206. Неправомерные уничтожение или модификация информации Статья 207. Нарушение работы объекта информатизации Статья 208. Неправомерное завладение информацией Статья 209. Принуждение к передаче информации Статья 210. Создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ и программных продуктов Статья 211. Неправомерное распространение электронных информационных ресурсов ограниченного доступа Статья 212. Предоставление услуг для размещения интернет-ресурсов, преследующих противоправные цели Статья 213. Неправомерные изменение идентификационного кода абонентского устройства сотовой связи, устройства идентификации абонента, а также создание, использование, распространение программ для изменения идентификационного кода абонентского устройства

Кыргызская Республика	Дефиниция отсутствует в УК КР Глава 40 УК КР именуется «Преступления против кибербезопасности»	Статьи УК КР Статья 319. Несанкционированный доступ к компьютерной информации и электронным документам, в информационную систему или сеть электросвязи Статья 320. Создание вредоносных программных продуктов Статья 321. Кибер-саботаж Статья 322. Массовое распространение электронных сообщений
Республика Молдова	Дефиниция отсутствует в УК РМ Глава XI УК РМ именуется «Информационные преступления и преступления в области электронных коммуникаций»	Статьи УК РМ Статья 259. Незаконный доступ к информационной системе Статья 260. Неправомерные производство, импорт, продажа или предоставление технических средств или программных продуктов Статья 260-1. Неправомерный перехват передачи информационных данных Статья 260-2. Нарушение целостности информационных данных, содержащихся в информационной системе Статья 260-3. Воздействие на функционирование информационной системы Статья 260-4. Неправомерные производство, импорт, продажа или предоставление паролей, кодов доступа или иных аналогичных данных Статья 260-5. Подлог информационных данных Статья 260-6. Информационное мошенничество Статья 260-7. Кража личных данных Статья 260-8. Незаконные операции с использованием безналичных платежных средств Статья 261. Нарушение правил безопасности информационных систем Статья 261-1. Несанкционированный доступ к сетям и услугам электронных коммуникаций

Республика Таджикистан	Дефиниция отсутствует в УК РТ Глава 28 УК РТ именуется «Преступления против информационной безопасности»	Статьи УК РТ Статья 298. Неправомерный доступ к компьютерной информации Статья 299. Модификация компьютерной информации Статья 300. Компьютерный саботаж Статья 301. Незаконное завладение компьютерной информацией Статья 302. Изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети Статья 303. Разработка, использование и распространение вредоносных программ Статья 304. Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети
Республика Узбекистан	Дефиниция отсутствует в УК РУ Глава XX-1 УК РУ именуется «Преступления в сфере информационных технологий»	Статьи УК РУ Статья 278-1. Нарушение правил информатизации Статья 278-2. Незаконный (несанкционированный) доступ к компьютерной информации Статья 278-3. Изготовление с целью сбыта либо сбыт и распространение специальных средств для получения незаконного (несанкционированного) доступа к компьютерной системе, а также к сетям телекоммуникаций Статья 278-4. Модификация компьютерной информации Статья 278-5. Компьютерный саботаж Статья 278-6. Создание, использование или распространение вредоносных программ Статья 278-7. Незаконный (несанкционированный) доступ к сети телекоммуникаций Статья 278-8. Нарушение законодательства в сфере оборота крипто-активов Статья 278-9. Незаконное осуществление деятельности по майнингу

Как видим, в уголовном законодательстве стран – участниц СНГ не только отсутствует единое понимание киберпреступлений, но и сами виды таких преступлений объединены на основе разных принципов. Что же касается стран БРИКС, то подобную классификацию и сравнительный анализ следует проводить не столько на основе законодательства (ввиду наличия серьезных различий в правовых системах), сколько на основе практики расследования киберпреступлений.

Список литературы:

1. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию : утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям : принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 79/243 от 24 декабря 2024 г. // Организация объединенных наций: сайт. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243 (дата обращения: 12.01.2026).

4. С начала 2025 года в РФ зарегистрировали 627 тыс. киберпреступлений // Известия: сайт. – URL: https://iz.ru/2014044/2025-12-23/s-nachala-2025-goda-v-rf-zaregistrirovali-627-tys-kiberprestuplenii (дата обращения: 12.01.2026).

5. В России зафиксирован четырехкратный рост кибератак на объекты КИИ // Кабельщик: сайт. – URL: https://www.cableman.ru/content/v-rossii-zafiksirovan-chetyrekhkratnyi-rost-kiberatak-na-obekty-kii (дата обращения: 12.01.2026).

6. Петров, И. Число киберпреступлений впервые снизилось. Жертвами теперь чаще становятся подростки, а не пенсионеры / И. Петров // RG.ru: сайт. – URL: https://rg.ru/2025/12/28/chislo-kiberprestuplenij-v-rossii-vpervye-snizilos.html (дата обращения: 12.01.2026).

7. Киберпреступность 2025: 10 направлений кибербезопасности, рекордные потери и новые бизнес-риски // KT Team: сайт. – URL: https://www.kt-team.ru/blog/cybercrime-2025-cybersecurity-trends-risks (дата обращения: 12.01.2026).

8. Савенков, А.Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики / А.Н. Савенков // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 5–13.

9. Воронин, Ю.А. Транснациональная организованная преступность в цифровой сфере / Ю.А. Воронин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 3 (30). – С. 84–88.

10. О противодействии киберпреступности : модельный закон (принят на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 55-20 от 14 апреля 2023 г.)) // Справ.-правовая система «Гарант».

11. Лепешкина, О.И. Международное сотрудничество государств СНГ по противодействию киберпреступности / О.И. Лепешкина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17, № 4. – С. 82–91.

12. ГОСТ ISO/IEC 27014-2021. Межгосударственный стандарт. Информационные технологии. Информационная безопасность, кибербезопасность и защита конфиденциальности. Руководство деятельностью по обеспечению информационной безопасности. Information technology. Information security, cybersecurity and privacy protection. Governance of information security : принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 30 июня 2021 г. № 141-П). Дата введения: 30 ноября 2021 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1200180229 (дата обращения: 12.01.2026).

13. Морозов, Н.А. Борьба с компьютерной преступностью в Японии / Н.А. Морозов // Общество и право. – 2014. – № 2. – С. 141–145.

14. Менжега, М.М. Взаимодействие населения с правоохранительными органами при расследовании транснациональных киберпреступлений / М.М. Менжега // Правоохранительные органы и гражданское общество: взаимодействие в современных условиях : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. семинара. – Саратов, 2025. – С. 60–64.

Ю.А. Амельченя,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь

Yu.A. Amelchenia,
Candidate of Law, Associate Professor, Leading Researcher f the Department of Research in the Field of Civil, Social and Ecologic Law of the Institute of Legal Research of National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus
aua_post@tut.by

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-71-82

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: *в статье приведена теоретико-правовая характеристика договоров в сфере государственных закупок: 1) договоров, являющихся результатом процедур государственных закупок (договор государственной закупки, биржевой договор, заключаемый по результатам биржевых торгов как процедуры государственной закупки); 2) договоров, создающих предпосылки для осуществления государственных закупок (вспомогательных договоров[1]) – с позиции их классификации на имущественные и организационные. Недостаточность научных разработок договоров первой группы, практически отсутствие – второй, наряду с высокой социально-экономической значимостью системы государственных закупок актуализируют необходимость проведения настоящего исследования. Для его цели использованы системный, сравнительно-правовой, общелогические методы. Цель статьи – исследование договоров в сфере государственных закупок и их теоретико-правовая характеристика, установление допустимости организационных договоров в данной сфере и причин появления имущественных договоров. Автор пришел к заключению о невозможности квалификации договоров первой группы как организационных и, соответственно, невозможности использования специальной договорной конструкции рамочного договора для них. В отношении договоров второй группы сделан вывод о наличии в их составе как организационных, так и имущественных договоров, а также о диалектической обусловленности договора государственной закупки и вспомогательных договоров.*

Ключевые слова: *договор государственной закупки, вспомогательные договоры, биржевой договор, специальная договорная конструкция, имущественный договор, организационный договор, рамочный договор.*

[1] Терминология имеет относительный характер, указывающий на содействие с помощью таких договоров организации и проведению процедур государственных закупок.

SOME ISSUES OF PROPERTY AND ORGANIZATIONAL CONTRACTS IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

Abstract: *the article provides a theoretical and legal analysis of contracts in the field of public procurement: 1) contracts that are the result of public procurement procedures (public procurement contract, exchange contract concluded as a result of exchange trading as a public procurement procedure), and 2) contracts that facilitate the implementation of public procurement (supporting contracts) from the perspective of their classification into property and organizational contracts. The lack of scientific research on the first group of contracts and almost complete absence of research on the second group, along with the high socio-economic significance of the public procurement system, necessitates this study. The article uses systemic, comparative legal and general logical methods. The purpose of this article is to study contracts in the field of public procurement and their theoretical and legal characteristics, to determine the permissibility of organizational contracts in this field, and to identify the causes of the emergence of property contracts. The article concludes that it is impossible to classify the first group of contracts as organizational contracts, and therefore it is impossible to use the special contractual structure of a framework agreement for them. For the second group of contracts, it is concluded that they include both organizational and property contracts, and that there is dialectical relationship between the public procurement contract and the auxiliary contracts.*

Keywords: *public procurement contract, auxiliary contracts, commodity exchange contract, special contractual structure, property contract, organizational contract, framework agreement.*

Правовая регламентация сферы государственных закупок в Республике Беларусь, как и в других государствах – членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), выстроена с учетом норм права евразийской интеграции, что обусловлено действием п. 3 ст. 88 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., в соответствии с которым закупки в государствах-членах осуществляются согласно приложению № 25 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.

Следование приведенной норме отражается и в построении договорного регулирования отношений в сфере государственных закупок. Под ним мы предлагаем понимать воздействие по аналогии с нормами права: 1) договоров, являющихся результатом процедур государственных закупок (договор государственной закупки, биржевой договор, заключаемый по результатам биржевых торгов как процедуры государственной закупки) и 2) договоров, создающих предпосылки для осуществления государственных закупок (вспомогательные договоры) как частноправовых средств на относительные обязательственные отношения. При этом договорное регулирование в сфере государственных закупок характеризует ограничение действия принципов свободы договора и равенства участников гражданских отношений.

В рамках статьи предлагается проанализировать обе обозначенные группы договоров с позиции классификации гражданско-правовых договоров на имущественные, организационные [1] и имущественно-организационные [2, с. 116], привести их теоретико-правовую характеристику, установить допустимость организационных договоров в данной сфере и причины появления имущественных договоров.

Договоры первой группы – договор государственной закупки и биржевой договор – выступают гражданско-правовым средством обеспечения государственного интереса для сферы государственных закупок, включающего функциональное назначение государственных закупок, состоящее в удовлетворении потребностей государства в лице заказчиков в товарах (работах, услугах) для решения стоящих перед государством задач, осложненное одновременным наличием сопутствующих целей – экологических, экономических и социальных. Для обоих видов договоров характерна возмездность, но обязанность по оплате осуществляется фактически третьим лицом – органом государственного казначейства, обеспечивающим исполнение бюджетных обязательств, в том числе для конкурентных процедур государственных закупок за счет механизма предварительного резервирования средств, обеспечиваемого посредством интеграции государственной информационно-аналитической системы управления государственными закупками и Автоматизированной системы финансовых расчетов Министерства финансов Республики Беларусь. Ответственность заказчика как должника в обязательстве по оплате, которое непосредственно исполняется третьим лицом – органом государственного казначейства, не наступает, отсутствует она и у органа государственного казначейства. Заказчик может нести ответственность за несвоевременное предоставление документов на оплату в орган государственного казначейства, когда это предусмотрено договором. Если денежные обязательства по договору государственной закупки и биржевому договору исполняются не только за счет бюджетных, но также и собственных средств заказчика полностью или в части, то в этом случае исполнение денежного обязательства при оплате за счет собственных средств осуществляется непосредственно заказчиком (организатором).

Взамен по договору государственной закупки и биржевому договору заказчик получает товары (работы, услуги).

Принимая во внимание подход, в соответствии с которым к имущественным относятся все договоры, непосредственно оформляющие акты товарообмена их участников и направленные на передачу или

получение имущества (материальных и иных благ), тогда как организационные направлены не на товарообмен, а на его организацию, т.е. на установление взаимосвязей участников будущего товарообмена [1], и договор государственной закупки, и биржевой договор являются имущественными.

В связи с изложенным представляется, что оба таких договора не могут быть отнесены к рамочным договорам в силу нетождественности имущественного характера отношений в сфере государственных закупок, направленного на удовлетворение потребности заказчика в товарах (работах, услугах), и неимущественного характера организационного договора.

Для рамочного договора как организационного [3], условия которого составляют часть заключенного договора, если иное не указано сторонами и такой договор в целом соответствует их намерению, выраженному в организационном соглашении (п. 9 Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165), характерна организация взаимоотношений сторон. В свою очередь, «конкретное обязательство по передаче товаров, выполнению работ, оказанию услуг возникает после согласования сторонами определенных условий (количество и ассортимент товара, количество груза, сроки передачи и т.д.) в порядке, предусмотренном в таком договоре» [4]. При этом организационные договоры по-прежнему выполняют регулятивную функцию, которая «проявляется в способности договора организовать взаимосвязанную деятельность контрагентов в будущих договорах» [5] имущественного характера.

Вопрос о рамочном договоре в сфере государственных закупок возникает в связи с постановкой проблемы приобретения заказчиками из года в год одних и тех же товаров (работ, услуг) путем проведения каждый раз процедуры государственных закупок. Однако решение данной проблемы видится не в допустимости рамочного договора в сфере государственных закупок, а в закреплении нового вида процедуры государственной закупки – рамочного соглашения. В первую очередь требуется его регламентация правом ЕАЭС, а затем закрепление в национальном законодательстве о государственных закупках (в порядке правового эксперимента для целей последующего анализа востребованности такого рода процедуры государственной закупки) как вида процедуры государственной закупки, проводимой в два этапа: по результатам первого этапа заключается договор государственной закупки с последующим его изменением по результатам второго

этапа. Особенность такого договора – отсутствие согласованной цены, по которой будет осуществляться его исполнение по результатам первого этапа процедуры; ее согласование осуществляется при изменении договора по результатам второго этапа. Предметом рамочного соглашения как вида процедуры государственной закупки являются товарные позиции, ежегодно планируемые заказчиками для приобретения с целью обеспечения их деятельности и функций [6]. При таком подходе сохраняется имущественный характер договора государственной закупки, заключаемого по результатам проведения такой процедуры.

Договоры второй группы – вспомогательные – отличаются тем, что за счет договорного регулирования создаются условия для осуществления государственных закупок с установлением допустимых пределов осуществления субъективных прав сторонами таких договоров. При этом существование таких договоров в системе государственных закупок влияет на их гражданско-правовую природу за счет ограничения свободы договора и обусловлено функциональным назначением системы государственных закупок.

Исходя из анализа белорусского законодательства, предусматривающего договорное регулирование отношений в сфере государственных закупок, к таким вспомогательным договорам относятся: договор с поставщиком услуг (удостоверяющим центром) при получении электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП), атрибутного сертификата ЭЦП; договор на биржевое обслуживание, заключаемый между заказчиком, потенциальным участником и товарной биржей; соглашение о совместных закупках; договор между заказчиком и организатором при передаче организатору части функций заказчика по организации процедур государственных закупок; договор между заказчиком, организатором и экспертом (членами экспертной комиссии); договор между заказчиком и организатором, определенным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2024 г. № 1034 «О государственных закупках медицинских изделий, лекарственных средств и лечебного питания»[1] (далее – постановление № 1034); соглашение о совместном участии в процедуре государственной закупки; договор между потенциальным участником и оператором электронной торговой площадки (далее – ЭТП); договор между организатором и оператором ЭТП

[1] Особенность постановления № 1034 заключается в том, что им определены организаторы для приобретения лекарственных средств и медицинских изделий, которые в централизованном порядке для заказчиков приобретают по процедурам государственных закупок указанные товары, заключая договор государственной закупки по результатам таких процедур, а затем на основании договора поставки или комиссии (поручения) реализуют заказчикам приобретенные товары.

(регулируется регламентом оператора ЭТП, по этой причине в статье не приводится); договор между банком-гарантом и принципалом в связи с выдачей банковской гарантии.

Доктринальное значение выявленных договорных отношений состоит в теоретическом осмыслении имеющихся договорных связей, их особенностей, определении их правовой природы. Практическое значение состоит в установлении имеющихся коллизий, пробелов в правовом регулировании договорных отношений, опосредующих государственные закупки, с последующим формулированием предложений по совершенствованию законодательства в русле обеспечения функционального назначения государственных закупок и сопутствующих целей.

Анализ вспомогательных договоров позволил установить их правовую природу. Так, договор между заказчиком, организатором, потенциальным участником и поставщиком услуг (удостоверяющим центром) относится к договорам возмездного оказания услуг. По своей правовой природе такой договор может быть охарактеризован как консенсуальный, двусторонний, возмездный, публичный; относится к договорам присоединения.

Заключение данного договора находится в прямой зависимости от электронизации в сфере государственных закупок, когда обмен электронными документами, подписанными ЭЦП, для получения последней требует договорного регулирования. Реализация субъективного права на участие в процедуре государственной закупки субъекта находится в прямой зависимости от заключения договора с удостоверяющим центром и получением ЭЦП. Аналогичным образом для заказчика (организатора, если он привлекается для организации и проведения процедуры государственной закупки) удовлетворение потребности в товарах (работах, услугах) поставлено в зависимость от аккредитации, а следовательно, заключения договора с удостоверяющим центром и последующим получением ЭЦП.

Договор на биржевое обслуживание, заключаемый между заказчиком, потенциальным участником и товарной биржей, относится к договорам возмездного оказания услуг, правовая природа которого имеет консенсуальный, двусторонний, возмездный, публичный характер; договор относится к договорам присоединения. Хотя такой договор не является обязательным для заключения, участие в биржевых торгах возможно только после его заключения. Таким образом, вид процедуры государственной закупки и ее особенности предопределяют способ реализации субъективного права на участие в ней, формируя обязанность заключения договора с товарной бир-

жей. Для заказчика, намеревающегося приобрести биржевые товары, условием такого приобретения является заключение договора на биржевое обслуживание.

Гражданско-правовая природа соглашения между заказчиками как организационного договора при проведении совместных закупок имеет консенсуальный, дву- или многосторонний, безвозмездный характер; цель заключения такого соглашения состоит в обеспечении проведения совместных процедур государственных закупок (п. 3 ст. 12 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон). Соглашение предопределяет применение мер ответственности за нарушение законодательства о государственных закупках в отношении того из заказчиков, кто организует и проводит процедуры государственных закупок на основании такого соглашения.

Гражданско-правовая природа соглашения о совместном участии в процедуре государственной закупки как организационного договора имеет консенсуальный, дву- или многосторонний, безвозмездный характер; цель заключения такого соглашения состоит в обеспечении совместного участия в конкретной процедуре государственной закупки (п. 4 ст. 16 Закона). Соглашение является условием для совместного участия, создает предпосылки для формирования содержания договора государственной закупки за счет установления и распределения в таком соглашении прав и обязанностей совместно участвующих лиц и таким образом само выступает в качестве правового средства регулирования отношений, возникающих на основании договора государственной закупки.

Для выполнения предусмотренных законодательством функций заказчик (организатор) на возмездной основе может привлечь эксперта, что обусловливает появление договора возмездного оказания услуг, правовая природа которого имеет двусторонний, взаимный, возмездный характер. Заключение такого договора обеспечивает профессионализацию как один из принципов в сфере государственных закупок и принятие соответствующего законодательству решения по результатам проведения процедуры государственной закупки.

Правовое регулирование договоров, заключаемых между заказчиками и организаторами, определяемыми постановлением № 1034 (договор поставки или договор комиссии (поручения)), осуществляется исключительно нормами гражданского законодательства. Особенность таких договоров заключается в том, что хотя оплата по ним и осуществляется за счет бюджетных средств и (или)

средств государственных внебюджетных фондов, данные договоры не являются договорами государственной закупки в отсутствие предшествующих их заключению процедур государственных закупок. Правовая модель взаимодействия заказчика и организатора на основании постановления № 1034, получившая закрепление как особенность осуществления государственных закупок, движима функциональным назначением государственных закупок в их социальном аспекте, связанном с конституционной гарантией обеспечения доступного медицинского обслуживания в соответствии с ч. 2 ст. 45 Конституции Республики Беларусь.

Частноправовые отношения между потенциальным участником и оператором ЭТП требуют наличия договора об оказании услуг по организации и проведению процедур закупок в качестве их регулятора. Данный договор является условием для аккредитации на ЭТП, что позволяет сделать вывод об обязательности заключения такого договора для потенциального участника, если он намерен реализовать принадлежащее ему субъективное право на участие в процедурах государственных закупок в электронном формате. Правовая природа такого договора как договора возмездного оказания услуг, в котором цену необходимо относить к существенным условиям, включает консенсуальность, двусторонность, возмездность. Если в качестве участника планирует выступать заказчик, ему следует пройти соответствующую аккредитацию и заключить договор с оператором ЭТП, а поскольку такой договор возмездный, то для целей выбора оператора ЭТП при оплате услуг полностью или частично за счет бюджетных средств потребуется проведение процедуры государственной закупки.

Частноправовые отношения между заказчиком и организатором при привлечении последнего для организации и проведения процедур государственных закупок требуют заключения договора (ст. 13 Закона), содержание и правовая природа которого обусловлена тем, кто именно оплачивает услуги организатора – заказчик, участники, заказчик и участники. При осуществлении оплаты услуг организатора заказчиком заключается договор возмездного оказания услуг, существенным условием которого является цена. При осуществлении оплаты услуг организатора участниками между заказчиком и организатором заключается договор без проведения процедуры государственной закупки с оплатой услуг третьими лицами – участниками, но такой договор необходимо квалифицировать как возмездное оказание услуг, оказываемых организатором заказчику.

Договоры, которые опосредуют обеспечительные обязательства в сфере государственных закупок, представлены соглашением между гарантом и принципалом или иной инструктирующей стороной о выдаче банковской гарантии, являющимся разновидностью договора комиссии, а по правовой природе – двусторонним, консенсуальным, возмездным.

Для уяснения правил функционирования системы государственных закупок важна правовая связь между государственным учреждением (центром) и бюджетными организациями (заказчиками), закрепленная в Указе Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2019 г. № 475 «Об обеспечении деятельности бюджетных организаций». В силу Указа до 1 января 2025 г. отношения между центром и заказчиками регулировались договором об оказании услуг, на основании которого центр как законный представитель заказчиков осуществлял все действия, связанные с государственными закупками для них, в т.ч. заключение договора государственной закупки. В таком договоре об оказании услуг тем не менее имелись элементы управленческого и организационного договора [7, с. 93–96]. С 1 января 2025 г. договорные отношения между центром и бюджетной организацией заменены регламентированным порядком взаимодействия между указанными субъектами, разрабатываемым и утверждаемым исполнительными комитетами областного территориального уровня, что позволяет сделать вывод о замене договорного регулирования административно-правовым.

Теоретическое значение изменения подходов к правовому регулированию отношений между государственным учреждением (центром) и бюджетными организациями состоит в том, что выбор правовых средств в пользу частноправовых (договорных) или административных демонстрирует разрешение законодателем актуального противоречия, движущего систему государственных закупок, а именно: поиск правового средства для обеспечения эффективного функционирования системы государственных закупок и реализации ею своего функционального назначения и сопутствующих целей. Можно предположить, что эффективность договорной модели, изначально закрепленной для применения в отношениях с участием указанных субъектов, себя исчерпала или проявила с отрицательной стороны.

Ряд вспомогательных договоров по своему содержанию являются *организационными*, в частности соглашения о совместных закупках и о совместном участии в процедуре государственной закупки, остальные договоры – *имущественными*. Все приведенные договоры поименованные, поскольку на них не только имеется указание в за-

конодательстве, но и, учитывая их выявленную правовую природу, возможно уяснить их содержание, включая предмет и иные существенные условия.

Если говорить об оптимизации правового регулирования организационных вспомогательных договоров, то одним из ее направлений может выступать типизация договорных условий. В теоретическом значении под типовыми условиями можно понимать установленные законодательством договорные условия, обладающие регулятивными свойствами, за счет которых формируются субъективные права и обязанности сторон договора. Установление типовых условий для соглашения о совместных закупках позволит определить обязанности заказчика, который проводит процедуры государственных закупок на основании соглашения о совместных закупках, и иных заказчиков, для которых такие процедуры проводятся. Для соглашения о совместном участии в закупках установление типовых условий обеспечит единообразную практику совместного участия и исключит риски альтернативной квалификации соглашения как договора простого товарищества (договора о совместной деятельности) и правовых последствий такой квалификации.

Проведенное исследование также позволило выявить особенность вспомогательных договоров, имеющую доктринальное значение. Она состоит в том, что те их них, которые являются имущественными и стороной которых выступает заказчик (договор с поставщиком услуг (удостоверяющим центром); договор на биржевое обслуживание; договор между заказчиком и организатором; договор между заказчиком и экспертом (членами экспертной комиссии); договор между потенциальным участником и оператором ЭТП и договор между банком-гарантом и принципалом в связи с выдачей банковской гарантии, если в качестве потенциального участника и принципала выступает заказчик), квалифицируются как договоры государственной закупки, если заключаются по результатам процедур государственных закупок. Таким образом, наблюдается диалектическая обусловленность договора государственной закупки и вспомогательных договоров, которая проявляет себя в наделении последних отличительными признаками договора государственной закупки при условии их заключения по результатам процедур государственных закупок. Как следствие, правовая природа таких договоров должна определяться в совокупности с отличительными признаками договора государственной закупки [8; 9].

Для договоров, являющихся результатом процедур государственных закупок (договор государственной закупки, биржевой договор, заключа-

емый по результатам биржевых торгов как процедуры государственной закупки), установлен их исключительный имущественный характер. Рамочный договор составлять основу таких договоров не может по причине недопустимости организационного характера для них, однако целесообразность элементов «рамочности» имеется, но может быть обеспечена за счет закрепления нового вида процедуры государственной закупки – рамочного соглашения. Для вспомогательных договоров установлен организационный характер двух соглашений – между заказчиками при проведении совместных государственных закупок и между участниками при совместном участии в процедурах государственных закупок. Иные выявленные вспомогательные договоры – имущественные. Выявлена диалектическая обусловленность договора государственной закупки и вспомогательных договоров: она проявляется в наделении последних отличительными признаками договора государственной закупки при условии их заключения по результатам процедур государственных закупок. Все исследованные договоры выступают в качестве частноправовых средств, строящихся на основании гражданско-правовых принципов и принципов в сфере государственных закупок (институциональных принципов), упорядочивающих имущественные и организационные отношения между субъектами.

Список литературы:

1. Российское гражданское право : учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др. ; отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М. : Юрид.лит., 1984. – 224 с.

3. Полякова, В.Э. Рамочный договор поставки / В.Э. Полякова // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

4. Годунов, В.Н. Общие положения о договоре: направления совершенствования / В.Н. Годунов // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 12–13 сент. 2019 г.) / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С.К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – С. 88–93.

5. Морозов, С.Ю. Система транспортных организационных договоров / С.Ю. Морозов // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Амельченя, Ю.А. Перспективы появления рамочного соглашения в законодательстве о государственных закупках Республики Беларусь / Ю.А. Амельченя // Современное частное право: вызовы и преемственность : сб. науч. ст. / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь ; под ред. М.В. Мещановой [и др.]. – Минск : НЦЗПИ, 2024. С. 17–26.

7. Амельченя, Ю.А. Система договоров в сфере государственных закупок / Ю.А. Амельченя. – Минск : Колорград, 2021. – 348 с.

8. Амельченя, Ю.А. К вопросу о гражданско-правовом статусе поставщика (подрядчика, исполнителя) как стороны договора государственной закупки / Ю.А. Амельченя // Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях : матер. Первой Междунар. науч.-практ. конф. в память о выдающ. ученом, д-ре юрид. наук, проф. Т.Е. Абовой. – М. : Планета. – 2020. С. 120–130.

9. Амельченя, Ю.А. Некоторые аспекты совместного участия субъектов хозяйствования в процедурах закупок / Ю.А. Амельченя // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 7 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : Изд-во Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы, 2022. С. 38–48.

Н.В. Тупиков,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
конституционного права имени
профессора И.Е. Фарбера
и профессора В.Т. Кабышева
Саратовской государственной
юридической академии

N.V. Tupikov,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Constitutional
Law named after Professor I.E. Farber
and Professor V.T. Kabyshev
of the Saratov State Law Academy
nick_tupikov@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-83-90

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ СТАНДАРТАХ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Аннотация: *в статье представлен конституционно-правовой анализ проблем правоприменения в обеспечении стандартов защиты экономических прав в странах Евразийского экономического сообщества (ЕАЭС). Цель статьи заключается в выявлении общих для данных стран направлений сближения правовых систем и повышения эффективности механизмов защиты экономических прав. Поставленные задачи были реализованы при помощи общенаучных методов эмпирического и теоретического познания, формально-юридического и сравнительно-правового методов. В ходе исследования выявлено, что конституционно-правовые гарантии экономических прав в странах ЕАЭС несут в себе общую теоретико-методологическую неопределенность. На примере правоприменения в Российской Федерации и Республике Казахстан выявлены особенности приведения к общим стандартам данных гарантий.*

Ключевые слова: *конституционализм, конституционное право, международное право, экономическая теория, экономические права человека, защита прав человека, судебная защита.*

ON THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL LAW STANDARDS FOR THE PROTECTION OF ECONOMIC RIGHTS IN EURASIAN ECONOMIC COMMUNITY (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN)

Abstract: *the article presents a constitutional law analysis of the law enforcement problems in providing standards for the protection of economic rights in Eurasian Economic Community (EEC). The purpose of the article is to identify common areas of convergence of legal systems in these countries and to increase the effectiveness of mechanisms for the protection of economic rights. The tasks were implemented using general scientific methods of empirical and theoretical knowledge, the formal legal and the comparative legal methods. During the research, the common for EEC theoretical and methodological uncertainty in the constitutional law protection of economic rights were identified. On example of Russia and Kazakhstan law enforcement, the common features of these guarantees harmonization were identified.*

Keywords: *constitutionalism, constitutional law, international law, economy, economic rights, protection of human rights, judicial protection.*

В условиях возрастания неопределенности, военно-политической напряженности в международных отношениях, сопровождающихся трансформацией мирового хозяйственного уклада (термин академика С.Ю. Глазьева [1]), вызванных действиями ряда западноевропейских стран и США, особенно актуальной становится проблема общих стандартов защиты прав человека и экономических прав в частности. Известно, что отношение к правам человека в международном праве и национальном конституционном праве различных государств всегда было неоднозначным. Наиболее общие представления о правах человека и их гарантиях складывались и имеются в рамках международного права, однако подходы к этому вопросу в либеральных капиталистических, социалистических и мусульманских конституциях неодинаковы [2]. Остановимся на аспекте общих стандартов защиты экономических прав в государствах – участниках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

В основе конституционного строя указанных стран находятся схожие социально-экономические принципы. В представленном контексте речь идет о принципах свободы экономической и предпринимательской деятельности, признания и защиты всех форм собственности, а также непосредственно связанных с ними гарантиях их реализации (например, ст. 8, 34, 35 Конституции РФ [3] и аналогичные по содержанию ст. 6, 26 Конституции Республики Казахстан [4]). Прежде всего необходимо остановиться на одной важной методологической проблеме.

Суть в том, что современная экономическая теория, находящаяся в смысловой основе данных принципов и гарантий, все более обнаруживает свою неустойчивость и даже несостоятельность. Становится все более очевидным, что представление о человеке в господствующей экономической теории как о максимизирующем полезность индивиде посредством, главным образом, обоюдных контрактов (как, в частности, утверждается в работе Светозара Пейовича [5, p. 30) – это упрощенное представление, не учитывающее связанных с ним правовых, психологических, этических, политических феноменов. В современных работах на это обращается внимание, проводятся междисциплинарные и межотраслевые исследования (экономический анализ права [6], экономическое право [7], конституционная экономика [8]). Таким образом, реализация указанных принципов содержит в себе доктринальную неопределенность, которая становится особенно значимой с учетом того, что в практической плоскости идея

конституционализма отступает на второй план перед доминирующей экономической теорией в проводимой экономической политике. Соответственно, конституционно-правовые гарантии экономических прав несут в себе эту неопределенность, что, в частности, относится к государствам – участникам ЕАЭС.

Правоприменение тесно связано с вышеизложенным, вместе с тем интерес хозяйствующего субъекта всегда состоит в том, чтобы гарантии экономических прав носили определенный и конкретный характер в нормах конституций, текущего законодательства и в правоприменительной практике.

Как следует из положений Договора о ЕАЭС [9], этим актом учреждена международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, в рамках которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики (ЕАЭС). Приведение в этой связи национальных конституционно-правовых гарантий защиты экономических прав государств – участников ЕАЭС к общим стандартам закономерно и способствует достижению целей данной организации.

В юридической литературе справедливо отмечается, что в рамках Договора о ЕАЭС складывается двухуровневая система источников права, состоящая из договоров стран ЕАЭС и актов органов этого объединения. Значимая часть вопросов относится к природе содержащихся в них норм права. Ряд авторов указывают на то, что отсутствие в Договоре положения об обязательной силе и прямом действии актов органов ЕАЭС является его недостатком, что не будет способствовать достаточному сближению правовых систем государств-участников [10]. Одновременно в научных работах обращается внимание на то, что органы ЕАЭС в своей деятельности основываются на принципах прямого действия и верховенства права ЕАЭС [11]. В этой части всегда останется неопределенность в той мере, в которой государства позволят уступить часть своего суверенитета интеграционному образованию для обеспечения приоритета наднационального правопорядка над национальным. По существу, Договор представляет собой инструмент унификации, приведения к общим стандартам конституционно-правовых гарантий защиты экономических прав, который, вместе с тем, по отношению к ним носит субсидиарный характер.

Значимой проблемой унификации данных гарантий является тот факт, что, несмотря на схожесть основ конституционного строя,

они складывались во многом и в различных правовых условиях. Рассмотрим это обстоятельство на примере правоприменения в Российской Федерации и в Республике Казахстан.

Участие Российской Федерации (наряду с некоторыми иными участниками ЕАЭС) в деятельности Совета Европы обеспечило имплементацию в российское правоприменение ряда выработанных в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) принципов регулирования экономических отношений, в том числе защиты прав их участников, основанных на общих положениях европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [12]

Например, в постановлении ЕСПЧ от 23 сентября 1982 г. по делу «Спорронг (Sporrong) и Лоннрот (Lonnroth) против Швеции» (жалобы № 7151/75 и 7152/75) [13] конкретизирован принцип беспрепятственного пользования объектами собственности в сочетании с возможностью лишения собственности, признанием, что государства-участники имеют право контролировать использование собственности в соответствии с общими интересами, обеспечивая выполнение таких законов, которые они считают необходимыми для этой цели, с учетом соразмерного и пропорционального публичного вмешательства, связанного с ограничениями права собственности. В постановлении ЕСПЧ от 26 сентября 2006 г. по делу № 35349/05 «Флери Солер и Камиллери против Мальты» (Fleri Solerand Camilleri v.Malta) и постановлении от 26 сентября 2006 г. по делу № 31122/05 «Гиго против Мальты» (Ghigo v. Malta) [14] вышеназванная правовая позиция детализирована положениями о несоразмерном ограничении права частной собственности.

Хотя Российская Федерация в 2022 г. и покинула состав Совета Европы, указанная правовая позиция стала частью правоприменения, отразившись в некоторых судебных актах Конституционного Суда РФ (в частности, в постановлении от 22 ноября 2000 г. № 14-П [15], постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П [16]).

Республика Казахстан не является участником европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, состоит в Совете Европы в статусе наблюдателя. То есть с точки зрения правовой традиции, изложенной в практике ЕСПЧ, в законодательстве Казахстана ряд экономических принципов не анализировался в той же мере, как в России. Пределы и необходимость сближения с этой точки зрения правовых систем для защиты экономических прав, вне всяких сомнений, представляют собой сложную проблему национального конституционно-правового регулирования, требующего учета и анализа опыта правоприменения.

Задача защиты прав человека и самого права от правонарушающих действий стоит перед всеми органами власти в государстве, но именно для суда она является ключевой, учитывая его природу и назначение. Этим обусловлена важнейшая роль судебной защиты в качестве конституционно-правовой гарантии экономических прав. Таким образом, интеграция в рамках ЕАЭС тесно связана с вопросами приведения к единообразию судебной практики, с тем чтобы выработанные в ней принципы в одинаковой мере принимались в судебных актах в странах-участницах.

В этой связи показательно, что в 2023 г. в арбитражных судах России количество споров с участием компаний из Республики Казахстан составило 773 дела, из которых в 261-м случае казахстанские компании выступают в качестве истца, в 464 делах – в качестве ответчика; 48 компаний привлечены к участию в деле в качестве третьих лиц. В 2021 г. в России было зарегистрировано 549 таких дел, в 2022 г. – 707 [17]. В законодательстве РФ и Казахстана о национальных судебных системах дается неоднозначная оценка правовому статусу участников экономических споров. В судебной системе Казахстана не имеется в той же мере выделенных, специализирующихся на экономических спорах хозяйствующих субъектов судов, как арбитражные суды РФ. Однако число только зарегистрированных российских компаний в Казахстане составляет более 23 тысяч [18]. Таким образом, значимость обеспечения единообразия судебной практики в рассматриваемом контексте очевидна.

В вопросах обеспечения общих конституционно-правовых стандартов защиты экономических прав в странах Евразийского экономического союза особое место принадлежит Международному финансовому центру «Астана» (далее – МФЦА). В ч. 3-1 ст. 2 Конституции Казахстана определено, что в пределах города Астаны может быть установлен особый правовой режим в финансовой сфере в соответствии с конституционным законом. Конституционным законом Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V «О Международном финансовом центре “Астана”» на территории 1620 га в пределах города введен особый правовой режим в финансовой сфере [19].

В основе идеи МФЦА находится схожая концепция финансового центра в городе Дубай (ОАЭ), предполагающая создание особой зоны на территории этого города, в рамках которой национальное законодательство ОАЭ лишь частично регулирует хозяйственные процессы. Хотя об этом прямо не говорится в нормативных актах о МФЦА, в литературе указывается, что его создание имеет амбициозную цель

сопряжения евразийской экономической интеграции с инициативой «Один пояс – один путь», принципов западной финансовой системы и форм привлечения денежных средств, соответствующих исламской хозяйственной идеологии [20].

Деятельность МФЦА основана на принципах английского права, в его рамках обеспечивается упрощенный визовый режим, независимое финансовое регулирование в соответствии с международными стандартами, предоставление налоговых преференций хозяйствующим субъектам, специальная система разрешения коммерческих споров, а также специальное регулирование многих иных сфер. В особом правовом режиме МФЦА находится и судебная защита экономических субъектов. Суд МФЦА не входит в судебную систему Казахстана, имеет ограниченную сферу юрисдикции и, с учетом функционирования на основе английского права характеризуется рядом черт, не свойственных казахстанским судам, [21, с. 443–448].

В российской правоприменительной практике нет аналогов правовому режиму МФЦА, который, вместе с тем, имеет важное значение в обеспечении конституционно-правовых стандартов защиты экономических прав в странах ЕАЭС в целом. Этот и подобные ему правовые режимы, их реализация, с нашей точки зрения, должны быть подвергнуты анализу во всей системе конституционного строя страны, что, однако, требует самостоятельного исследования.

Итак, на примере России и Казахстана выявлены некоторые направления в правоприменении, в рамках которых унификация и приведение к стандартам в национальном конституционно-правовом регулировании, на наш взгляд, могут способствовать целям ЕАЭС в сфере защиты экономических прав. Выше отмечалось, что данные стандарты несут в себе общую для государств – участников ЕАЭС теоретико-методологическую неопределенность, что обусловлено схожими экономическими принципами конституционного строя. Несмотря на эту схожесть, защита экономических прав в национальном законодательстве рассматриваемых стран реализована неодинаково. Несомненно, что разрешение обозначенных вопросов требует дальнейшей координации работы специалистов в соответствующих областях международного и национального права, проведения совместных научных исследований, обобщения и распространении опыта.

Список литературы:

1. Глазьев, С.Ю. Открытие закономерности смены технологических укладов в ЦЭМИ АН СССР / С.Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 2018. – Т. 54, № 3. – С. 17–30.

2. Чиркин, В.Е. Основные права человека: современные глобальные модели / В.Е. Чиркин // Гражданин и право. – 2015. – № 5. – С. 3–13.

3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. ; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398; Рос. газ. – 2020. – 4 июля.

4. Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (с изм. и доп. по сост. на 19 сентября 2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1996. – № 4, ст. 217; 2007. – № 10 (2491), ст. 68; 2011. – № 3 (2580), ст. 29; 2017. – № 5 (2726), ст. 9; 2019. – № 5-6 (2780-2781), ст. 28; Казахстанская правда. – 2022. – 8 июня; – 2022. – 19 сент.

5. Pejovich, S. The economics of property rights: towards a theory of comparative systems / S. Pejovich. – Dordrecht; Boston; London : Kluwer Academic Publishers, 1990. – 204 p.

6. Posner, Richard A. Economic analysis of law / Richard A. Posner. – Ninth ed. – New York: Wolters Kluwer Law & Business, 2014. – 1026 p.

7. Экономическое право : учебник / под науч. ред. д.ю.н., проф. Н.С. Бондаря. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2023. – 408 с.

8. Конституционная экономика / отв. ред. Г.А. Гаджиев. – М. : Юстицинформ, 2010. – 256 с.

9. О Евразийском экономическом союзе : договор (Астана, 29 мая 2014 г.) (в ред. от 25 мая 2023 г.) // Правовой портал Евразийского экономического союза. – URL: https://docs.eaeunion.org (дата обращения: 16.06.2025).

10. Беликова, К.М. Некоторые правовые аспекты защиты права потребителей в странах ЕАЭС / К.М. Беликова, Н.В. Бадаева, М.А. Ахмадова // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 6. – С. 31–34.

11. Дьяченко, Е.Б. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС / Е.Б. Дьяченко, К.В. Энтин // Журнал российского права. – 2018. – № 10.– С. 123–133.

12. О защите прав человека и основных свобод : конвенция ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2, ст. 163.

13. Европейский суд по правам человека : избранные решения : в 2 т. – М. : Норма, 2000. – Т. 1. – 841 с.

14. Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2007. – № 3 // Справ.-правовая система «Гарант».

15. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2000 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 49, ст. 4861.

16. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества

и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы : постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 9, ст. 830.

17. Абенов, К. Казахстанский бизнес стал чаще судиться в России // Редакция Forbes.kz. – URL: https://forbes.kz/articles/kazahstanskiy_biznes_stal_chasche_suditsya_v_rossii (дата обращения: 30.06.2025).

18. Число российских компаний в Казахстане превысило 23 тысячи // РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20240122/kazakhstan-1922805335.html (дата обращения: 30.06.2025).

19. О Международном финансовом центре «Астана» : Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 г. № 438-V (в ред. от 1 апреля 2023 г.) // Казахстанская правда. – 2015. – 9 дек.; 2017. – 15 марта; 2017. – 29 дек.; 2019. – 31 дек.; 2022. – 7 нояб.; 2023. – 1 янв.

20. Гончаренко, М.А. Международный финансовый центр «Астана» как инструмент «мягкой силы» Казахстана и ЕАЭС / М.А. Гончаренко, Л.И. Хомякова // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – № 13 (6). – С. 110–118.

21. Конституционное право Республики Казахстан. Академический курс : в 2 т. / под общ. ред. д.ю.н., проф. К.А. Мами; авт. предисл., отв. ред. и руков. авт. колл. д.ю.н., проф. К.А. Мами.– Алматы : Конституционный совет Республики Казахстан, 2021. – Т. 2. – 592 с.

М.Н. Кобзарь-Фролова,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук

M.N. Kobzar-Frolova,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Administrative Law Sector and Administrative Process of the Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences
adminlaw@igpran.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-91-100

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА (ПАМЯТИ С.С. СТУДЕНИКИНА)

Аннотация: *статья относится к такому типу работ, которые являются посвящением памяти и научному наследию ученого, человека, личности. Данная работа приурочена к 120-летию со дня рождения видного советского ученого-административиста, не только заложившего основы советского административного права и административного процесса, но и оказавшего существенное влияние своими трудами на современное состояние и развитие науки административного права, ее систему, предмет, правоотношения и прочее.*

Ключевые слова: *Семён Севастьянович Студеникин, административное право, административно-правовая норма, управление, принципы, юридическая норма, правоотношение, классификация, характерные признаки (черты).*

AT THE ORIGINS OF MODERN ADMINISTRATIVE LAW (IN MEMORY OF S.S. STUDENIKIN)

Abstract: *this article is a type of work dedicated to the memory and scientific legacy of a scholar, person, and individual. In this case, it is dedicated to the 120th anniversary of the birth of a prominent Soviet administrative law scholar who both contributed to the foundations of Soviet administrative law and administrative procedure and significantly influenced the current state and development of administrative law, its system, subject matter, legal relations, etc..*

Keywords: *Semyon Sevast'yanovich Studenikin, administrative law, administrative legal norm, management, principles, legal norm, legal relationship, classification, characteristic features (traits).*

Начать статью хотелось бы с фразы выдающегося дореволюционного правоведа Н.М. Коркунова: «Русскому юристу стыдно не знать своих предшественников» [1, с. 232]. И действительно,

только в Институте государства и права РАН за его 100-летнюю историю служило науке немалое количество ученых, чьи имена и научные работы внесли существенный вклад в становление и развитие представлений о юридических отраслях, правовых институтах и категориях, способствовали созданию научных школ, подготовке и воспитанию учеников и т.д. Совокупностью статей и монографических работ они сформировали широкое наследие, которое следует изучать, анализировать, познавать, распространять их идеи и дополнять новыми знаниями. Одним из таких ученых был Семён Севастьянович Студеникин (1905–1957).

С.С. Студеникин пришел в Институт государства и права (в то время – Институт советского строительства и права Коммунистической Академии) в сентябре 1930 г. после окончания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где он учился на факультете советского права. В своей автобиографической карточке, до сих пор хранящейся в Институте, он написал: «…учебу в университете совмещал с практической деятельностью юридического характера в ряде советских организаций». В Институт его приняли на должность научного сотрудника. В том же году он поступил в аспирантуру.

В начале 30-х гг. XX в. С.С. Студеникин, работая под руководством профессора А. Алымова, начал публиковать свои первые научные работы. Они были посвящены вопросам развития советской демократии. Это статьи «Депутатские группы на предприятиях» [2], «Советский федерализм и демократический централизм» [3], брошюра «Добровольные общества и вовлечение масс в управление государством» [4]. Интересно заметить, что идеи молодого перспективного автора, заложенные в брошюре, сохраняют актуальность и в настоящее время, показывая реальные возможности участия граждан в управлении государством.

В 20–30-е гг. XX в. действующая политическая идеология, политические репрессии, отсутствие системности в принимаемых нормативных правовых актах и прочее не способствовали развитию юридических наук, в том числе науки административного права. Так, в начале 1930-х гг. всерьез обсуждался вопрос о вредоносности идей, которые несли административисты (полицеисты), о том, что их теории тяготеют к буржуазному наследию. Работа, направленная на правовое регулирование различных видов отношений в обществе, только начинала складываться, и процесс этот был осложнен проявлениями классовых противоречий. Научное сообщество молодого советского государства переживало идейный и кадровый кризис. Практический интерес в то время вызывали такие темы, как государственное управ-

ление народным хозяйством, компетенция, формы и методы деятельности государственных служащих, деятельность общественных организаций и др. Соответственно, этим проблемам посвящали свои научные разработки ученые Института.

В дальнейшем С.С. Студеникину было поручено заняться разработкой проблем рационализации государственного аппарата. Результатом этой работы стали статьи: «Проблемы реконструкции госаппарата на пороге второй пятилетки» (1932) [5], «О рационализации государственного аппарата» (1934) [6], «О перестройке центрального аппарата» (1935) [7] и ряд других. Уместно заметить, что его работа «Реконструкция госаппарата» [8], опубликованная в 1932 г., фактически являлась самостоятельным монографическим исследованием. В своих первых научных трудах Семён Севастьянович предпринимает попытку показать сущность и назначение аппарата управления, без которого демократическое государство функционировать не может, исследует его задачи и функции.

В 1930-е гг. деятельность научных учреждений страны, в том числе Института, подвергается резкой критике. Высказывалось мнение, что сотрудники Института проповедуют вредоносные теории отмирания права и государства, «выветривания» права и т.д. [9, с. 65]. В июле 1938 г. по инициативе директора Института академика А.Я. Вышинского Институт созвал Всесоюзную конференцию, посвященную вопросам науки советского права и государства. Цель – обсуждение вопроса о существовании социалистического права и необходимости разработки отраслевых теорий юридических наук – уголовного, гражданского, административного, финансового, международного права. Основной докладчик – А.Я. Вышинский – подчеркнул роль административного права, его силу и исключительное положение в решении вопросов управления в деле социалистического строительства, поставил задачу научно проработать основы административного права [9, с. 65–67]. Докладчик сформулировал понятие предмета административного права, тесно связав его с вопросами государственного управления. Научный сотрудник С.С. Студеникин стал аспирантом А.Я. Вышинского и получил задание разработать научные основы советского административного права.

Работа в данном направлении шла сложно: имелся определенный недостаток научной литературы, отсутствовали труды теоретиков права, философов права, государствоведов, на научные разработки накладывался отпечаток бытующей идеологии. Однако справедливости ради нужно сказать, что она не была начата с нуля. Несмотря на упомянутый дефицит научных трудов, отдельные работы выходили. В памятной

статье, вышедшей после смерти ученого, его коллега Ц.А. Ямпольская написала: «…в области науки административного права был ряд трудов, написанных… А.И. Елистратовым, В.Л. Кобалевским, А.Ф. Ефтихиевым и др. Но едва ли это могло облегчить задачу. Все написанное нужно было пересмотреть с марксистско-ленинских позиций и можно было использовать лишь частично, да и то с большими оговорками» [10]. Требовались существенные усилия, для того чтобы серьезно переработать данные труды и использовать их применительно к основам науки советского права.

Научные основы (принципы) советского административного права в трудах С.С. Студеникина

Вне всяких сомнений, верным было то, что решение поставленной задачи С.С. Студеникин начал с принципов – основных начал советского административного права. Научно доказано, что принципы не только задают нужный вектор развитию отношений, определяют их начало, но и устанавливают некие рамки, за которые эти отношения не должны выходить. Система принципов, разработанная молодым ученым, была согласована и соотнесена с системой принципов государственного управления.

На страницах первого учебника С.С. Студеникина (1945) система принципов включала всего четыре принципа: демократический централизм, социалистическая законность, социалистическое планирование, участие трудящихся в государственном управлении [11]. В учебник 1949 г. он включил в эту систему еще один принцип – равноправия национальностей во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни, а принцип участия трудящихся в государственном управлении поставил на первое место.

Ученый поставил на первое место принцип демократического централизма, поскольку централизация тесно связана с «сосредоточением всей государственной власти в центральных органах». Централизация присуща любому государственному строю. Лишь местное самоуправление формально находится вне централизованного управления, поскольку осуществляется населением через своих представителей» [Там же, с. 20–21]. Несомненным достоинством этой работы С.С. Студеникина было то, что в ней он показал тесную взаимосвязь и взаимозависимость каждого принципа. Централизм, по его мнению, сочетается с широчайшим демократизмом, «максимальным развитием местной инициативы и творческой самодеятельности трудящихся масс», вызывая и пробуждая местные массы на инициативу [Там же, с. 21–23]. Централизация основана на планировании, опера-

тивном решении вопросов и помощи местным органам. Централизм предполагает: 1) систематический контроль над всеми звеньями; 2) подчиненность нижестоящих органов вышестоящим; 3) твердое соблюдение дисциплины; 4) вовлечение трудящихся в управление государством; 5) оперативность руководства [Там же, с. 23].

Вторым принципом был назван принцип законности. Разрабатывая и обосновывая данный принцип, С.С. Студеникин исходил из положения о том, что деятельность любых органов государственного управления подзаконна и подконтрольна. Он выделил характеристики указанного принципа, одновременно показав, в чем и как проявляет себя законность в практической жизни. Законность: 1) есть безусловная обязательность, 2) создает гарантии защиты законных прав и интересов граждан, 3) реальна, 4) означает равенство всех перед законом (и граждан, и органов, и должностных лиц) [11, с. 25–29].

Семён Севастьянович совершенно четко, без двусмысленности определил цель законности – «охрана и защита интересов трудящихся». И вот что в этом ключе представляет интерес. Ученый предпринял попытку оправдать сложившуюся политику преследований и репрессий. Со ссылкой на А.Я. Вышинского он пишет: «Чрезвычайные меры против врагов советского государства преследуют ту же цель, и потому грубым извращением является самое противопоставление чрезвычайных мер мерам законности» [12, с. 22]. Чрезвычайные меры «имеют своим источником закон и потому являются вполне законными» [Там же].

Принцип планирования был назван неотъемлемым принципом начал централизации в государственном управлении. Он был заложен в Конституции СССР 1936 г. Планирование осуществлялось «в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» (ст. 11) [13].

Планирование в государственном масштабе предполагало издание нормативного акта – плана-директивы, имеющего обязательную силу, и означало принятие ответственности за его исполнение. Государственное планирование выстраивалось в соответствии с утвержденной Конституцией единой системой плановых органов, включая центральный орган – Госплан СССР, госпланы союзных и автономных республик и прочие по иерархии.

Планирование предполагало соблюдение строжайшей дисциплины, исполнительности, подконтрольности, не допускало самовольного изменения планов. Важнейшими инструментами планового хозяйства были учет и статистика. Нарушение плановой дисциплины влекло уго-

ловную или дисциплинарную ответственность. Вопросам ответственности государственных служащих несколько позже С.С. Студеникин уделит особое внимание.

Следующий принцип – участия трудящихся в государственном управлении. Суть его в 1945 г. ученый раскрыл через вовлечение трудящихся в общественные организации и деятельность профсоюзов, а в учебнике 1949 г. он поставил этот принцип во главу всей системы принципов. Со ссылкой на труды В.И. Ленина он написал: «…гигантская задача построения нового типа общественного строя может быть реализована только силами трудящихся» [14, с. 42; 15, с. 457]. «Государственное управление в СССР осуществляется трудящимися в интересах трудящихся, – отмечает С.С. Студеникин. – Оно тесным образом связано со сплочением трудящихся, развитием сотрудничества, инициативы, вовлечением трудящихся в государственное управление и проч.». [14, с. 4].

Принцип равноправия национальностей Семён Севастьянович соотносил с подлинной демократией. Одно без другого, по его мнению, не могло существовать и находит свое выражение: 1) во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни; 2) в деятельности местных советов, иных местных исполнительных органов. Принцип не зависит от пола и расы. Расовая дискриминация, проповедь национальной исключительности караются законом в силу Конституции [13, ст. 123]. Местные исполнительные органы формируются из жителей коренного населения и ведут работу на родном языке, знают быт, нравы, обычаи, язык местного населения.

В архиве Российской академии наук хранятся документы, свидетельствующие о том, что С.С. Студеникин трижды выходил на защиту кандидатской диссертации [16]. Каждый раз его идеи не были поддержаны его руководителем, но упорство и настойчивость привели к должному результату, и в диссертационном совете Института он защитил кандидатскую диссертацию «Основные принципы советского административного права». В академической среде диссертация была признана настоящим прорывом в науке советского административного права.

Административно-правовая норма. Источники и система советского административного права

Следующей важной задачей для С.С. Студеникина стало создание учения об административно-правовой норме. И эта идея легла в основу темы докторской диссертации «Советская административно-правовая норма и ее применение» [17], которую он защитил

в 1949 г. Вызывает восхищение фундаментальность этой работы, состоящей из 11 глав!

Прежде всего ученый сделал однозначный, без возможности иного толкования вывод: советская административно-правовая норма – самостоятельное правовое образование. Ее существование не основывается и не вытекает из нормы полицейского права и нормы буржуазного административного права, поскольку цель, суть и направленность у них совершенно разные. «Советская административно-правовая норма, – пишет он, – выступает в роли одного из средств колоссальной преобразовательной деятельности социалистического государства…» и имеет свойство «не только закреплять уже сложившиеся отношения», но и «толкать, вызывать, способствовать к зарождению тех взаимоотношений, к которым законодатель сознательно стремится» [17, с. 16].

С.С. Студеникин доказывает тезис о том, что административно-правовая норма берет свое начало в принципах государственного управления и самым непосредственным образом связана с теми правовыми отношениями, которые регулируются нормами административного права. Ученый очерчивает круг таких отношений. Это прежде всего те общественные отношения, которые возникают в процессе исполнительно-распорядительной деятельности органов государства. Они определяют компетенцию (круг обязанностей, полномочий, ответственность), функции государственных органов; закрепляют права и обязанности граждан по отношению к исполнительно-распорядительной деятельности (права граждан на защиту их законных прав и интересов, на обжалование незаконных действий должностных лиц, нормы об ответственности в связи с несоблюдением законных требований и обязанностей и проч.); регулируют формы и методы исполнительно-распорядительной деятельности государственных органов в различных областях и сферах общественной жизни.

Не беря на себя смелость исказить суть изложенного в диссертации С.С. Студеникина, позволим себе привести несколько тезисов, отражающих ход размышлений и выводы ученого.

Выделяя признаки административно-правовой нормы, он пишет, что эта норма и ее применение – «продукт взаимодействия многих различных социальных факторов, процессов, событий, явлений, но решающим и определяющим является, в конечном счете, экономический базис». «…Нет и не может быть административно-правовой нормы без выражения в ней государственной воли». Административно-правовая норма имеет непосредственное и материальное содержание. Первое есть выражение воли народа. Второе – материальные условия, обуслав-

ливающие содержание народной воли. Содержание административно-правовой нормы определяется ее формой. Формой является закон, указ, правительственный акт и проч. При этом содержание порождает и предопределяет форму, хотя и имеет некоторую самостоятельность. Непосредственное содержание правовых норм выступает в качестве одного из средств осуществления государственной политики и направлено на изменение общественной жизни, улучшение материальных условий существования народа и т.д. [17, с. 3–4]. Сфера применения административно-правовых норм – непосредственная «исполнительно-распорядительная деятельность государства или, что одно и то же, советское государственное управление» [Там же, с. 4].

С.С. Студеникин дает характеристику административно-правовой нормы: 1) это есть результат волеизъявления народа через представительные органы; 2) «…отражает реальные общественные отношения (материальные и идеологические)»; 3) выступает как «опосредствованное бытие в общественном сознании»; 4) она есть целесообразное решение; 5) порождает обязанность «совершать определенные, а не любые действия» [Там же, с. 8–9].

Изучив особенности и области действия административно-правовых норм, С.С. Студеникин составил их классификацию по следующим признакам: 1) по юридической силе нормы; 2) по содержанию и предмету регулирования); 3) по общности; 4) по характеру закрепляемых правил (требований, предписаний); 5) по форме выражения; 6) по степени определенности правил (требований, предписаний); 7) по объекту (на кого направлены, т.е. по лицам); 8) по действию в пространстве; 9) по действию во времени [17, с. 17].

Данная классификация позволила ученому сделать еще один важный вывод: предмет регулирования является основным признаком системы административного права. Классифицируя административно-правовые нормы по признаку предмета, мы получим систему административного права. «Система административного права есть единство всех его отдельных частей» [Там же, с. 18].

Считая себя не только коллегой, но и ученицей С.С. Студеникина, профессор Ц.А. Ямпольская отмечала: «Семён Севастьянович был в первых рядах тех, кто воссоздавал науку административного права. В Институте раскрылся его талант – глубокое понимание стоящих задач, умение мобилизовать весь арсенал знаний…, умение не только анализировать, но и синтезировать в науке» [10, с. 47]. Оценивая результаты его научной деятельности, она подчеркнула: «…того, что сделал Семён Севастьянович за 25 лет своей научно-педагогической работы, достаточно, чтобы его имя прочно вошло в историю юридической науки <…> …

он был одним из немногих ученых, наверное даже первым среди них, кто закладывал основы… науки административного права [Там же].

В заключение хочется сказать о том, что труды Семёна Севастьяновича Студеникина актуальны, высоко цитируемы. Не скрою, часто, чтобы разобраться в переплетениях идей и выводов авторов-современников приходится обращаться к первоисточникам, в том числе к работам С.С. Студеникина, логике его размышлений и цепочке аргументов. Его труды нередко становятся основой построения современных концепций и представлений об административно-правовом отношении [18], предмете и системе административного права [19] и др. Его имя прочно вписано в историю создания науки административного права.

Список литературы:

1. Коркунов, Н.М. История философии права / Н.М. Коркунов. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. – Т. 6. – 431 с.
2. Студеникин, С.С. Депутатские группы на предприятиях / С.С. Студеникин // Советское строительство. – 1932. – № 6. – С. 36–44.
3. Студеникин, С.С. Советский федерализм и демократический централизм / С.С. Студеникин // Советское государство. – 1934. – № 1. – С. 76–98.
4. Студеникин, С.С. Добровольные общества и вовлечение масс в управление государством / С.С. Студеникин ; под ред. А. Алымова. – М. : Власть советов, 1932. – 30 с.
5. Студеникин, С.С. Проблемы реконструкции госаппарата на пороге второй пятилетки / С.С. Студеникин // Советское государство. – 1932. – № 9–10.
6. Студеникин, С.С. О рационализации государственного аппарата / С.С. Студеникин // Вопросы советского строительства : сб. ст. / под ред. А. Алымова, Н. Челяпова. – М.; Л. : Власть советов, 1934. – С. 37–46.
7. Студеникин, С.С. О перестройке центрального аппарата / С.С. Студеникин // Советское строительство. – 1935. – № 12. – С. 89–99.
8. Алымов, А.А. Реконструкция госаппарата / А.А. Алымов, С.С. Студеникин // 15 лет советского строительства: сб. ст. к XV годовщине Октябрьской революции / под ред. Е.Б. Пашуканиса. – М. : Совет. законодательство, 1932. – С. 209–288.
9. Вышинский, А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права : доклад / А.Я. Вышинский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 192 с.
10. Ямпольская, Ц.А. Семен Севастьянович Студеникин (1905–1957) / Ц.А. Ямпольская // Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 47–51.
11. Студеникин, С.С. Советское административное право : учебник / С.С. Студеникин. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945.
12. Вышинский, А.Я. // Советское государство. – 1939. – № 6.
13. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР

от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283. – 6 дек. – Документ утратил силу. – Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

14. Студеникин, С.С. Советское административное право : учебник / С.С. Студеникин. – М. : Юрид. лит., 1949. – 311 с.

15. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958–1965. – Т. XXII. – 730 с.

16. ИСА РАН (Информационная система «Архивы Российской академии наук»). Архивная страница Института государства и права Академии наук СССР. – Ф. 1934–1940.

17. Студеникин, С.С. Советская административно-правовая норма и ее применение : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / С.С. Студеникин. – М. : РИО ВЮА, 1949. – 47 с.

18. Кобзарь-Фролова, М.Н. Административное правоотношение: понятие, эволюция взглядов / М.Н. Кобзарь-Фролова // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 90–102.

19. Система административного права : сб. ст. по матер. кр. ст. (12 октября 2022 г.) / кол. авторов; под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой; отв. ред. Н.Г. Андрианова. – М. : РУСАЙНС, 2023. – 246 с.

А.А. Гришковец,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук

A.A. Grishkovets,
Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
grishkovecz65@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-101-115

ПРОБЛЕМА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ) (ЧАСТЬ I)

Аннотация: *в статье рассматривается проблема презумпции невиновности в производстве по делам об административных правонарушениях. Раскрыто содержание презумпции невиновности, которая признается государством и является фундаментальным принципом административной ответственности. На примере административно-юрисдикционной деятельности полиции проанализированы выявляемые практикой, в том числе личным опытом автора статьи, противоречащие закону случаи отступления от презумпции невиновности, которым дается оценка с позиций науки административного права. Отступления нарушают права и свободы личности, являются основанием для привлечения виновных сотрудников полиции к дисциплинарной ответственности. У гражданина возникает законное право требовать от полиции принесения извинений. Сделан вывод о необходимости привлечь внимание МВД России к проблеме отступлений от презумпции невиновности в административно-юрисдикционной деятельности полиции.*

Ключевые слова: *презумпция невиновности, отступления от презумпции невиновности, принцип in dubio pro reo, административная ответственность, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, производство по делам об административных правонарушениях, постановление по делу об административном правонарушении, полиция, сотрудники полиции, административно-юрисдикционная деятельность полиции.*

THE PROBLEM OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN RESOLVING CASES ON ADMINISTRATIVE OFFENCES (ON THE EXAMPLE OF ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL ACTIVITIES OF THE POLICE) (PART I)

Abstract: *the article discusses the problem of presumption of innocence in proceedings on administrative offences. The content of presumption of innocence recognized by the state as the fundamental principle of administrative responsibility is revealed. On the example of administrative and jurisdictional activities of the police, cases of derogation from*

the presumption of innocence have been examined by the established practice, including the personal experience of the author of the articles. These cases are evaluated from the point of view of the administrative law science. Derogations violate individual rights and freedoms, are grounds for bringing the guilty police officers to disciplinary action. A citizen has a legitimate right to demand apology from the police. It is concluded that it is necessary to draw attention of Ministry of Internal Affairs of Russia to the problem of derogations from the presumption of innocence in administrative and jurisdictional activities of the police.

Keywords: *presumption of innocence, derogation from the presumption of innocence, the "in dubio pro reo" principle, administrative responsibility, the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, proceedings on administrative offences, decision on the case of an administrative offence, police, police officers, administrative and jurisdictional activities of the police.*

Презумпция невиновности –
высшее завоевание справедливости

В правовом демократическом государстве принцип презумпции невиновности (от лат. presumption innocentiae) является основополагающим при рассмотрении вопроса о привлечении человека к юридической ответственности, прежде всего ответственности уголовной. Этот принцип был впервые провозглашен в 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина, которая, без преувеличения, явилась манифестом Великой Французской революции и, что важно подчеркнуть, поныне остается неотъемлемой частью правовых основ конституционного строя Пятой Французской республики. В ст. IX Декларации провозглашается: «Всякий человек предполагается невиновным до тех пор, пока он не объявлен виновным» [1, с. 28]. Правда, новейшей истории известны трагические случаи массового отступления от презумпции невиновности. Так, в годы Первой мировой войны власти Австро-Венгерской империи поместили в концентрационные лагеря Талергоф и Терезин тысячи галицких и буковинских русин, заподозренных в нелояльности и пророссийских настроениях. Под давлением общественности лагеря были распущены в 1917 г. Рескрипт от 7 мая 1917 г. императора Австро-Венгрии Карла I гласил: «Все арестованные русские невиновны, но были арестованы, чтобы не стать ими» [2, с. 73].

В СССР презумпция невиновности на конституционном уровне не закреплялась. Однако это не означало, что ею в советском государстве не руководствовались по крайней мере при осуществлении уголовного преследования, причем даже на пике могущества тоталитарного режима в начале 50-х гг. XX столетия. Смысл и значение презумпции невиновности состоит в требовании полной и несомнен-

ной доказанности твердо установленными фактами обвинения как основания для выводов предварительного следствия в обвинительном заключении и суда в обвинительном приговоре… Из презумпции невиновности вытекает также правило, согласно которому сомнение толкуется в пользу обвиняемого [3, с. 507]. В последнем случае речь, очевидно, идет об известном принципе права in dubio pro reo: обвиняемый имеет право на сомнение в его пользу. Как видно, статья о презумпции невиновности из «Юридического словаря», изданного в 1953 г., выглядит современно и вполне демократично. В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г. и КоАП РСФСР 1984 г. статья, посвященная презумпции невиновности, отсутствовала. Думается, такое положение дел было связано с тем, что в советском государстве на протяжении всего периода его существования права и свободы человека и гражданина не были безусловным приоритетом, поэтому их гарантии в подчеркнуто явном виде не провозглашались и должным образом не обеспечивались. Справедливости ради нужно отметить, что при этом в СССР были ратифицированы акты международного права, которые содержали нормы о презумпции невиновности. Речь идет о ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. В связи с этим хотелось бы обратиться к авторитетному мнению академика В.Н. Кудрявцева. Еще в начале 1980-х гг. он, раскрывая сущность презумпции невиновности, провидчески отмечал возможность ее распространения на все виды применения взысканий за правонарушения в административном порядке [4, с. 250].

Ситуация кардинально изменилась после принятия Конституции РФ 1993 г., в ч. 1 ст. 49 которой недвусмысленно провозглашается презумпция невиновности, правда только применительно к обвиняемым в совершении преступлений, т.е. при привлечении к уголовной ответственности. Распространение этих положений, относящихся к обвиняемым в совершении преступлений, на статус привлекаемого к административной ответственности, что подчеркивал во вступительной статье к комментарию к КоАП РФ профессор Ю.М. Козлов, свидетельствует о дальнейшем внедрении демократических общеправовых принципов, в том числе и международных, в процесс применения административной ответственности, что полностью соответствует современным тенденциям развития российского общества и государства [5, с. 110]. Ученый оценивал включение статьи о презумпции невиновности в КоАП РФ не иначе, как «значитель-

ный прогресс в правовом регулировании общественных отношений в сфере применения административной ответственности» [5, с. 110]. Общеизвестно тяготение друг к другу уголовной и административной ответственности, наличие немалого количества смежных составов преступлений и административных правонарушений. Кроме того, общие черты имеют все элементы составов административного правонарушения и преступления, а также процедура привлечения к административной и уголовной ответственности [6, с. 10]. Однако даже после закрепления соответствующей конституционной нормы КоАП РСФСР 1984 г. продолжал действовать без специальной статьи, посвященной презумпции невиновности. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что включение в КоАП РФ 2001 г. отдельной статьи (ст. 1.5), посвященной презумпции невиновности, было обусловлено ратификацией Российской Федерацией *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* (Рим, 4 ноября 1950 г.), в ч. 2 ст. 6 которой провозглашается: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком». Напомним, Конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, вступила в законную силу на территории нашей страны с 5 мая 1998 г. и действовала до 15 марта 2022 г. включительно. Закономерным следствием стало закрепление в ст. 1.5 КоАП РФ 2001 г. презумпции невиновности. Положения данной статьи пронизаны идеей гуманности, законности и справедливости, наполняют принцип презумпции невиновности конкретными требованиями, обязательными для реализации всеми, кто участвует в административном процессе [7, с. 14], причем не просто в административном, а в административно-юрисдикционном процессе.

Презумпция невиновности как принцип и его значение. В современной юридической науке, полагает Н.Н. Цуканов, доминирующим является мнение о тождественности категорий «презумпция невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении» и «принцип презумпции невиновности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении». В интерпретации автора первая из них представляет конкретную правовую норму (ч. 2 ст. 1.5 КоАП) с типичными для любой правовой презумпции юридическими свойствами; вторая – категория собирательноя, аккумулирующая в себе совокупность правил, важнейшие из которых: 1) лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административ-

ного правонарушения устанавливаеся судьей, органом, должностным лицом, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях; 2) неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица [8, с. 9]. Как видно, Н.Н. Цуканов не отождествляет эти категории. По мнению автора настоящей статьи, подобный подход представляется надуманным. В пользу такой оценки свидетельствует само название гл. 1 «Задачи и принципы законодателтства об административных правнарушениях» КоАП РФ, в которую включена ст. 1.5. Хотя в ее названии фигурируют «принципы» (а значит, их несколько), но только в одной статье – ст. 1.4 КоАП РФ – прямо говорится о равенстве перед законом как о принципе законодательства об административных правонарушениях. С полным основанием то же можно сказать и о презумпции невиновности, которая является основополагающим принципом [от лат. principium – основа, начало] этого законодательства.

Презумпция невиновности, по мнению Н.В. Макарейко, имеет как материально-правовое, так и процессуально-правовое значение. Материально-правовое значение заключается в том, что субъект, в отношении которого возбуждено производство по делу об административном правонарушении, не является правонарушителем до тех пор, пока его вина не будет доказана в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении и изложена в постановлении по делу об административном правонарушении, вступившем в законную силу. Процессуальное значение презумпции невиновности получает свое выражение в том, что презюмируемый факт (невиновность привлекаемого к административной ответственности) не требует доказывания в ходе производства по делу об административном правонарушении [9, с. 347, 348]. Думается, выделять отдельно материально-правовое и процессуально-правовое значение презумпции невиновности вряд ли объективно необходимо. Презумпция невиновности как основополагающий принцип административной ответственности в своем значении едина. Хотя, конечно, учитывая, если так можно выразиться, «генетическую» близость административной и уголовной ответственности, есть основания полагать, что презумпция невиновности тяготеет к административно-юрисдикционному процессу. Как известно, презумпции невиновности посвящена ст. 14 УПК РФ, тогда как в УК РФ она не упоминается.

Содержание презумпции невиновности. Законодатель не ограничился декларацией презумпции невиновности. В ст. 1.5 КоАП РФ достаточно подробно раскрывается ее содержание, что, очевидно,

облегчает возможность использования нормы правоприменителем. Исходя из содержания ст. 1.5 КоАП РФ, презумпция невиновности является категорией комплексной, состоящей из нескольких элементов. Они раскрываются в каждой из четырех частей ст. 1.5 КоАП РФ. Во-первых, лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. Во-вторых, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном КоАП РФ, и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. В-третьих, лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к ст. 1.5 КоАП РФ. В-четвертых, неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица (известный принцип in dubio pro reo). Весомую лепту в дело безусловного утверждения презумпции невиновности при применении судами КоАП РФ внес Верховный Суд РФ. В п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъясняется: при рассмотрении дел об административных правонарушениях, а также по жалобам на постановления или решения по делам об административных правонарушениях судья должен исходить из закрепленнного в ст. 1.5 КоАП РФ *принципа адмнистративной ответственности* – презумпции невиновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу. Реализация этого принципа заключается в том, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица». Разъяснения даны вполне правильно и каких-либо сомнений не вызывают. В литературе также отмечается, что право оставаться невиновным имеет несколько аспектов и последствий – как относительных, так и абсолютных. Наиболее очевидным и известным выражением этого права является принцип in dubio pro reo: обвиняемый имеет право на сомнение в его пользу. Это означает, что бремя доказывания несет главным образом

обвинение и что даже если сам суд обязан расследовать факты, что имеет место в некоторых системах, любые сомнения относительно доказательств должны толковаться в пользу защиты [10, с. 234].

Однако практика показывает, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, должно надеяться прежде всего на себя, на то, что оно сможет именно доказать свою невиновность, а не уповать на то, что суд, должностное лицо или орган, рассматривающий дело об административном правонарушении, будет безоговорочно руководствоваться презумпцией невиновности. Скорее наоборот, они будут исходить из того, что раз полицией составлен протокол по делу об административном правонарушении, то, видимо, на то были веские основания и, вероятнее всего, лицо действительно виновно, а потому должно быть привлечено к административной ответственности и понести административное наказание. При таком положении дел лицо, привлекаемое к административной ответственности, должно занимать самую что ни на есть активную позицию, доказывая (да, именно доказывая) свою невиновность. Прежде всего лицо и его защитник (адвокат) должны очень внимательно и досканально изучить материалы дела об административном правонарушении, выявить все имеющиеся неточности, несоответствия и упущения, которые можно обратить в пользу обвиняемого. Их следует обобщить в отдельном документе и подать ходатайство о приобщении его к материалам дела. Таким образом, у судьи появится возможность составить общую картину дела, что в определенной мере избавит его от необходимости проделывать эту работу самостоятельно.

Практика показывает, что должностные лица органов административной юрисдикции и судьи, рассматривающие дело об административном правонарушении, знакомятся с его материалами достаточно поверхностно и обычно имеют о существе дела самое общее представление. Удивляться этому не приходится. Судьи в районном суде, тем более в вышестоящем, например в суде субъекта РФ, иной раз рассматривают десятки дел об администртивных правонарушениях в день. Причем на одно и то же время может быть назначено сразу несколько совсем разных по составам дел об административных правонарушениях. Так, в 2024 г. во время рассмотрения в Московском областном суде жалобы автора настоящей статьи по делу об административном правонарушении, которую, кстати сказать, суд удовлетворил, немалое удивление вызвал тот факт, что на одно время было назначено рассмотрение… ни много ни мало, а 24 дел об административном правонарушении! Поэтому, не ставя под сомнение презумпцию невиновности, все же нужно признать, что для достижения необходимого результата, а имен-

но отмены постановления о наложении административного наказания и прекращения производства по соответствующему делу об административном правонарушении, лицу, привлекаемому к административной ответственности, следует активно доказывать свою невиновность. Не стоит опрометчиво надеяться на то, что в любом случае в суде объективно разберутся и примут законное и справедливое решение.

В соответствии с ч. 3 ст. 1.5. КоАП РФ неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, трактуются в пользу этого лица, поэтому такие сомнения необходимо как минимум сначала заронить, а затем, в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении, упрочить и, наконец, сделать так, чтобы судья окончательно утвердился в своем внутреннем убеждении об отсутствии достаточных оснований для признания лица виновным в совершении административного правонарушения и в необходимости прекратить в отношении него производство по делу.

Значимость внутреннего убеждения в контексте презумпции признается не всеми. Реализацию в полном объеме в нашей стране роли презумпции невиновности, на взгляд И.В. Волковой, следует начать с исполнения судебными органами своих обязанностей, связанных с проведением судебного следствия на должном уровне, – не основываться на субъективной оценке, быть действительно, а не формально независимым и беспристрастным в оценке доказательств. Для этого указанный автор считает необходимым внести изменения в ст. 26.11 КоАП РФ, а именно исключить из нее словосочетание «по своему внутреннему убеждению» [11, с. 63]. Подобное предложение не выглядит убедительным и реалистичным. Как известно, ст. 26.11 КоАП РФ посвящена оценке доказательств, которая является завершающим этапом интеллектуальной напряженности работы судьи, коллегиального органа, должностного лица при вынесении постановления, определения или иного решения по делу об административном правонаушении [12, с. 76]. Оценка невозможна без участия человека, а каждый человек обладает уникальными характером, темпераментом, эмоциональностью, мировоззрением, которые налагают отпечаток на его личность. Поэтому субъективный фактор, который, по сути, и определяет внутреннее убеждение, не может не приниматься в рассчет при оценке доказательств, что, как представляется, вполне закономерно отражено в действующей редакции ст. 26.11 КоАП РФ.

Качество процессуальных документов и презумпция невиновности. Невысокий уровень знаний сотрудниками полиции норм КоАП РФ, их уверенность, часто небезосновательная, что составление процессуальных документов в ходе производства по делу об админи-

стративном правонарушении – не более чем простая и не слишком значимая формальность, а вероятность того, что они будут оспариваться в процессе дальнейшего обжалования, невелика, поскольку величина наложенного штрафа незначительна, приводят к низкому качеству процессуальных документов. Наконец, уверенность сотрудников полиции, опять же небезосновательная, в том, что их за некачественно подготовленные процессуальные документы к ответственности не привлекут и не накажут, опять же способствует тому, что эти документы нередко составляются небрежно и невнимательно, в результате чего в них оказываются существенные разночтения и упущения. Например, в протоколе по делу об административном правонарушении указано одно место работы свидетелей, а в опросе этих же свидетелей и в постановлении по делу, которым лицо признается виновным и которым наложено административное наказание, значится совсем другое место работы. Объяснения нескольких свидетелей пишутся «как под копирку», т.е. в разных документах они абсолютно идентичны, что вызывает вопрос о том, действительно ли эти объяснения были получены от очевидцев события в ходе их реального опроса, а не были ими просто подписаны по договоренности с сотрудником полиции, что называется «задним числом». И напротив, свидетельские показания, описывающие одни и те же обстоятельства дела, могут содержательно заметно различаться в разных процессуальных и иных документах, имеющихся в материалах дела об адмнистративном правонарушении.

Иной раз процессуальные документы, которые в ходе производства по делу составляет сотрудник полиции, оказываются не той формы, которую предусматривает КоАП РФ, а значит, в силу ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ, не могут рассматриваться как допустимые доказательства, т.к. получены с нарушением закона. Например, ч. 3 ст. 27.12.1 КоАП РФ предусматривает, что о направлении лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения составляется протокол, тогда как сотрудник полиции вместо него выписывает лишь некое «направление на медицинское освидетельствование», которое, исходя из норм КоАП РФ, даже не является процессуальным документом. Тем не менее, на основнии него медицинское учреждение проводит освидетельствование. При таком положении дел ни медицинское освидетельствование, проведенное на основе подобного направления, ни подготовленный в его результате акт освидетельствования, очевидно, не могут и, главное, не должны признаваться законными, а как доказательства – допустимыми. Важное значение для улучшения административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел, как писал А.И. Каплунов, имеет повышение качества профессиональной подготовки будущих сотрудников органов

внутренних дел, обучающихся в высших и средних специальных образовательных учреждениях системы МВД России, которым по долгу службы придется в том или ином качестве участвовать в производстве по делам об административных правонарушениях [13, с. 52]. С тех пор минуло уже более двух десятилетий. В результате реформирования системы МВД России модернизировалось законодательство. Вместо милиции теперь в России полиция, личный состав которой за прошедшие годы естественным образом обновился. Однако приходится признавать, что проблема качества профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (полиции) по-прежнему остается остро актуальной.

Презумпция невиновности безоговорочно признается государством. Сущность презумпции невиновности заключается в том, что правовой статус лица, привлекаемого к административной ответственности, как невиновного субъекта, несмотря на подозрения или обвинения его в совершении административного правонарушения, безоговорочно признается государством. Однако на практике достаточно распространенным явлением выступает фактическое отступление от такого понимания презумпции невиновности. В чем это проявляется? Так, если перед судьей стоит дилемма, на каком основании прекратить производство по делу об административном правонарушении (а таких оснований в ходе рассмотрения дела и исходя из его обстоятельств может возникнуть одновременно несколько, например отсутствие состава административного правонарушения, истечение срока давности привлечения к административной ответственности (ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), недоказанность обстоятельств, на основании которых было вынесено постановление по делу об административном правонарушении (п. 3 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ)), то он, как представляется, должен выбрать то, которое в наибольшей степени соответствовало бы презумпции невиновности и не оставляло бы ни малейших сомнений в невиновности лица, в отношении которого было прекращено производство по делу об административном правонарушении. В противном случае появились бы основания полагать, что судья, прекращая дело и руководствуясь при этом нормой закона, тем не менее сам убежден в обратном, т.е. в виновности лица. Еще Чезаре Беккариа (1738–1794) в знаменитом и во многом опередившем время трактате «О преступлениях и наказаниях» отмечал склонность судьи всюду видеть виновных [14, с. 253]. Поэтому судья, выбирая основание прекращения производства по делу об административном правонарушении, должен не только руководствоваться внутренним убеждением и усмотрением, но и учитывать доводы жалобы, то есть то, как сам человек, ее подавший, оценивает

обстоятельства дела и по какому основанию просит отменить постановление и прекратить производство по делу об административном правонарушении. На практике судьи если и предпочитают прекращать производство по делу об административном правонарушении, когда законное основание для этого имеется, то не иначе, как в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Такое основание является наиболее простым и очевидным, не требующим особых пояснений в судебном решении. В отличие от УПК РФ, который делит основания прекращения уголовного дела на реабилитирующие и нереабилитирующие со всеми вытекающими последствиями, КоАП РФ такого деления применительно к основаниям прекращения производства по делу об административном правонарушении не предусматривает. Однако на практике положение иное. В ответах на обращения граждан должностные лица органов внутренних дел, не принимая в расчет данное обстоятельство, видимо, по аналогии с УПК РФ, с уверенностью пишут, что прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности является нереабилитирующим обстоятельством, а потому полиция не находит оснований для принесения гражданину извинений, как это предусматривают ч. 3 ст. 9 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и изданный в развитие данной нормы закона приказ МВД России от 15 августа 2012 г. № 795 «О порядке принесения извинений гражданину, права и свободы которого были нарушены сотрудником полиции». Ответ с такого рода отказом имеется в личном архиве автора статьи[1] и в настоящее время оспаривается. Этим, как представляется, не слишком компетентным сотрудникам полиции, которые, видимо, слабо знают закон, а именно КоАП РФ, что вызывает не только глубокое сожаление, но и немалые опасения в плане потенциальной угрозы нарушения прав граждан, хотелось бы даже не напомнить, а скорее просто довести до их сведения позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную в постановлении от 16 июня 2009 г. № 9-П. В п. 6 постановления говорится: «Поскольку административные правонарушения, которые в отличие от преступлений, влекущих уголовную ответственность, представляют собой меньшую общественную опасность и, по общему правилу, влекут менее строгие меры административной ответственности, имеют для граждан не столь значительные негативные последствия, федеральный законодатель, реализуя свое полномочие по регулированию административной

[1] Письмо из УТ МВД России по ЦФО от 19 декабря 2024 г. № 3/247734662047. Документ имеется в личном архиве автора статьи.

ответственности и административной процедуры (статья 72 (пункт «к» части 1) Конституции Российской Федерации), вправе определять пределы целесообразности публичного преследования таким образом, чтобы обеспечить наряду с эффективной государственной, в том числе судебной, защитой прав граждан процессуальную экономию, оперативность при рассмотрении дел и профилактику правонарушений. Этим, в частности, обусловлено установление в КоАП РФ в качестве основания прекращения дела истечение сроков давности привлечения к административной ответственности (пункт 6 части 1 статьи 24.5). При этом в силу *презумпции невиновности* (статья 1.5 КоАП РФ) лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения сроков давности, считается невиновным, т.е. государство, отказываясь от преследования лица за административное правонарушение, не ставит более под сомнение его статус в качестве невиновного и, более того, признает, что не имеет оснований для опровержения его невиновности». Таким образом, исходя из правовой позиции Конституционного Суда РФ, прекращение дела об административном правонарушении в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5) не должно оставлять ни малейших сомнений в невиновности лица. Иное противоречило бы принципу презумпции невиновности.

Неправомерное отступление от презумпции невиновности состоит в том, что еще до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, которым на гражданина наложен административный штраф, этот штраф обычно в течение двух суток выставляется в личном кабинете гражданина на едином портале государственных услуг (ЕПГУ). Как видно, делается это до истечения десяти дней, которые даются на обжалование постановления и предусмотрены ч. 1 ст. 30.3 КоАП РФ. Такое положение дел, очевидно, не соответствует принципу презумпции невиновности. Выставлять штраф на Госуслугах допустимо только в день вступления постановления в законную силу. Однако МВД России не видит здесь никакой проблемы. В письме административно-правового управления договорно-правового департамента МВД России от 5 ноября 2024 г. № 3/247730111471[1] по этому поводу автору настоящей статьи сообщили: «Наличие на едином портале информации об административном штрафе не влечет за собой юридические последствия в порядке, предусмотренном КоАП, и не подтверждает виновность лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении». Однако наличие такой информации позволяет как минимум проверить факт

[1] Копия документа имеется в личном архиве автора статьи.

уплаты штрафа. В случае отсутствия соответствующей информации по истечении срока, установленного КоАП РФ для добровольной оплаты, второй экземпляр постановления о наложении штрафа направляется на принудительное исполнение в Федеральную службу судебных приставов. При этом возможна ситуация, когда постановление, не вступившее в законную силу, продолжает обжаловаться в судебном порядке, а потому в законную силу не вступает. Именно это произошло с автором настоящей статьи, когда постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное 27 января 2024 г., обжаловалось вплоть до 23 сентября 2024 г. и, так и не вступив в законную силу, было отменено судом. Наконец, МВД России, объясняя быстрое выставление штрафов на Госуслугах, апеллирует к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», в соответствии с ч. 5 ст. 21.3 которого государственные и муниципальные учреждения незамедлительно, не позднее дня осуществления начисления платежей, предусмотренных федеральными законами, а при начислении после 21 часа по местному времени – не позднее дня, следующего за днем начисления, обязаны направить информацию, необходимую для уплаты, в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах[1]. Вот только органы внутренних дел (полиция) не относятся к государственным и муниципальным учреждениям, а наложенный на гражданина административный штраф не является платой за предоставление государственной (муниципальной) услуги. В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полиция выступает составной частью единой централизованной системы федерального органа внутренних дел. Впервые на законодательном уровне решен вопрос об организационном единстве полиции и органов внутренних дел и тем самым подведена черта под многолетними дискуссиями о том, является ли милиция (полиция) органом исполнительной власти [14, с. 33]. Таким образом, органы внутренних дел (полиция) – федеральный орган исполнительной власти. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ административный штраф относится к видам административного наказания, а в ч. 1 ст. 3.5 прямо указано на то, что штраф является денежным взысканием, поэтому отождествлять административный штраф с платежами за предоставление государственных (муниципальных) услуг решительно недопустимо. Применительно к уплате штрафа должна безоговорочно соблюдаться презумпция невиновности.

[1] Письмо из Административно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России от 31 января 2025 г. № 3/257700112681. Документ имеется в личном архиве автора статьи.

Возможно, далеко не все согласятся с тем, что выставление на ЕПГУ административного штрафа до вступления постановления о его назначении в законную силу является отступлением от презумпции невиновности. Более того, могут сказать, что это во благо, т.к. лицо оперативно узнает о назначенном штрафе, а значит может воспользоваться льготой и уплатить его в меньшем размере – 75 % или 50 % от величины штрафа, предусмотренной санкцией соответствующей статьи КоАП РФ. Такая возможность установлена ч. 1.3–1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ. Причем льготная ставка действует, если штраф уплачен в срок не позднее 30 (ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ) или даже 20 (ч. 1.3-3 ст. 32.2 КоАП РФ) дней *со дня вынесения* постановления о наложении административного штрафа. В данных случаях законодатель установил исчисление оплаты штрафа по льготной ставке с даты вынесения постановления о его наложении, а не с даты вступления этого постановления в законную силу. Особенно актуально это для наиболее массовых административных правонарушений, которые фиксируются с помощью средств фото- и видеофиксации, поскольку нарушитель может не догадываться, что его таким способом привлекли к административной ответственности, а время на уплату административного штрафа по льготной ставке ограничено. В связи с этим применительно к тем составам административных правонарушений, по которым ст. 32.2 КоАП РФ предусматривает возможность уплаты штрафа по льготной ставке, выставление его на ЕПГУ до вступления в законную силу постановления о его наложении выглядит оправданно. По остальным составам, думается, такого сказать нельзя. По отношению к ним необходимо четко придерживаться презумпции невиновности и выставлять штраф на ЕПГУ только после вступления постановления в законную силу.

Рассмотрение проблемы презумпции невиновности в полицейском производстве по делам об административных правонарушениях продолжится в следующем номере журнала.

Список литературы:

1. Тексты конституций. Сборник первый / пер. прив. доц. Ф.Ф. Кокошкина. – Ч. 1. Издание М. и С. Сабашниковых. 1905. – 117 с.

2. Суляк, С. Талергоф и Терезин: забытый геноцид / С. Суляк // Русин. – 2008. – № 3–5. – С. 69–75.

3. Юридический словарь. – М. : Госюриздат, 1953. – 781 с.

4. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 287 с.

5. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Ю.М. Козлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2004. – 1116 с.

6. Васильев, Э.А. Административное правонарушение и преступление: общие черты и различия : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Э.А. Васильев. – М., 2007. – 22 с.

7. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н.Г. Салищевой. – 7-е изд. – М. : Проспект, 2011. – 1296 с.

8. Цуканов, Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в органах внутренних дел : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н.Н. Цуканов. – Челябинск, 2011. – 34 с.

9. Макарейко, Н.В. Проблемы презумпции невиновности в институте административной ответственности / Н.В. Макарейко // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 343–348.

10. Гомьен, Д. Европейская конвенция о правах человека и социальная хартия: право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак. – М. : Изд-во МНИМП, 1998. – 600 с.

11. Волкова, И.В. Предназначение принципа презумпции невиновности в разбирательстве по делам об административных правонарушениях в процессе досудебного и судебного производства / И.В. Волкова // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2021. – № 3. – С. 57–64.

12. Дугенец, А.С. Порядок применения штрафов и иных административных мер. Постатейные научно-практические комментарии к главам 24–32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : учеб. пособие / А.С. Дугенец, М.Я. Масленников. – М. : Форум : ИНФРА-М, 2012. – 336 с.

13. Каплунов, А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 60 с.

14. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. – 464 с.

С.А. Агамагомедова,
доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук

S.A. Agamagomedova,
Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
saniyat_aga@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-116-124

ИНСТИТУТ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАУКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Аннотация: *актуальность статьи обусловлена становлением доктринальных подходов к институту публичной власти и его влиянием на современное развитие административно-правовой науки. Целью статьи выступает анализ влияния института публичной власти на развитие науки административного права, ее понятий и институтов.*

Для достижения заявленной цели использовались методы системного анализа, синтеза, классификации, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

В качестве выводов предложено считать понятие публичной власти одновременно теоретико-правовой категорией и административно-правовым институтом. Выделено несколько тенденций развития науки административного права под воздействием института публичной власти, среди которых трансформация иных институтов и понятий административно-правовой науки; усиление цельности понимания государственного воздействия на общественные отношения, формирование новых направлений административно-правовых исследований, в том числе разработка вопросов места, роли, значения муниципальной власти в структуре публичной власти.

Ключевые слова: *публичная власть, наука административного права, государственная власть, исполнительная власть, муниципальная власть, публичный контроль, публичная служба, гражданское общество.*

THE INSTITUTION OF PUBLIC AUTHORITY AND ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF THE ADMINISTRATIVE LAW SCIENCE

Abstract: *the relevance of the article is due to the development of doctrinal approaches to the institution of public authority and its influence on the modern development of administrative law science. The purpose of the article is to analyze the influence of the institution of public authority on the development of the administrative law science, its concepts and institutions.*

To achieve the stated goal, the methods of system analysis, synthesis, classification, comparative legal and formal-legal methods were used.

As conclusions, it is proposed to refer to the concept of public authority as to both a theoretical and legal category and an institution of administrative law. Several trends in the development of the administrative law science under the influence of the institution of public authority are highlighted, including transformation of other institutions and

concepts of administrative law science; fostering the integrity of understanding the state's influence on public relations; formation of new directions of administrative law research. Among the latter is the path to explore the issues related to municipal authority such as its place, role, and significance in the structure of public authority.

Keywords: *public authority, administrative law science, state authority, executive authority, municipal power, public control, public service, civil society.*

Поправки к Конституции РФ 2020 г. оказали существенное воздействие на всю юридическую науку, но наиболее отчетливо отразились на развитии науки административного права. При этом особое место в подобном развитии принадлежит институту публичной власти, который может рассматриваться и в качестве публично-правового института, и в качестве базовой теоретико-правовой категории.

Несмотря на то, что понятие публичной власти (единая система публичной власти, организация публичной власти, осуществление публичной власти и др.) активно используется в тексте обновленной Конституции РФ [1], законодатель ни в Основном Законе страны, ни в иных нормативных правовых актах не раскрывает его содержания.

В то же время даже при отсутствии легального определения понятия публичной власти оно, безусловно, оказало и продолжает оказывать значимое влияние на развитие как всей административно-правовой науки, так и отдельных ее институтов и понятий.

Варианты научного понимания института публичной власти

В качестве существующих сегодня вариантов научного понимания института публичной власти, его места в структуре общества и государственного устройства можно выделить, на наш взгляд, следующие.

Во-первых, имеет место отраслевой критерий разграничения понимания рассматриваемого понятия. Представляется, что это одновременно конституционно-правовой, публично-правовой, административно-правовой или даже политико-юридический термин [2, с. 20].

Во-вторых, нельзя не признать наличие материальных и процессуальных аспектов в научном позиционировании публичной власти. Материальные аспекты могут отражаться на научных позициях, уравнивающих публичную власть и единую систему органов этой власти [3, с. 202]. Процессуальные аспекты рассматриваемого института имеют место при оценке процессуального или процедурного обеспечения деятельности органов публичной власти. Представляется, что не теряющая своей актуальности в последние десятилетия в административно-правовой науке тема административных процедур и их законодательного закрепления приобретает в контексте понятия

публичной власти обновленное звучание и одновременно специфику применительно к различным категориям органов, входящих в единую систему органов публичной власти.

В-третьих, для научного понимания публичной власти имеет значение критерий наполнения структурного содержания рассматриваемого понятия. Это позволяет выделить узкий подход к такому содержанию (например, публичная власть – только исполнительная власть) или широкий подход, в рамках которого раздвижение пределов публичной власти происходит за счет различных элементов (например, за счет общественной власти или посредством включения в нее обязательного учета судебных прецедентов [4]).

В-четвертых, содержательную структуру понятия публичной власти можно дифференцировать на направления в зависимости от формы и уровня реализации такой власти. Так, есть основания разграничить уровни государственной и муниципальной власти, в рамках государственной власти выделить уровень федеральной власти и власти субъектов, а в качестве способов реализации публичной власти обозначить непосредственную и представительную демократию. Обозначенную структуру можно еще более углубить, усложнить, что позволяет ведущим ученым использовать понятие «пирамида публичной власти», в котором учитываются различия в содержании, структурные и иные особенности разных ее видов. Такое единство, по их мнению, не противоречит концепции разделения ветвей власти, которое осуществляется на каждом уровне целостной публично-правовой власти того или иного публично-правового образования [5, с. 28].

Сложность внутренней структуры института публичной власти подчеркивает Ю. Н. Старилов, отмечая, что уровни, звенья, типы, модели публичной власти – тема многих дискуссий, в процессе которых формулировались и развивались идеи законодательного установления категории «публичная власть» [2, с. 24].

В-пятых, можно выделить подходы на основе цели (целеполагания) включения понятия публичной власти в конституционное и иное правовое регулирование. К ним целесообразно отнести достаточно распространенные подходы, в рамках которых институт публичной власти имеет объединяющую цель применительно к государственной и муниципальной власти. Ученые в этой связи говорят о цели подведения под объединяющее понятие «публичная власть» функционирования многообразия субъектов как государственной, так и негосударственной власти [2, с. 21].

Отдельной группой подходов следует считать подходы, базирующиеся, в противовес первой группе подходов, на разграничении института публичной власти от смежных институтов, на формировании и обосновании публичной власти как нового уровня власти [6]. С.А. Авакьян в этом контексте задается вопросом о том, может ли в обществе существовать отдельная форма публичной власти наряду с государственной властью [7].

На наш взгляд, отдельную методологическую группу образуют подходы, нацеленные на преодоление дисбаланса между государственной и муниципальной властью, сложившегося в последние годы [8].

Самостоятельным направлением научного позиционирования института публичной власти с точки зрения цели выступает исследование данного института в контексте оптимизации взаимодействия органов публичной власти с иными институтами (например, институтами гражданского общества). Исходя из этого, формирование и развитие института публичной власти воздействует на развитие конституционно-правовой концепции гражданского общества. В рамках данной группы подходов в качестве результатов конституционной модернизации ученые признают выделение и закрепление в Конституции РФ основных форм взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти [9]. Отметим, что в рамках последней группы подходов отдельные публично-правовые институты приобретают обновленный смысл. Так, имеет место мнение, согласно которому с конституционно-правовой точки зрения выборы – это правовая форма, опосредующая общественные связи между гражданским обществом и институтами публичной власти [10].

В-шестых, институт публичной власти может исследоваться с точки зрения условий и предпосылок возникновения (зарождения) власти как таковой. Обновленное понимание публичной власти позволяет осознать многослойность социального и юридического источников публичной власти на ее разных уровнях. При этом определяющим среди юридических источников является учет воли всего общества – народа, верховенства актов суверенного государства [5, с. 28]. Считаем возможным добавить к социальным и юридическим источникам исторические и аксиологические. Развивает подобные подходы, на наш взгляд, позиция, согласно которой публичная власть характеризуется как гарантируемая Конституцией РФ форма самоорганизации граждан [6].

Таким образом, вариантов научного понимания и правового обоснования публичной власти множество. Все они неразрывно связаны друг с другом, взаимообусловлены и отражают богатство содержа-

ния института публичной власти, многообразие его доктринальных трактовок.

Влияние института публичной власти на развитие науки административного права

С учетом того, что в структуре предмета науки административного права принято выделять три основных блока: систему норм административного права и общественных отношений, регулируемых ими, совокупность базовых категорий и практику [11], представляется, что среди трех этих составляющих институт публичной власти оказал наиболее значимое влияние на совокупность базовых теоретических категорий, не просто дополнив их, но и изменив содержание многих из них.

Можно выделить несколько тенденций развития науки административного права под воздействием появления относительно нового института публичной власти.

Во-первых, это появление активно используемой категории публичной власти, включающей в себя более традиционные, устоявшиеся в науке понятия, такие как государственная власть, исполнительная власть, муниципальная власть и др.

Во-вторых, институт и одновременно категория публичной власти оказывает воздействие на иные институты и понятия административно-правовой науки (публичная служба, публичный контроль, публичные финансы, публично-правовые обязательства, публичные платежи, публично-правовые доходы, публичный правопорядок и др.). Так, ученые констатируют потребность в развитии института единой публичной службы, обеспечивающей функционирование единой системы публичной власти [8], а также необходимость применения взаимного принципа ответственности уровней публичной власти в рамках реализации общегосударственных задач [12]. Причем использование отдельных таких понятий связано не только с объединительной его функцией (например, объединение государственного и муниципального контроля в рамках понятия публичного контроля), но и с расширением содержания этих понятий (например, за счет включения в публичный контроль контроля общественного) [13].

В-третьих, использование категории публичной власти усиливает цельность понимания государственного воздействия на общественные отношения, целостность структуры современного государственного аппарата.

В-четвертых, институт публичной власти определенным образом формирует новые направления публично-правовых исследований, связанных, в частности, с относительно новым пониманием критерия

публичности в юридической науке. Данное научное понимание может быть распространено на правовые статусы субъектов административного права (публичная администрация, органы публичной власти и др.), на их деятельность (административно-публичная деятельность и др.), на построение соотношения функций органов государственной власти и местного самоуправления в единой системе органов публичной власти.

Таким образом, категория и одновременно институт публичной власти оказал и продолжает оказывать воздействие на развитие административно-правовой науки, ее институтов. С одной стороны, рассматриваемый институт внес новую струю в уже устоявшиеся и обозначенные в науке направления исследований. Так, ученые признают, что конституционные поправки 2020 г. инициировали необходимость оптимизации баланса конституционно-правовых принципов как ценностных регуляторов общественных отношений, и применительно к институту местного самоуправления это стало частью продолжающейся дискуссии о путях его развития [12]. С другой стороны, следует признать появление относительно новых направлений правовых исследований, основанных на понятии и внутреннем содержании института публичной власти в современной юридической науке.

Новые направления развития административно-правовой науки под воздействием института публичной власти

Речь идет не о принципиально новых направлениях правовых исследований, а в большей степени о новых сторонах и аспектах традиционных направлений развития административно-правовой науки. В качестве одной из таких сторон можно выделить теоретические положения о публично-правовом сообществе, образующие, по мнению ученых, демократическую и организующую идею [5, с. 23].

С учетом того, что одним из основополагающих факторов, детерминирующих модернизацию Конституции РФ, считается рост гражданской активности российских граждан [9], отдельной ветвью относительно новых исследований можно признать исследования институтов гражданского общества, их характеристик в контексте взаимодействия с органами публичной власти, особенностей такого взаимодействия.

При характеристике изменений в тематике и направленности административно-правовых исследований под воздействием понятия публичной власти следует отметить тот факт, что при активном росте интереса к вопросам публичного управления [14, с. 467–468] одно из наиболее универсальных понятий – понятие государственного управления – остается без должного научного внимания. Ученые в связи с этим признают, что внесенные законодателем в Конституцию РФ

изменения, касающиеся организации и функционирования публичной власти, никак не затронули систему государственного управления, ее нормативное определение, понятийное дифференцирование, взаимодействие с исполнительной властью; не появился в тексте Конституции и термин «государственное управление» или «управление» с приданием ему конкретного значения [2, с. 21].

Приобретают особую значимость вопросы соотношения государственного и публичного управления, а также соотношения государственной, муниципальной и публичной власти как раз в условиях неясности их нормативно установленного соотношения, функционального взаимодействия и даже единства [2, с. 23]. В то же время ученые признают возможность создания современной концепции демократического единства публичной власти при дифференциации ее видов с учетом особой суверенной власти государства [5, с. 28].

Отдельным блоком рассматриваемых исследований выступает разработка вопросов о месте, роли и значении муниципальной власти в структуре публичной власти. И в этом случае мы можем говорить об определенном дуализме, при котором оптимально выстроенная и эффективная система публичной власти основана, с одной стороны, на организационной самостоятельности муниципальной власти, а с другой стороны, на вхождении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти как необходимого равноценного элемента всей конструкции, построенной на основе единых принципов [15, с. 269]. В данном случае важно принципиально отличать содержание конституционно закрепленного организационного обособления органов местного самоуправления от органов государственной власти и их функциональную разрозненность [16, с. 283]. Представляется, что новые векторы исследований муниципальной власти в системе публичной власти будут нацелены прежде всего на укрепление целостности, единства публичной власти, на обоснование органичности (логичной встроенности) в ней муниципальной власти.

Таким образом, институт публичной власти активно формирует новые и трансформирует традиционные направления публично-правовых, в первую очередь административно-правовых, исследований. Современное, соответствующее актуальным вызовам социальной обстановки теоретико-правовое обоснование публичной власти, ее «динамичное толкование» [2, с. 22] генерирует качественно новые и меняет прежние направления административно-правовых исследований. Под новым углом зрения рассматриваются традиционные административно-правовые институты, меняются формулы соотношения различных административно-правовых категорий и институтов,

создаются обновленные конструкции их взаимодействия на материальной и процессуальной основах, усложняется и углубляется понимание внутренней структуры и функционального содержания рассматриваемого института. Дальнейшее научное внимание к институту публичной власти, его прочное укоренение в системе науки административного права призвано прежде всего повысить эффективность функционирования данного института, обеспечить согласованное действие различных уровней публичной власти как единого целого во благо граждан [17]. Думается, что спектр научных исследований института публичной власти будет закономерно расширяться, а сами они станут более глубокими, что позволит науке административного права развиваться в направлении, способном противостоять внешним и внутренним вызовам современного мира.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.

2. Старилов, Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итог конституционной реформы / Ю. Н. Старилов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Право. – 2020. – № 1. – С. 20–31.

3. Кобзарь-Фролова, М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие / М. Н. Кобзарь-Фролова // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 192–203.

4. Вахрамеев, Е. Ю. Институт публичной власти в Конституции РФ и Основном законе ФРГ / Е. Ю. Вахрамеев // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 12. – С. 33–36.

5. Савенков, А. Н. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 г. / А. Н. Савенков, В. Е. Чиркин // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 18–29.

6. Черняева, В. А. Понятие и правовая природа публичной власти в России / В. А. Черняева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 4. – С. 13–16.

7. Авакьян, С. А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 5–11.

8. Михеева, Т. Н. Служба в органах местного самоуправления: современные тенденции и исторический опыт / Т. Н. Михеева // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2023. – № 2. – С. 2–5.

9. Никитина, Е.Е. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации / Е.Е. Никитина, Ж.А. Гаунова // Журнал российского права. – 2021. – № 10. – С. 5–19.

10. ARS IURIS : сб. науч. ст. к юбилею Г.А. Гаджиева / М.В. Антонов, В.С. Белых, С.В. Белых и др. ; под общ. ред. П.Д. Блохина, А.В. Ильина, Д.В. Тютина. – М. : Статут, 2023. – 264 с.

11. Агамагомедова, С.А. Предмет науки административного права: современная оценка / С.А. Агамагомедова // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 2. – С. 97–107.

12. Шахов, А.А. Осторожный разворот: Конституционный Суд РФ о месте местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти / А.А. Шахова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 3. – С. 29–33.

13. Агамагомедова, С.А. Публичный контроль и надзор в экономике: теоретико-правовое обоснование / С.А. Агамагомедова // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия : Юридические науки. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 421–438.

14. Россинский, Б.В. Развитие системы государственного управления: воспоминания и размышления административиста : монография / Б.В. Россинский. – М. : Норма, 2025. – 532 с.

15. Соколов, А.Ю. Обзор диссертационного исследования «Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты» / А.Ю. Соколов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 266–273.

16. Соколов, А.Ю. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы. Международная конференция, посвященная памяти профессора В.И. Радченко (Саратов, СГЮА, 25 ноября 2022 г.) / А.Ю. Соколов, А.В. Колесников // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 1. – С. 281–288.

17. Хабриева, Т.Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. – М. : Норма, ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

Л.Е. Калинина,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и таможенного права Российской таможенной академии

L.E. Kalinina,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor f the Department of Administrative and Customs Law of the Russian Customs Academy
klari2008@rambler.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-125-132

ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье автор анализирует проблемы восстановления в правовом регулировании планирования как функции административно-организационной деятельности органов публичной администрации. Цель исследования состоит в выявлении проблем в законодательстве и формулировании идеи трансформации законодательства, закрепляющего нормы о разработке актов планирования. Для проведения качественного исследования были применены методы: системного анализа, эмпирический, эвристический и аксиологический. Предлагается рассматривать планирование как функцию административно-организационной деятельности органов публичной администрации.*

Ключевые слова: *административная деятельность, административно-организационная деятельность, государственное управление, функции административной деятельности, планирование, стратегия.*

PLANNING AS A FUNCTION OF ADMINISTRATIVE AND ORGANIZATIONAL ACTIVITIES

Abstract: *in the article, the author analyzes the problems of restoration in the legal regulation of planning as a function of administrative and organizational activities of public administration bodies. The purpose of the study is to identify problems in legislation and formulate the idea of transforming legislation that establishes norms on the development of planning acts. System analysis, empirical, heuristic and axiological methods were used to conduct a qualitative research. It is proposed to consider planning as a function of administrative and organizational activities of public administration bodies.*

Keywords: *administrative activity, administrative and organizational activity, public administration, functions of administrative activity, planning, strategy.*

Развитие российского законодательства приводит к трансформации содержательного наполнения административного права. Традиционный подход к государственному управлению как предмету административного права сегодня не соответствует сформировавшейся за последние 30 лет правовой базе и развивается в сторону расширения отраслевого предмета. Конституционные основы российской государственности позволяют рассматривать предмет ад-

министративного права с точки зрения выполняемых государством функций, однако не все их можно отнести к государственному управлению. Кроме того, изменение субъектного состава, закрепление понятия органов публичной власти расширяют круг субъектов, выполняющих такие функции.

Государственное управление как явление выражается через деятельность соответствующих органов и организаций, наделенных соответствующей компетенцией, но современная деятельность не укладывается только в функции управленческого характера. Характер такой деятельности обусловлен закреплением в качестве предмета совместного ведения административного законодательства (п. «к» ст. 72 Конституции РФ) [1]. Разнообразные акты административного законодательства формируют систему источников административного права. В целом можно выделить следующие признаки административного законодательства: представляет собой совокупность законов и подзаконных актов; определяет круг субъектов, осуществляющих публично-правовые функции; устанавливает компетенцию таких субъектов; устанавливает права и обязанности публичного характера для властных и невластных субъектов. Данные признаки позволяют говорить о том, что административное законодательство регулирует административную деятельность публичных субъектов, наделенных властными полномочиями.

Характер административной деятельности обусловлен ст. 2 Конституции РФ, закрепляющей в качестве ядра правовой системы права и свободы человека, признание, соблюдение и защита которых являются обязанностью государства. Кроме того, провозглашая Российскую Федерацию социальным государством, Конституция РФ закрепляет за государством создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Обе нормы можно рассматривать как совокупность закрепленных за государством действий, совершаемых органами исполнительной власти и направленных, с одной стороны, на реализацию в конкретных правоотношениях прав, свобод и обязанностей человека, а с другой стороны, на организацию общественно-публичных условий, при которых все участники при активном волеизъявлении имеют доступ к реализации своих прав и обязанностей.

Такой подход дает возможность выделить в предмете административного права две группы общественных отношений с участием органов, выполняющих публичные функции. Первая группа отношений представляет собой правоотношения с участием органов исполнительной власти с одной стороны и физических

и юридических лиц с другой стороны, направленные на реализацию последними прав, свобод, а также исполнение публичных обязанностей. Характер деятельности органов исполнительной власти в таких отношениях носит в основном процессуальный характер, но не имеет черт управленческой деятельности. Скорее, следует говорить о том, что деятельность органов исполнительной власти в таких отношениях похожа по природе на деятельность судов по рассмотрению конкретных дел, только в нашем случае дела основываются на административном законодательстве и носят как позитивный (например, реализация права), так и негативный (исполнение обязанностей при привлечении к административной ответственности) характер.

Однако, чтобы отношения публичного характера сложились и были реализованы, должна существовать система органов и организаций, наделенных закрепленной за ними компетенцией; правовых и организационных механизмов; закрепленных в правовых нормах мер, приемов и способов, позволяющих в последующем реализовать конкретное административно-публичное правоотношение. Построение Российской Федерацией правового государства, активное формирование административного законодательства позволяет выделить такой вид урегулированной нормами административного законодательства деятельности, как организационная.

Правовое регулирование административно-организационной деятельности представляет собой часть «внутреннего» административного права. Такой подход характерен для исследований А.Н. Жеребцова, который подразделяет систему административного права на внешнюю и внутреннюю части [2, с. 211].

В отличие от внешних (административно-публичных) отношений, административно-организационные отношения в силу необходимости построения системы органов оперативной деятельности в государстве, распределения и закрепления вопросов компетенции имеют управленческую природу. Это проявляется в том, что правом опосредуются функции административной деятельности, которые не реализуются во внешних отношениях. Деятельность либо осуществляется автономно внутри системы государства, либо представляет собой механизмы, направленные на реализацию административно-публичных функций (совокупность связей между органами, позволяющая одному органу вступить в административно-публичное правоотношение и реализовать в отношении конкретного гражданина или юридического лица закрепленные за ним правомочия и обязывания).

В такой ситуации отчетливо проявляются вопросы определения целей административной деятельности и способов их достижения. Просто констатация реализации права и обязанностей гражданами упирается в возможности государства обеспечить их реализацию. Право может быть реализовано номинально, формально, на уровне определенного стандарта и т.д. По сути, государству необходимо сформулировать то, что необходимо получить в результате. Здесь явно прослеживается функция планирования в административно-организационной деятельности.

Выявление административно-организационных функций привело к неочевидному результату. Часть организационных функций, в том числе функция планирования, потребность в их разработке формулируются не учеными-административистами, а специалистами в области конституционного права. Возможно, это обусловлено историческим контекстом. Так как в Конституции 1918 г. к компетенции Всероссийского съезда Советов и Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов было отнесено «установление общего плана народного хозяйства» (ст. 49) [3], Конституция 1936 г. закрепила план в качестве конституционной категории на одном уровне с бюджетом государства (ст. 11) [4]. Конституция 1978 г. продолжила закрепление планирования через категории: «планомерное развитие» (ст. 15), «руководство на основе государственных планов экономического и социального развития» (ст. 16) [5]. Еще И.И. Евтихиев рассматривал план как научно обоснованный и имеющий обязательное директивное значение план [6, с. 123]. При этом планирование не понималось как элемент социалистического государственного управления. Например, в работах Г. Брэбана рассматриваются дискреционные полномочия администрации при выборе плановых показателей в области планирования экономики [7, с. 89]. Можно, конечно, говорить, что Г. Брэбан писал в других условиях функционирования французского государства, однако деятельность Европейского союза в современных условиях основывается на принятии планов по всем направлениям административной деятельности, таких как Стратегическая программа на 2024–2029 годы [8], Программа стратегических исследований на 2020–2030 годы [9] и т.д. Правовой основой для разработки документов планирования исследований государствами – членами ЕС является Регламент (ЕС) 2021/695 [10].

Позже плановый характер деятельности государства анализировался О.Е. Кутафиным [11, с. 12], а о том, что отсутствие в действующей Конституции РФ плановых основ приводит к воздержанию государства от определения желательных показателей социально-

экономического развития, пишут современные конституционалисты [12, с. 27; 13, с. 11; 14, с. 72].

Необходимо также отметить, что развитие бюджетного законодательства, в первую очередь принятие и функционирование Бюджетного кодекса РФ, без законодательного регулирования планирования административной деятельности привело к переворачиванию схемы «ресурсы за функциями» на «функции за ресурсами», что не делает работу системы органов публичной власти эффективной.

Определяя планирование как административно-организационную функцию, необходимо обеспечить ее правовой регламентацией. Действующая Конституция РФ из всей терминологии, применяемой для характеристики планирования, использует термин «программы», закрепляя за Российской Федерацией в ст. 41 финансирование федеральных программ социальной направленности и относя к предмету ее ведения в ст. 71 федеральные программы развития.

Специальным законом для реализации функции планирования стал Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Закон № 172-ФЗ), который закрепил понятия целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования.

Одной из фундаментальных проблем законодательного закрепления данной функции административно-организационной деятельности представляется отсутствие сформулированных целей, ради которых и должны разрабатываться документы стратегического планирования. Такие цели целесообразно закреплять на уровне законов и уже в последующем развивать в подзаконных актах.

Следует учитывать особенности правовых норм о планировании. Исследователи критично рассматривают нормы, закрепляющие вопросы планирования, с позиции права на современном этапе. Так, С.В. Кабышев, анализируя работы О.Е. Кутафина, соглашается с его выводом о том, что правовая регламентация планирования должна соответствовать государственной системе [15, с. 10]. Рассматривая планирование в Советском государстве, где оно носило прямой (директивный) характер, делается вывод о том, что такие нормы не могут с учетом современной правовой системы носить императивный характер. В работах А.С. Домченко планирование рассматривается как элемент административной политики [16, с. 37], т.е. нормы представляют собой политико-правовую конструкцию. Считаем, что к таким нормам применима категория «нормы-декларации», которая позволяет не выходить за пределы правовой системы.

Закон № 172-ФЗ не определяет увязки планирования административной деятельности с бюджетным планированием. Однако необходимость интегрирования административных норм о планировании с бюджетными нормами позволяет задаться следующим вопросом: почему бюджетный план должен быть в форме закона, а административный план – нет?

Сложность представляет и определение целей. Какой характер они должны носить? Актом какого уровня должны закрепляться? Так, Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в качестве целей политики определяют создание условий для развития [17]. На наш взгляд, самой сложной здесь является категория «развитие». Скорее, необходимо определить, что мы хотим получить в результате: тип экономики, стратегические секторы экономики, общественный уклад и т.д. В такой ситуации требуется колоссальная аналитическая работа по анализу существующего положения (официально и общественно признанного), т.е. определение точки отсчета. Должны формулироваться общие цели, а затем разрабатываться конкретные и только потом предлагаться варианты движения, из которых необходимо выбрать оптимальный.

Проблемой Закона № 172-ФЗ является и отсутствие увязанности между терминами «прогнозирование», «планирование» и «программирование». Все они представляют собой составные части функции планирования. Так, после формулирования целей следует определить перспективы на длительный и короткий сроки (прогноз), затем сформулировать задачи, определить ресурсы и последовательность действий (планирование), а уже после конкретизировать это в программе действий. Планирование – сложная организационная функция, базирующаяся на определенной логике.

Заявленная в рассматриваемом Законе цель в форме порядка взаимодействия органов публичной власти с общественными, научными и иными организациями сводится к закреплению общественного обсуждения проектов стратегических документов (ст. 13) [18]. То есть на этапах разработки документов не участвуют ни научные сообщества, ни субъекты экономической и общественной жизни, что вряд ли делает такие документы жизнеспособными.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, планирование следует определить как функцию административно-организационной деятельности.

Во-вторых, формулирование целей должно закрепляться на уровне законов, а не подзаконных актов.

В-третьих, необходимо расширить круг субъектов, участвующих в разработке актов планирования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. ; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398; Рос. газ. – 2020. – 4 июля.

2. Жеребцов, А.Н. Система современного административного права и критерии ее построения / А.Н. Жеребцов // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 211–216.

3. Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г. – Документ утратил силу. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/ Etex t/cnst1918.htm (дата обращения: 25.12.2025).

4. Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. – Документ утратил силу. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/ cnst1936.htm (дата обращения: 25.12.2025).

5. Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 г. – Документ утратил силу. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/ (дата обращения: 25.12.2025).

6. Евтихиев, И.И. Административное право СССР / И.И. Евтихиев, В.А. Власов. – М. : Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1946. – 440 с.

7. Французское административное право : пер. с фр. / под ред. и со вступ. ст. С.В. Боботова. – М. : Прогресс, 1988. – 488 с.

8. Strategic agenda 2024–2029. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/european-council/strategic-agenda-2024-2029/ (дата обращения: 25.12.2025).

9. Strategic Research program 2020–2030. – URL: https://setis.ec.europa.eu/document/ download/a5fa5b45-fac7-44c4-b517-e719d435669_sv?filename=Batteries.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

10. Regulation (EU) 2021/695 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, laying down its rules for participation and dissemination, and repealing Regulations (EU) No 1290/2013 and (EU) No 1291/2013 // OJ L 170. – 12/05/2021. – P. 1–68.

11. Кутафин, О.Е. Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект / О.Е. Кутафин. – М. : Юрид. лит., 1980. – 389 с.

12. Дубровина, Д.И. Конституционное регулирование планирования в России: история, современность, перспективы / Д.И. Дубровина // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 8. – С. 25–30.

13. Авакьян, С.А. Государственная инновационная политика и ее организационно-правовое обеспечение / С.А. Авакьян // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 11. – С. 12–21.

14. Курбатов, И.А. Конституционные основы государственного планирования экономического развития Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Курбатов. – М., 2017. – 183 с.

15. Кабышев, С.В. Правовая концепция планирования как часть научного наследия О.Е. Кутафина / С.В. Кабышев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 7. – С. 9–12.

16. Домченко, А.С. Государственное стратегическое планирование как форма административной политики / А.С. Домченко // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 35–39.

17. Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации : указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 46, ст. 7676.

18. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 13 июля 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 26, ч. 1, ст. 3378; 2024. – № 29, ч. 3, ст. 4106.

Е.С. Кощеева,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

E.S. Koshcheeva,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Procedure at the Volga-Vyatka Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
koshcheeva@msalkirov.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-133-140

КОМПЕТЕНТНЫЙ СУБЪЕКТ ПРИНЯТИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО АКТА

Аннотация: *актуальность исследования связана с неопределенностью научного понимания круга субъектов, уполномоченных на издание административного правоприменительного акта. Цель статьи состоит в четком определении круга субъектов, уполномоченных на принятие административного правоприменительного акта, и исключении возможного неоднозначного толкования при применении широких формулировок в обозначении компетентных субъектов. Достижению поставленной цели способствовало применение общенаучных (анализ, синтез, диалектический метод), формально-юридического и сравнительно-правового методов. Автором проанализированы ключевые категории «механизм правового регулирования» и «государственное управление», сформулированы признаки административного правоприменительного акта и определен круг компетентных субъектов, уполномоченных на его принятие: органы исполнительной власти или лица, наделенные публичными полномочиями. Отмечается, что категория «лица, наделенные публичными полномочиями» требует дальнейшего научного осмысления с учетом практики ее применения.*

Ключевые слова: *административный правоприменительный акт, субъекты административного правоприменения, лица, наделенные публичными полномочиями.*

COMPETENT ENTITY ISSUING AN ADMINISTRATIVE LAW ENFORCEMENT ACT

Abstract: *the relevance of the study is determined by the uncertainty of the scientific understanding of the array of entities competent to issue an administrative law enforcement act. The purpose of the article is to clearly define the array of entities authorized to issue an administrative law enforcement act, and to exclude possible ambiguous interpretation when using broad definitions of such entities. General scientific (analysis, synthesis, dialectical method), formal-legal and comparative-legal methods were used. The author analyzed the key categories of "the mechanism of legal regulation" and "public administration", formulated the characteristics of an administrative law enforcement act and defined the array of entities authorized to issue it: executive authorities or persons vested with public powers. The author notes that the "persons vested with public powers" category requires further scientific interpretation taking into account its practical application.*

Keywords: *administrative law enforcement act, administrative law enforcement entities, persons vested with public powers.*

Одной из значимых в теории административных актов является проблема определения круга субъектов, уполномоченных на принятие административного правоприменительного акта.

В научных работах, посвященных указанной проблеме, субъекты, принимающие административный правоприменительный акт, именуются как «субъекты административного правоприменения» [1, с. 161], «специально уполномоченные субъекты публичной администрации» [2, с. 153], «публичная администрация, административный орган» [3, с.100]. При этом круг данных субъектов в науке административного права с точностью не определен. В ходе детального рассмотрения поставленной проблемы возникает несколько аспектов: во-первых, понимание правоприменения и, как следствие, субъектов его реализации; во-вторых, понимание акта правоприменения; в-третьих, компетенция органов по принятию указанных актов.

Понятие «правоприменение» целесообразно трактовать через призму теории права, отталкиваясь от общепринятых дефиниций категорий «механизм правового регулирования» и «государственное управление».

В юридической науке механизм правового регулирования традиционно рассматривается как общее понятие и редко сводится к более узкому понятию «механизм государственно-правового регулирования» [4, с. 439]. Вместе с тем анализ механизма государственно-правового регулирования имеет ключевое значение для понимания сущности многих правовых явлений, например правоприменения, законности, правопорядка.

Согласимся с мнением большинства ученых, что механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве систему правовых актов, с помощью которых осуществляется результативное правовое воздействие на общественные отношения [5–7].

Категорию «механизм правового регулирования» можно рассматривать через призму понятий «структура» и «система». В первом случае анализу могут быть подвергнуты отдельные элементы механизма правового регулирования в их сущностном проявлении. Однако исследование механизма как системы предполагает необходимость рассмотрения элементов в их взаимосвязи, которая проявляется исключительно в «системно-динамическом виде» [5, с. 10]. Иными словами, исследование механизма правового регулирования как системы правовых средств возможно только с точки зрения его функционирования, т.е. как процесса, имеющего определенные стадии [4, с. 438].

Позволим себе не согласиться с традиционным мнением относительно количества и существа стадий механизма правового регулирования и рассмотрим следующие стадии функционирования механизма государственно-правового регулирования.

В качестве первой стадии выделим стадию формирования юридических норм, на которой осуществляется правотворческая деятельность компетентных государственных органов. Вместе с тем, поскольку могут возникать вопросы, связанные с уяснением смысла правовых предписаний, на этом этапе имеет место и деятельность по толкованию норм права.

Второй стадией выступает стадия реализации юридических норм, где правоприменительная деятельность выступает как особая форма реализации права. По нашему мнению, применительно к характеристике стадии механизма государственно-правового регулирования целесообразно говорить о правоприменительной деятельности как основном ее содержании.

Если сопоставлять изложенные стадии действия механизма государственно-правового регулирования, то в традиционном понимании упущенной из виду оказалась стадия возникновения у адресатов прав и обязанностей [4, с. 438; 5, с. 26]. Данная стадия характеризуется в науке как этап формирования у адресатов субъективных прав и обязанностей, т.е. конкретного правоотношения на основании юридических фактов. Выделение указанной стадии с позиции функционирования механизма государственно-правового регулирования не представляется возможным, поскольку моделирование правоотношения осуществляется еще на стадии правотворчества, а конкретизация правоотношения – на этапе реализации. Эта позиция была поддержана В.В. Лазаревым, который отметил, что «по существу, правовое регулирование имеет два этапа: правотворческий и правореализующий (лишь с логическим сомнительным делением последнего на два самостоятельных этапа)» [4, с. 207].

Относительно выделения в качестве отдельной стадии применения государственного принуждения в виде мер юридической ответственности [8, с. 208] следует подчеркнуть, что рассмотрение указанной деятельности вне рамок правоприменения нецелесообразно. Вместе с тем деятельность по применению мер юридической ответственности, безусловно, имеет свои особенности и может рассматриваться как факультативная стадия механизма государственно-правового регулирования. Факультативный (необязательный) характер данного этапа обусловлен прежде всего действием института законности, правовая сущность которого будет определена далее.

Формулирование концептуальных основ для проведения дальнейшего исследования в рамках науки административного права предполагает необходимость их переложения на категориальный аппарат отраслевой науки и определения специфики правового регулирования отрасли в целом.

Рассмотрение механизма государственно-правового регулирования в науке административного права подразумевает создание и действие норм права в пределах регулируемых нормами административных правоотношений, составляющих предмет административного права.

Наиболее широкое распространение в науке административного права получило его понимание как науки о государственном управлении. В этом контексте регулируемыми отношениями выступают отношения в сфере государственного управления, т.е. отношения, связанные с организацией и функционированием системы исполнительной власти [9, с. 23].

По мнению автора, определение категории «государственное управление» и его интеграция в сформулированное выше понимание механизма государственно-правового регулирования позволят сохранить комплексный подход при проведении дальнейшего исследования. Указанный подход предполагает в том числе соотнесение понятия «государственное управление» с традиционной для юридической науки категорией «правоприменение», которая в рамках настоящего исследования рассматривается как синоним термина «правоприменительная деятельность», т.е. в качестве основного содержания второй стадии механизма государственно-правового регулирования.

В ряде случаев правоприменение трактуется современными учеными как особая форма реализации права [10, 11]. Однако, как правило, исследование проводится в контексте механизма государства, где правоприменение рассматривается в качестве элемента его функционирования [12, с. 9] или государственно-властной (властной) деятельностьи[13, с. 17; 14, с. 12].

При этом особое внимание в исследованиях, проводимых на современном этапе, обращено на объективированный результат правоприменительной деятельности – акты правоприменения.

Подавляющее большинство современных ученых рассматривают акты правоприменения как результат правоприменительной деятельности, определяя их через категорию «документы» [11, с. 9; 13, с. 20; 10]. Так, О.В. Литвишко к числу их основных признаков относит наличие реализуемой компетенции правоприменяющих субъектов, обязательных персонифицированных правовых предписаний и их адресацию

конкретным субъектам [11, с. 9]. А.А. Захаров к числу характеристик акта правоприменения причисляет: персонифицированный характер акта; его издание компетентными субъектами права; наличие основы для издания – соответствующих правовых норм и достоверных фактов; индивидуальный характер [13, с. 10]. Особую роль он отводит признаку волевой природы правоприменительного акта как одновременного уяснения воли законодателя и правоприменителя [13, с. 16].

Таким образом, применение на современном этапе функционального подхода обусловило понимание правоприменения через категорию «деятельность», а акта правоприменения как ее объективированного результата. При этом выделение признаков акта правоприменения напрямую определяется сущностными характеристиками самой правоприменительной деятельности.

В акте находит отражение решение административного органа, иными словами, акт выступает объективированной формой решения. Указанное мнение полностью согласуется с позицией Верховного Суда РФ, в которой категория «ненормативный правовой акт» приравнивается к категории «решение» [15]. Пункт 3 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ также содержит термин «индивидуальные акты применения права» (решения). Принципиальным их отличием служит форма (решения в отличие от действий должны быть документированы). Следует отличать решения, которые могут быть приняты в устной форме, от действий. Например, в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ нарушитель «хотя и освобождается от административной ответственности, к нему все же применяется такая мера государственного реагирования, как устное замечание» [16]. Иными словами, решение документируется – выносится постановление об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении или постановление о прекращении дела об административном правонарушении (ст. 2.9. КоАП РФ) [17].

На основании сформулированных выше доктринальных позиций определим основные признаки административного правоприменительного акта.

Во-первых, принимается административным органом или лицом, наделенным публичными полномочиями в рамках их компетенции.

Во-вторых, представляет собой решение административного органа (органа исполнительной власти или лица, наделенного публичными полномочиями), закрепленное путем документирования в установленных законом процедурах.

В-третьих, является результатом правоприменительной деятельности по принятию решений, которые призваны адаптировать нормы

законов и иных нормативных правовых актов к конкретным ситуациям в том числе путем уяснения и разъяснения сути нормы права.

В-четвертых, принимается с целью регулирования общественных отношений для обеспечения законности и защиты прав граждан и организаций.

В-пятых, может распространять свое действие на определенный или неопределенный круг субъектов.

Таким образом, административный правоприменительный акт представляет собой принятое в рамках правоприменительной деятельности решение органа исполнительной власти или лица, наделенного публичными полномочиями, которое принимается с целью регулирования общественных отношений для обеспечения законности и защиты прав граждан и организаций и распространяет свое действие на определенный или неопределенный круг субъектов.

Перейдем к рассмотрению компетенции органа по принятию административного правоприменительного акта. В приведенном авторском определении к числу субъектов, компетентных на принятие административного правоприменительного акта отнесены органы исполнительной власти и лица, наделенные публичными полномочиями. Если в отношении первой группы упомянутых субъектов сомнений не возникает, то вопрос о лицах, наделенных публичными полномочиями, требует дополнительного исследования.

Административное законодательство не содержит указания на категорию «публичные полномочия», не имеется в нем и нормативных критериев отнесения полномочий к числу публичных. Вместе с тем данный вид организаций как субъектов правоотношений применяется в процессуальном законодательстве и ключевых актах толкования [15, 18].

Однако отдельные виды деятельности и реализуемые полномочия отнесены к публичным в актах Конституционного Суда РФ: нотариальная деятельность [19], адвокатская деятельность [20, 21], деятельность арбитражных управляющих [22], политических партий [23] и т.д. Кроме указанных Конституционный Суд РФ признал «выполняющими публично значимые функции аудиторские организации, избирательные комиссии, аттестационные комиссии, третейские суды, Центральный банк РФ, Социальный фонд РФ» [24].

Таким образом, компетентными субъектами принятия административных правоприменительных актов в настоящее время выступают органы исполнительной власти и лица, наделенные публичными полномочиями. При этом круг первой группы субъектов может быть четко определен, в отличие от субъектов второй группы. Перечень

и виды принимаемых административных правоприменительных актов лицами, реализующими публичные функции, четко законодателем не установлен и формируется практикой применения.

Список литературы:

1. Труфанов, М.Е. Стабильная актуальность исследования административного правоприменительного акта / М.Е. Труфанов // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 5. – С. 159–164.
2. Давыдов, К.В. Концепция административного акта в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ / К.В. Давыдов // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 5. – С. 150–158.
3. Соловей, Ю.П. Стандарты судебной оценки дискреционных актов органов (должностных лиц) публичной администрации по законодательству Российской Федерации об административном судопроизводстве / Ю.П. Соловей // Вестник Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 8. – С. 99–113.
4. Лазарев, В.В. Теория государства и права : учебник для вузов / В.В Лазарев, С.В. Липень. – М. : Юрайт, 2025. – 521 с.
5. Алексеев, С.С. Общая теория права : курс : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.
6. Кузнецова, С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» / С.А. Кузнецова // Вестник С.-Петерб. ин-та МВД России. – 2015. – № 1 (57). – С. 9–12.
7. Павлюк, А.В. К вопросу о понятии механизма административно-правового регулирования / А.В. Павлюк // Право. Экономика. Безопасность. – 2015. – № 1. – С. 54–57.
8. Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В.М. Сырых. – М. : Эксмо, 2008. – 525 с.
9. Алёхин, А.П. Административное право Российской Федерации : учебник / А.П. Алёхин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М. : Зерцало-М, 2003. – 608 с.
10. Палеха, Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права : дис. … канд. юрид. наук / Р.Р. Палеха. – Елец, 2006. – 171 с.
11. Литвишко, О.В. Правоприменяющие субъекты: общетеоретическое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.В. Литвишко. – Тамбов, 2009. – 27 с.
12. Паламарчук, В.М. Правоприменение в правовом государстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.М. Паламарчук. – М., 2011. – 24 с.
13. Захаров, А.А. Применение права: системно-функциональный анализ: общетеоретическое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.А. Захаров. – Мытищи, 2010. – 26 с.
14. Москаев, А.Н. Правоприменительная деятельность исполнительной власти (вопросы теории) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А.Н. Москаев. – М., 2008. – 30 с.
15. О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации :

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 // Рос. газ. – 2022. – 13 июля.

16. Апелляционное постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2017 г. по делу № 20АП-7861/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

17. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1, ст. 1.

18. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 10, ст. 1391.

19. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=2&nd=102052929 (дата обращения: 15.07.2025).

20. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова : постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 1.

21. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Николая Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 1 мая 2010 г. № 782-О-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

22. По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева : постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

23. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов» : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2007 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 5.

24. Организация, наделенная публичными полномочиями (функциями): научно-практический комментарий к Федеральному закону от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» / И.Г. Дудко, С.Ю. Колмаков. – М. : Изд. центр Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – 171 с.

С.Б. Пашенько,
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии

S.B. Pashenko,
Candidate of Law, Associate Professor of the Administrative and Municipal Law Department named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy
sergei150674@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-141-148

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация: *в статье затронута проблема внедрения цифровых технологий в производство по делу об административном правонарушении. Актуальность темы определена тем, что цифровизация соответствующего административно-юрисдикционного производства позволит повысить уровень гарантий защиты прав лиц, к которым применяются меры административного принуждения, а также обеспечит оперативность его осуществления. Цель статьи состоит в выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию норм КоАП РФ. В работе использованы методы анализа, синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический. Предложено закрепить нормативное определение электронных доказательств. Обоснована необходимость установления гарантий защиты прав участника производства по делу об административном правонарушении при наличии технических сбоев. Проведен анализ кодифицированных актов об административных правонарушениях Республики Казахстан и Республики Кыргызстан, предусматривающих ведение производства в электронной форме и использование единого реестра дел об административных правонарушениях как централизованной базы данных.*

Ключевые слова: *административная ответственность, цифровые технологии, искусственный интеллект, электронные доказательства, электронный протокол, реестр дел об административных правонарушениях.*

SOME ISSUES OF DIGITALIZATION OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Abstract: *this article addresses the issue of integrating digital technologies into administrative proceedings. The relevance of this topic is determined by the fact that digitalization of the relevant administrative-jurisdictional proceedings will improve the level of guarantees for protecting the rights of individuals subject to administrative enforcement measures, as well as ensure the efficiency of their implementation. The purpose of the article is to develop scientifically substantiated proposals for improving the provisions of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation. The study utilizes analytical, synthesis, comparative legal and formal legal methods. It proposes to consolidate the regulatory definition of electronic evidence. The need to establish guarantees for the protection of the rights of a participant in administrative proceedings in the event*

of technical failures is substantiated. The analysis of codified administrative offenses acts providing for the conduct of proceedings in electronic form and the use of a unified register of administrative offense cases as a centralized database of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic is conducted,.

Keywords: *administrative liability, digital technologies, artificial intelligence, electronic evidence, electronic protocol, register of administrative offense cases.*

В настоящее время цифровые технологии пронизывают большинство сфер человеческой деятельности. Не является исключением и государственное управление. Возможности сети Интернет существенно упрощают взаимодействие органов власти между собой, а также с гражданами, их объединениями. Значительные перспективы имеет внедрение цифровых технологий в административно-юрисдикционный процесс: оно позволит повысить уровень гарантий защиты прав лиц, к которым применяются меры административного принуждения, а также обеспечит оперативность осуществления административного производства.

В данной связи является актуальной цифровизация производства по делам об административных правонарушениях. Тенденции его развития отражают потребности современности. Об этом свидетельствуют как действующие уже продолжительное время нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [1] (далее – КоАП РФ), так и новейшие изменения законодательства.

Так, закреплен порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях, зафиксированных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, подразумевающий автоматизацию производства. Кроме того, в судебном заседании могут использоваться системы видео-конференц-связи, что позволяет участникам производства ходатайствовать о его проведении в дистанционном формате. Предусмотрена возможность обжалования постановления по делу в случае автоматической фиксации административного правонарушения через Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее – Единый портал). Заявление, ходатайство, жалоба, протест и иные документы могут быть поданы участниками производства в электронном виде. В свою очередь, процессуальные документы при наличии технической возможности в суде подлежат направлению участникам производства посредством Единого портала; определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ информационной системы;

систем электронного документооборота. В электронном виде могут быть направлены извещения, адресованные участникам производства.

В 2025 г. в КоАП РФ был внесен блок поправок, направленных на расширение использования цифровых технологий при привлечении к административной ответственности. Так, Федеральным законом от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ [2] ст. 26.7 КоАП РФ дополнена ч. 5, которая закрепила возможность получения документов от участников производства с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Однако указано, что данный порядок применяется лишь при наличии технической возможности для представления и получения документов и материалов. При этом судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, вправе потребовать представления подлинников документов. Появилась также возможность использования систем веб-конференции, что подразумевает отсутствие необходимости явки в суд. Они могут быть применены и при составлении протокола по делу об административном правонарушении.

В рамках определения перспектив дальнейшей цифровизации производства по делам об административных правонарушениях стоит обратить внимание на содержание разработанного Минюстом России проекта Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – законопроект) [3], до настоящего времени не внесенного на рассмотрение Государственной Думы РФ. Данный законопроект предполагает ряд цифровых инструментов, которые могут положительно отразиться на решении задач производства при условии принятия соответствующего акта.

Так, согласно ст. 3.4 законопроекта запросы и поручения направляются в электронной форме, с использованием Единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Кроме того, в нем конкретизировано понятие письменных доказательств по делу, к которым ст. 3.8 законопроекта относит в том числе «иные документы и материалы, выполненные в виде цифровой или графической записи». Однако наиболее существенной новеллой служит норма, предусматривающая ведение дел об административных правонарушениях в электронном виде, без дополнительного составления материалов на бумажном носителе. Данное положение является весьма прогрессивным, поскольку исключает необходимость двойной работы при составлении документов. А.Ю. Соколов справедливо отмечает, что «правовое закрепление обязательности ведения дела в электронном виде позволит обеспечить гарантии прав участников производства на ознакомление с его материалами» [4, с. 123].

В свою очередь, действующий КоАП РФ, несмотря на ряд вступивших в силу поправок, направленных на его цифровизацию, не уделяет достаточного внимания электронным материалам как доказательствам по делу об административном правонарушении. Не определен их статус, нормативно не предусмотрено каких-либо специальных правил их предоставления и использования. При этом в рамках рассмотрения дела об административном правонарушении нередко возникает необходимость использования в качестве доказательств материалов, размещенных в сети Интернет. Для упрощения их приобщения к делу и использования как доказательств следует внести в ст. 26.2 КоАП РФ дополнение, в соответствии с которым электронными доказательствами признается любая представленная в электронной форме информация, имеющая значение для дела.

Следует также установить необходимость заявления ходатайства о приобщении электронного доказательства судье, органу, должностному лицу, рассматривающему соответствующее дело об административном правонарушении, в котором отражается описание электронного доказательства с обоснованием того, какое значение оно имеет для установления обстоятельств дела. Если электронное доказательство представлено в виде так называемой скриншот-копии страницы в сети Интернет, аудио- и видеозаписи либо иного материала, размещенного на соответствующей странице, в его описании необходимо указать адрес конкретной страницы, что обеспечит ознакомление с ним судьи, органа, должностного лица, иных участников производства и подтверждение подлинности.

Далее стоит обратить внимание на проблему, обозначенную Я.А. Куликовой, отмечающей, что «в проекте КоАП РФ не нашли отражение новые способы работы с информацией, и предлагаемые цифровые инструменты почти полностью направлены на альтернативные способы связи между участниками производства и субъектами административно-деликтной юрисдикции, а не на введение каких-либо программных средств, автоматизированных сервисов» [5, с. 73]. Внесенные в КоАП РФ новейшие изменения не затронули соответствующую сферу.

В обозначенном аспекте представляет интерес Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 [6]. Он подразумевает ведение как бумажной, так и электронной формы производства, которая осуществляется с использованием автоматизированной информационной системы Единого реестра правонарушений. При этом протокол об административном правонарушении

и постановление по делу подлежат оформлению в бумажном и цифровом виде.

Сходные положения содержит Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-У [7], который предусматривает внесение сведений о правонарушениях, совершивших их лицах в Единый реестр административных производств (далее – ЕРАП). Определение порядка его ведения отнесено к компетенции Генерального прокурора Республики Казахстан. Установлена необходимость использования мобильного приложения ЕРАП как компонента, предназначенного для возбуждения дела об административном правонарушении посредством планшетного компьютера. Анализ данного акта позволяет сделать вывод, что делопроизводство ведется параллельно в бумажной и электронной форме, при этом при невозможности составления документов изначально в электронном виде они подлежат переводу в PDF-формат и помещению в ЕРАП.

Указанные возможности позволяют участникам производства оперативно получать доступ к материалам дела, упрощая взаимодействие с должностными лицами, повышают прозрачность рассмотрения дел и обеспечивают обмен информацией между ведомствами в рамках административного производства. Однако в Российской Федерации аналогичный реестр отсутствует, что с учетом его преимуществ диктует необходимость заимствования положительного опыта зарубежных государств. При этом должна быть установлена необходимость формирования электронных административных дел, рассматриваемых судом. Важно, что электронная форма рассмотрения дела не означает составление лишь протокола об административном правонарушении и постановления по делу в электронном виде. Протоколы мер обеспечения производства и прилагаемые к ним материалы также должны быть переведены в электронную форму и отражаться в соответствующем реестре. То же самое касается ходатайств, извещений, уведомлений и иных процессуальных документов.

В рамках цифровизации производства по делам об административных правонарушениях следует установить гарантии защиты прав его участников. Так, отключение интернета, сбои в его работе могут негативно отразиться на ознакомлении участников с материалами дела. Ситуация осложняется тем, что согласно п. 7 ст. 24.9 КоАП РФ документ считается полученным со дня осуществления лицом входа в личный кабинет на Едином портале или региональном портале. Возможен случай, когда в результате технического сбоя во время входа на соответствующий портал гражданин не имеет возможности ознакомиться с полученным документом, причем факт такого входа остается

зафиксированным, и лицо считается получившим соответствующий документ. Проблема состоит в том, что получение данного документа имеет юридическое значение. Например, срок обжалования постановления по делу подлежит исчислению с момента его получения лицом. В данной связи целесообразно нормативно закрепить обязательность параллельного уведомления участника производства о поступлении документа в иной форме, например посредством электронной почты, смс-сообщения при согласии лица на конкретную форму извещения.

Стоит также согласиться с позицией Д.Н. Шурухуновой, обосновывающей необходимость указания перечня случаев, когда процессуальный документ в электронной форме считается неполученным. Так, не может считаться полученным документ, если файл, который его содержит, поврежден, вследствие чего лицо не имеет объективной возможности ознакомиться с ним, или имеет место технический сбой [8, с. 229].

Заслуживает поддержки инициатива о наделении участников производства по делам об административных правонарушениях правом получать копии материалов дела. Соответствующий законопроект внесен в Государственную Думу РФ [9]. Особую актуальность решение данной проблемы имеет в рамках рассмотрения дел об административных правонарушениях, зафиксированных с помощью специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме. В настоящее время лицо фактически привлекается к ответственности на основании доказательств, с которыми он не имеет возможности ознакомиться, а также оспорить их.

Нормы КоАП РФ не затрагивают вопросы использования технологий искусственного интеллекта при производстве по делам об административных правонарушениях. Программы на основе искусственного интеллекта способны повысить оперативность административного производства. Цифровизация правосудия является первоочередной задачей, а использование технологий искусственного интеллекта может привести к сокращению судебных издержек и сроков рассмотрения дел.

Тем не менее стоит критически отнестись к перспективе использовать искусственный интеллект при вынесении судебных актов, поскольку решение должно быть основано на личном убеждении судьи, всестороннем исследовании доказательств. Искусственный интеллект вряд ли сможет в полной мере учесть принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания, а достоверность и объективность разрешения дел во многом зависит от заложенных в нем алгоритмов. Поэтому более предпочтительным является применение возможностей

искусственного интеллекта для поиска и анализа судебной практики. Соответствующие цифровые технологии позволяют достаточно быстро находить сходные дела, а также предлагать конкретные статьи нормативных правовых актов, которые должны быть применены в рамках конкретного разбирательства, научную литературу, имеющую отношение к рассматриваемому делу. При этом действительно сокращается время разбирательства, что способствует оптимизации процесса. Кроме того, искусственный интеллект может быть применен для анализа электронных материалов, например перевода содержания видео- или аудиозаписи в текстовый формат, что в дальнейшем позволит приобщить их к материалам дела.

Подводя итог, можно сделать вывод, что внедрение цифровых технологий в производство по делам об административных правонарушениях следует оценивать положительно. Однако КоАП РФ в аспекте цифровизации все еще характеризуется отдельными недостатками, требующими устранения.

Так, необходимо закрепить определение электронных доказательств как любой представленной в электронной форме информации, имеющей значение для дела. Электронные доказательства, поступившие от участников производства, должны приобщаться при наличии ходатайства. Предложено установить требования к соответствующему ходатайству. Обоснована целесообразность установления гарантий защиты прав участника производства при наличии технических сбоев.

Кроме того, имеет перспективы заимствование положительного опыта государств ближнего зарубежья, законодательство об административных правонарушениях которых предусматривает ведение производства в электронной форме и использование единого реестра дел об административных правонарушениях как централизованной базы данных.

Вопрос же о внедрении технологий искусственного интеллекта в рамках производства остается открытым, что обусловлено существенными рисками при их некорректном применении. Однако стоит отметить потенциальный положительный эффект от данных технологий при их использовании для поиска судебной практики, а также анализа электронных доказательств.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1, ст. 1; Рос. газ. – 2026. – 12 янв.

2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 7 апреля 2025 г. № 59-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2025. – № 15, ст. 1785.

3. Проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : подготовлен Минюстом России 30 января 2020 г., ID проекта 02/04/01-20/00099061; не внесен в ГД ФС РФ. – URL: https://regulation.gov.ru/projects/99061/ (дата обращения: 15.01.2026).

4. Соколов, А.Ю. Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях / А.Ю Соколов // Вестник Сарат. гос. юрид. акад. – 2023. – № 1. – С. 118–124.

5. Куликова, Я.А. К вопросу о перспективных направлениях цифровизации производства / Я.А. Куликова // Вестник Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2025. – № 4. – С. 70–76.

6. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 (в ред. от 12 ноября 2025 г.) // Эркин Тоо. – 2021. – 16 нояб.; 2025. – 18 нояб.

7. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-У (в ред. от 17 ноября 2025 г.) // Казахстанская правда. – 2014. – 12 июля; 2025. – 18 нояб.

8. Шурухунова, Д.Н. Современный этап цифровизации законодательства об административной ответственности: состояние, риски, перспективы развития / Д.Н. Шурухунова // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2024. – № 3. – С. 227–230.

9. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (о закреплении для лиц, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, и потерпевших, а также для защитников и представителей указанных участников обозначенного производства права на осуществление выписок из материалов такого дела и возможности копирования данных материалов за свой счет (в том числе с помощью технических средств)) : законопроект № 1077246-8. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1077246-8 (дата обращения: 15.01.2026).

Е.В. Виноградова,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук

E.V. Vinogradova,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
evigpran@igpran.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-149-159

РЕТОРСИИ, РЕПРЕССАЛИИ И САНКЦИИ В КОНЦЕПТЕ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ДИХОТОМИЯ ПРАВА И ПОЛИТИКИ

Аннотация: *статья посвящена анализу соотношения правовых и политических инструментов при применении мер международно-правового давления на суверенные государства. Исследуется эволюция применения этих мер. В частности, анализируется применение реторсий, репрессалий и санкций как классических инструментов международного права. Рассматривается столкновение нарративов, превращающее право в инструмент ведения современной информационной войны. Аргументируется мнение, что размывание правового содержания этих понятий приводит к тому, что классические правовые институты превращаются в инструменты политического противостояния. Анализ реторсий, репрессалий и санкций в контексте суверенной государственности позволил обозначить дихотомию права и политики как систему, постоянно балансирующую между формальными правовыми нормами и реальной политикой, что порождает ряд фундаментальных теоретических проблем. Делается вывод о необходимости кодификации института международно-правовой ответственности, выработки четких критериев допустимости принудительных мер и укрепления роли универсальных международных институтов.*

Ключевые слова: *суверенная государственность, меры международного давления, реторсии, репрессалии, санкции, дихотомия права и политики, столкновение нарративов.*

RETORTION, REPRISALS, AND SANCTIONS IN THE CONCEPT OF SOVEREIGN STATEHOOD: THE DICHOTOMY OF LAW AND POLITICS

Abstract: *this article analyzes the relationship between legal and political instruments in the application of international legal pressure on sovereign states. The evolution of these measures is explored. Specifically, the use of retortion, reprisals, and sanctions as classical instruments of international law is analyzed. The clash of narratives, transforming law into a tool for waging modern information warfare, is examined. It is argued that the erosion of the legal content of these concepts leads to classical legal institutions being transformed*

into instruments of political confrontation. An analysis of retaliation, reprisals, and sanctions in the context of sovereign statehood has identified the law-politics dichotomy as a system constantly balancing between formal legal norms and real politics, which gives rise to a number of fundamental theoretical problems. It is concluded that it is necessary to codify the institution of international legal responsibility, develop clear criteria for the admissibility of coercive measures, and strengthen the role of universal international institutions.

Keywords: *sovereign statehood, international pressure measures, retaliation, reprisals, sanctions, law-politics dichotomy, clash of narratives.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия наблюдаются тенденции к размыванию границ определенности правовых инструментов, что подрывает эффективность действующих механизмов поддержания международного правопорядка. Применение мер международного принуждения в пространстве, где политическая целесообразность постоянно взаимодействует с правовыми нормами, обусловливает интенцию международного права. Понимание дихотомии политики и права в отношениях между суверенными государствами необходимо для оценки правомерности мер давления, поиска путей их легитимизации через многосторонние переговоры и строгое соблюдение принципов международного права.

Применение мер международно-правового воздействия на государство – это не изобретение XX или XXI в. На протяжении всей истории правовые аргументы нередко использовались для оправдания внешнего давления на суверенное государство, они выполняли роль инструмента, способного завуалировать цель, – достижение политических и стратегических преимуществ одного государства над другим [1–2]. Со времен античности и в XVII–XVIII вв. экономические ограничения и морские блокады часто оправдывались формальными договорами или принципом возмездия, но их реальной целью было ослабление конкурента в борьбе за колонии и торговые пути. Известная в XIX в. «политика канонерок» – демонстрация силы и применение ограниченных военных мер против более слабых государств под предлогом защиты граждан или соблюдения договоров были стандартным инструментом великих держав для навязывания своей политической воли. Неудачные санкции Лиги Наций против Италии в 1935 г. аргументируют вывод, что даже институционализированные коллективные меры терпят крах перед лицом политических разногласий и нежелания ключевых игроков идти на реальные жертвы ради соблюдения норм права.

В новейшей истории появляются инструменты когнитивных механизмов, направленных на «оправдание правомерности» примене-

ния мер давления на суверенное государство. Точкой отсчета начала такого применения все чаще становится столкновение нарративов, превращающее право в инструмент ведения информационной войны. Каждая сторона конфликта создает собственный правовой нарратив для оправдания своих действий и дискредитации действий оппонента, апеллируя к разным принципам международного права.

Процессы, коренным образом изменяющие подходы к формированию предсказуемого политико-правового пространства, делают актуальными исследования суверенитета в условиях внешнего принуждения. По мнению многих исследователей [3–6], деформация правовых основ суверенной государственности создает «реальную опасность для современной цивилизации» [7, с. 7], снижая ее значение как фундаментального элемента внешней и внутренней политики.

В исследованиях, осуществляемых в Институте государства и права РАН[1], предлагаются новые элементы системы политико-правовых знаний, формирующих суверенную государственность. Целью этих исследований является укрепление правовых паттернов, препятствующих созданию «…условий для межнациональных и межрелигиозных конфликтов» [8, с. 20]. Россия в ряду многих других государств с многовековой идентичностью, самобытной идеологической основой, таких как Иран, Китай, Саудовская Аравия, вынуждена отстаивать свои «суверенные права», испытывая жесткое давление в идеологическом дискурсе, направленном на сопоставление «…целей и ценностей с возможностями, путями их практического достижения» [9, с. 8].

В международных отношениях меры принуждения – реторсии, репрессалии и санкции – формально регулируются нормами права, однако их применение всегда обусловлено политическим контекстом. Исторический анализ показывает, что граница между правомерным ответом и политическим давлением часто размывается, создавая поле для манипуляций и конфликтов. Эта дихотомия права и политики становится особенно очевидной при рассмотрении эволюции указанных институтов.

Сравнительный анализ реторсий, репрессалий и санкций, а также определение их места в системе мер международно-правового воздействия не является целью данной статьи. Вместе с тем полагаем важным обозначить их основные ключевые различия. Реторсия определяется как правомерные принудительные действия одного государства, предпринимаемые в ответ на недружественный, но правомерный акт

[1] Научный проект «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России» осуществляется при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

другого государства. Правовая природа реторсии предопределена тем, что она устанавливается волевым решением государства на основе принципа суверенного равенства и не требует согласования с другими субъектами международного права. В российском праве институт реторсий закреплен в ст. 1194 Гражданского кодекса РФ, которая позволяет Правительству РФ устанавливать ответные ограничения в отношении прав граждан и юридических лиц тех государств, где существуют аналогичные ограничения для россиян. В правовой доктрине выделяют публичные и частноправовые реторсии[1]. Важно отметить, что реторсии являются ответом на действия, которые, хотя и причиняют ущерб или создают неудобства, не нарушают норм международного права.

В отличие от реторсий, репрессалии – это ответные принудительные меры, применяемые одним государством против другого в ответ на международно-противоправное деяние (правонарушение). Их цель – побудить государство-нарушитель прекратить противоправное поведение и возместить причиненный ущерб. Применение репрессалий связано с соблюдением ряда условий: они должны быть соразмерны причиненному ущербу, являться ответом на предшествующее правонарушение и, как правило, применяться после исчерпания мирных средств урегулирования спора. В современном международном праве термин «репрессалии» все чаще замещается более широким понятием «контрмеры».

Понятие «санкции» в международном праве – наиболее широкое и неоднозначное. В узком смысле это принудительные меры, применяемые международными организациями (прежде всего Советом Безопасности ООН) к государству, угрожающему международному миру и безопасности или нарушившему международно-правовые нормы. Легитимной формой считаются санкции, вводимые на основании гл. VII Устава ООН. Они могут быть экономическими, торговыми, финансовыми, дипломатическими или включать военные меры.

В условиях нарастающей геополитической напряженности и дестабилизации международных отношений при урегулировании конфликтов правовые инструменты все чаще уступают место политическим методам жесткого давления и принуждения. Исторический опыт показывает, что реторсии, репрессалии и санкции никогда не были чисто правовыми инструментами. Их применение всегда отражало баланс сил, политические интересы и идеологические противоречия.

[1] Например, обьявление persona non grata дипломата в ответ на правомерное, но недружественное действие государства, совершившее аналогичные действия. Другие примеры включают введение визовых ограничений, повышение таможенных пошлин или отмену торговых преференций.

В современную эпоху глобальной конфронтации дихотомия права и политики становится особенно острой. Каждая сторона апеллирует к тем нормам, которые оправдывают ее действия, а правовая квалификация мер превращается в элемент информационной войны. Понимание этой дихотомии необходимо для правовой оценки любых мер международного воздействия.

Последнее время широкое распространение получили односторонние санкции, вводимые отдельными государствами или группами государств (например, США, ЕС). Их правомерность часто оспаривается, т.к. они могут применяться в обход системы Совета Безопасности ООН и не всегда связаны с конкретным международным правонарушением [10]. В доктрине такие меры иногда предлагается четче отделять от классических международно-правовых санкций, относя их к сфере политического или экономического давления.

Реторсии, репрессалии (контрмеры) и санкции образуют комплекс взаимосвязанных, но различных по своей правовой природе инструментов международного воздействия. Ключевое различие между ними лежит в основании для применения: реторсии – ответ на правомерные, но недружественные действия; репрессалии – ответ на международное правонарушение; санкции – чаще всего коллективные принудительные меры, санкционированные международным сообществом.

Размывание границ между этими институтами, особенно в контексте широкого использования мер надгосударственного давления, приводит к тому, что часто эти меры квалифицируются как правомерные, в то время как она (правомерность) не установлена и не подтверждена. Это делает точный правовой анализ характера и оснований применяемых мер как никогда актуальным для поддержания предсказуемости и стабильности в международных отношениях. Обнажая противоречие между формальным правом и реальной политикой, разграничение между реторсиями, репрессалиями и санкциями зависит от квалификации первоначального действия. Именно здесь возникает пространство для манипуляций, когда одно и то же действие можно представить как «недружественный акт» (основание для реторсии), «международное правонарушение» (основание для репрессалий) или «угрозу миру» (основание для санкций).

Международное давление на Россию реализуется через гибридную модель, где формальные правовые институты (реторсии, репрессалии, санкции) используются как инструменты политической борьбы. Их квалификация зависит не от объективного юридического анализа, а от политической позиции стороны. При этом ключевой нарратив России – Запад применяет не легитимные правовые меры, что по-

зволяет позиционировать себя как сторону, действующую в правовом поле, применяя реторсии в ответ на недружественные действия.

Граница между правом и политикой продолжает размываться. Односторонние санкции, обосновываемые как репрессалии, и ответные реторсии образуют замкнутый круг взаимного давления, который все сложнее разорвать правовыми средствами. Один и тот же набор мер превращается в «санкционную карусель», существование и раскручивание которой свидетельствует не столько о поиске правовых оснований, сколько о политическом давлении и использовании его «правовых инструментов» в экономической войне.

Устойчивую тенденцию к политической оценке при квалификации первоначального акта можно квалифицировать как проявление дихотомии права и политики. От того, как сторона характеризует действия оппонента («недружественный акт», «правонарушение», «угроза миру»), зависит выбор меры. Эта квалификация часто субъективна и политически мотивирована. Термины «реторсии», «репрессалии», «санкции» используются на площадках информационных войн для придания мерам видимости правомерности. Здесь часто используется разрыв между формой и целью. Реторсии, призванные восстановить паритет, могут превращаться в инструмент долгосрочного экономического давления; репрессалии, направленные на прекращение правонарушения, – в средство наказания; санкции, задуманные как коллективная защита мира, – в орудие односторонней политики.

В результате нормы права применяются не системно, а в зависимости от политической целесообразности и идентичности нарушителя. Постоянное использование «правовых» аргументов для оправдания очевидно политических действий подрывает авторитет правовых институтов. Поскольку каждая сторона считает свою позицию безупречно обоснованной с правовой точки зрения, пространство для компромисса, необходимого для дипломатии, исчезает. Переговоры упираются в вопрос «кто прав», а не «как решить проблему».

Как показывает исторический анализ, применение реторсий, репрессалий и санкций всегда сопровождается публичными дискуссиями, направленными на их оправдание. В современную эпоху центральным элементом, а не просто дополнением к правовым аргументам, легитимизирующим действия сторон, стали нарративы, определяющие восприятие конфликта различными аудиториями.

Санкционный нарратив сегодня стал отдельным мощным направлением, обладающим особым когнитивным потенциалом. Исследователи характеризуют это как «тоталитаризм медийного нарратива». Его черты, такие как нечувствительность к логике, экспан-

сивность и др., объясняют, почему правовые споры о квалификации мер (реторсия или репрессалия) быстро перерастают в непримиримое столкновение мировоззрений, где каждая сторона абсолютно уверена в своей правоте. Это не просто иллюстрирует дихотомию права и политики, право интерпретируется и применяется в этом контексте таким образом, что правовая квалификация мер давления (законная репрессалия или недружественная реторсия) предопределяется выбранным нарративом. Понимание этого механизма необходимо для трезвой оценки любой меры международного воздействия: за формальными юридическими обоснованиями всегда стоит борьба за смыслы, за контроль над картиной мира целевых аудиторий. В этих условиях поиск путей к деэскалации требует не только дипломатических компромиссов, но и теоретической работы над решением проблем, связанных с правовой природой, условиями допустимости и последствиями для международного правопорядка.

Реторсии, репрессалии и санкции – классические инструменты межгосударственного давления [11]. Их использование постоянно балансирует между формальными правовыми нормами и реальной политикой, что порождает ряд фундаментальных теоретических проблем. Ключевая теоретическая сложность начинается с четкого разграничения этих понятий, которые часто смешиваются. На практике одно и то же действие (например, введение торговых ограничений) одна сторона может квалифицировать как законную контрмеру (репрессалию), а другая – как недружественную реторсию или даже как незаконную одностороннюю санкцию.

В международном праве реторсии, репрессалии (контрмеры) и санкции являются инструментами принудительного воздействия на суверенные государства. Их применение порождает ряд теоретических проблем, к числу которых можно отнести отсутствие единого определения «санкций», правовая природа которых, предполагая спектр от мер ответственности [12], принудительных мер, политического давления и др., очевидно затрудняет правовую квалификацию деяния.

Важнейшая фундаментальная теоретическая проблема предопределена коллизией с принципом суверенитета. Действительно, любые принудительные меры затрагивают суверенные права государства, что порождает напряженность между правом на самозащиту и запретом вмешательства. Эта коллизия усиливается отсутствием единого арбитра, т.к. в пространстве применения норм международного права на сегодняшний день нет независимого органа, который мог бы объективно оценить правомерность применения мер, что приво-

дит к «праву сильного». Кроме того, отражая современные реалии, невозможно обойти молчанием существование двойных стандартов и селективности, которые проявляются в том, что меры часто применяются избирательно, в зависимости от политических интересов, что дискредитирует идею верховенства права.

Теоретические проблемы применения реторсий, репрессалий и санкций, кроме коллизии между суверенитетом и принуждением, отражают и другие противоречия современного международного права, в частности, между односторонними действиями и коллективной безопасностью, между правовой формой и политическим содержанием. Разрешение этих проблем требует кодификации института международно-правовой ответственности, выработки четких критериев допустимости принудительных мер и укрепления роли универсальных международных институтов.

Государства подменяют отсутствие решения Совета Безопасности ООН «автономными» санкциями, которые de facto являются односторонними репрессалиями, но de jure маскируются под защиту коллективных ценностей. Чтобы снивелировать последствия обозначенных тенденций и разрешения коллизий, можно предложить следующие практические решения. Создать процедурный фильтр, введя принцип «Презумпции обращения в Совет Безопасности». Для этого можно предложить закрепить в документах Комиссии международного права или в формате резолюции Генеральной Ассамблеи ООН правило, согласно которому государство, прежде чем вводить односторонние принудительные меры (не являющиеся простыми реторсиями), обязано инициировать процедуру квалификации деяния в Совете Безопасности ООН. Несоблюдение этой процедуры должно рассматриваться как злоупотребление правом. Это позволит лишить односторонние действия презумпции легитимности. Для этого можно создать Реестр контрмер, одобренных международным сообществом, предложив механизм «молчаливого одобрения» (tacit consent) Генеральной Ассамблеей ООН (в рамках «Единство во имя мира»). Это позволит создать механизм, когда квалифицированным большинством в рамках ООН будет зафиксировано, что конкретные репрессалии группы государств противоречат или не противоречат интересам коллективной безопасности.

Разработка конвенционной нормы, запрещающей применение вторичных санкций (распространение национального режима на третьи страны), позволит четко отделить законные репрессалии (против правонарушителя) от незаконного вмешательства в суверенитет третьих государств.

Необходимость разрешения коллизии «правовая форма vs политическое содержание» предопределена тем, что юридическая форма (реторсия как «недружественный акт») используется для политического уничтожения оппонента, а санкции формально бессрочны и не имеют критериев отмены. Решить указанную коллизию предполагается путем кодификации критерия «Соразмерность цели». Один из вариантов – создание обязательного «Паспорта санкций» при введении любых ограничительных мер, который должен содержать четкую цель (изменение поведения, наказание, превенция), индикаторы достижения цели, триггеры для автоматической отмены. Достижение цели предопределяет безусловную отмену мер давления.

В международных судебных инстанциях важно закрепить практику, согласно которой на государство, вводящее репрессалии, возлагается обязанность доказать факт правонарушения со стороны ответчика и соразмерность ответа, а не ответчику – доказывать свою невиновность.

Еще одним шагом может стать разработка «Конвенции о международно-правовых основаниях и пределах принудительных мер», суть которых – выделение из общего режима ответственности специального режима для санкций/репрессалий. Следует четко определить, что реторсия представляет собой зеркальное ограничение, репрессалия – временная мера, соразмерная ущербу, санкция – мера, исходящая от международной организации, кроме того, необходимо создание международного механизма обжалования санкций.

Анализируя дихотомию права и политики, хотелось бы обозначить возможные направления дальнейших теоретических исследований. Прежде всего необходимо учитывать, что право служит инструментом легитимации политических действий в случае, когда оценка правомерности первоначального акта (было ли оно «недружественным» или «противоправным») становится исключительно субъективной и зависит от политической позиции государства. Это превращает правовые дискуссии в элемент информационной войны.

Важно отметить, что в условиях многолетней конфронтации с применением мер международного давления на суверенное государство растворяется правовой принцип соразмерности. Соразмерность требует, чтобы ответные меры не были чрезмерными, однако оценить ее в условиях экономических и политических санкций крайне сложно.

Легитимность и законность односторонних мер, получивших в последние десятилетия широкое распространение, ставят вопрос об их соответствии международному праву. Такие меры часто носят

внесудебный характер и нарушают принципы суверенного равенства и невмешательства.

В формате влияния на государственный суверенитет одна из теоретических задач требует алгоритма решения парадокса, отражающего двойственную природу этих мер. Инструменты давления могут рассматриваться как средство защиты суверенитета (ответ на внешнее вмешательство) или, наоборот, как форма его нарушения.

В заключение следует отметить, что в международных отношениях реторсии, репрессалии и санкции никогда не были чистыми правовыми конструкциями. Это подтверждается столетиями их применения, при котором формально-юридические аргументы, как правило, отражают политические интересы и идеологические противоречия. В случае допустимости сторонам апеллировать к нормам, которые оправдывают ее действия без учета правовой квалификации мер надгосударственного давления на суверенную страну, дихотомия права и политики становится особенно острой. Понимание этой дихотомии необходимо для оценки любых мер давления на государство, суверенитет которого, права и законные интересы его граждан, должны быть защищены нормами международного права.

Список литературы:

1. Виноградова, Е.В. Октроированные конституции первой половины XIX века как элемент эволюции самодержавной власти / Е.В. Виноградова // Государство и право. – 2025. – № 12. – С. 173–183.

2. Виноградова, Е.В. Конституционная дипломатия Российской империи: историографический анализ правовых инструментов влияния на Европу в XIX веке / Е.В. Виноградова // Ex jure. – 2026. – № 1. – С. 16–26.

3. Жуков, В.И. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена : монография : в 2 т. / В.И. Жуков. – Т. 1. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН ; Алгоритм, 2022. – 709 с.

4. Жуков, В.И. Российская цивилизация: историко-правовой анализ феномена : монография : в 2 т. / В.И. Жуков. – Т. 2. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН ; Алгоритм, 2022. – 604 с.

5. Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент : монография / под общ. ред. А.И. Александрова. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2024.

6. Виноградова, Е.В. Правовая государственность – Terra Promissionis : монография / Е.В. Виноградова, И.Л. Данилевская-Урбанова, Г.С. Патюлин, М.В. Раттур. – М. : Ритм, 2023. – 218 с.

7. Савенков, А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации : монография / А.Н. Савенков. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН ; Проспект, 2020. – 446 с.

8. Савенков, А.Н. Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть 1) / А.Н. Савенков // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 17–43.

9. Чупина, Г.А. Нужна ли России общенациональная идеология? / Г.А. Чупина, В.И. Шерпаев // Российский юридический журнал. – 2008. – № 4 (61). – С. 7–22.

10. Кононова, К.О. «Коллективные контрмеры»: к вопросу о правомерности их существования и векторе развития в международном праве XXI века / К.О. Кононова // Международное публичное и частное право. – 2010. – № 6. – С. 13–16.

11. Черниченко, С.В. Теория международного права : в 2 т. – Т. 1. Современные теоретические проблемы / С.В. Черниченко. – М. : НИМП, 1999. – 336 с.

12. Лукашук, И.И. Право международной ответственности / И.И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.

В.В. Еремян,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы

V.V. Eremyan,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Constitutional Procedure of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (Patrice Lumumba)
eremyan-vv@rudn.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-160-182

ДИАСПОРА КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: *статья посвящена тенденциям негативного характера, наблюдаемым в государствах Европейского союза, «сообщества» в целом и отдельных «претендентов» на вступление в его состав в частности, одной из которых постепенно становится диаспора, в той или иной степени олицетворяющая собой институализацию господствующей на уровне наднациональных элит в лице перманентно деградирующей брюссельской бюрократии и ее окружения идеологии мультикультурализма, толерантности и политкорректности, с помощью которой интенсифицируется не только трансформация гражданского общества, основанного на христианских ценностях, индивидуальном и коллективном самосознании, но и процесс десуверенизации, отказа от идентичности, направленный на формирование в краткосрочной перспективе качественно нового человека, не обремененного исторической памятью, культурой, религией и традициями.*

Ключевые слова: *диаспора, либеральная демократия, деградация, государственный суверенитет, национальная идентичность, кризис.*

DIASPORA AS A DESTABILIZING FACTOR IN THE POLITICAL PROCESS

Abstract: *the article is devoted to the negative trends observed in European Union member states, the «community» as a whole, and certain «candidates» for joining the union. A diaspora is gradually becoming one of such trends, embodying, to some extent, the institutionalization prevailing at the level of supranational elites in the permanently degrading Brussels bureaucracy and its surrounding ideology of multiculturalism, tolerance and political correctness, which intensifies not only the transformation of civil society based on Christian values, individual and collective self-awareness, but also the process of desovreignization, the rejection of identity, aimed at the formation in the short term of a qualitatively new person, not burdened with historical memory, culture, religion and traditions.*

Keywords: *diaspora, liberal democracy, degradation, state sovereignty, national identity, crisis.*

Тенденции последних лет, наблюдаемые в Европейском союзе и других государствах коллективного Запада, наводят на мысль, что цивилизация, так или иначе ассоциируемая с либеральной демократией, переживает не самые с исторической точки зрения лучшие времена: она находится на этапе, в рамках которого ее ожидают трансформации фундаментального характера.

Избирательные кампании 2024 и 2025 гг. (речь, в частности, идет об одном из «новых» членов Европейского союза – Румынии и «кандидате» на вступление в сообщество – Молдавии) со всей очевидностью продемонстрировали тот факт, на который в силу целого ряда причин было не принято обращать должного внимания, что *процесс деградации* системообразующих институтов не только вступил в активную стадию, но и начинает приобретать специфические черты и свойства, ранее в большей либо меньшей степени не характерные для стран, позиционирующих себя (справедливо или нет, фундаментального значения не имеет) в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания». Причем если в первом случае действия, направленные на изменение неблагоприятных результатов голосования, были инициированы наднациональной бюрократией в лице соответствующих брюссельских чиновников (в итоге конституционный суд, стремясь не допустить победы одного из кандидатов, несколько раз менял свои решения, что можно рассматривать как проявление фиктивного характера суверенитета), то во втором случае был актуализирован *механизм* так называемой *диаспоры*, феномен которой вышел за рамки традиционного представления о «структурах» подобного рода. Вне всякого сомнения, граждане и подданные, не лишенные компетентными органами права избирать и быть избранными, не находящиеся по каким-то причинам в день голосования в пределах территории страны, должны иметь возможность отдать голос за кандидата в депутаты или президенты, а государство, в свою очередь, должно предоставить таким избирателям (при условии, что конституцией и законодательством не предусмотрено иное) возможность легальным и наиболее эффективным образом реализовать это право, не выводя тем самым часть дееспособного населения из сферы политического процесса. При этом в одной из бывших «советских республик», фактически утратившей субъектность и суверенитет и стремящейся стать частью Европейского союза, был создан прецедент (впервые апробированный при выборах президента и не менее успешно реализованный при формировании депутатского корпуса): как, не ограничивая избирательных прав и не нарушая электоральных процедур с фор-

мально-юридической точки зрения, можно проигнорировать всех тех, чьи голоса могли бы существенным образом повлиять на итоговые результаты, и не дать правящей элите сохранить в своих руках всю полноту власти. Перед нами, как ни парадоксально, ситуация, при которой «внешне» все легитимно и не противоречит ни национальному законодательству, ни наднациональным нормам и правилам, согласно которым граждане имеют право проголосовать как по месту жительства, так и по месту регистрации, в том числе в комиссиях, сформированных для этих целей за рубежом. В контексте таких существенных факторов, как численность, компактность проживания, социальная активность и мобильность «гипотетического электората», в ситуациях подобного рода принципиальное значение имеет общее количество избирательных комиссий, действующих в конкретном государстве, т.к. в одних случаях может иметь место их ничем не оправданное увеличение (например, в Европейском союзе), а в других – ничем не оправданное ограничение (как в Российской Федерации), вызванное «экстраординарными» причинами политического характера. Мало кто (!?) предполагал, что это обстоятельство приобретет решающее значение.

Итоги не заставили себя ждать: не набрав большинства на национальном уровне, компрадорские правящие элиты, акцентировав внимание на диаспоре, активно использовав административный ресурс, механизмы идеологического, финансового и иного воздействия, сумели получить необходимый результат, хотя и не превышавший статистической погрешности (проценты никого, судя по всему, вообще не интересовали, главное – была соблюдена процедура, один из важнейших критериев, с точки зрения апологетов либеральной демократии), но тем не менее позволивший сохранить власть в руках сторонников вхождения страны в Европейский союз. Коллизия, свидетельствующая об актуализации в новом качестве института, известного в течение нескольких столетий как один из легальных инструментов адаптации иммигрантов к условиям жизни вне пределов традиционной практики общественных отношений, налицо, что не может не вызывать вопросов, обусловленных, помимо прочего, системным кризисом «западной» модели демократии и фиктивным характером многого из того, с чем ассоциируются декларации учредительных документов о правах и свободах человека и гражданина. Аналогичные проблемы возникают и в тех случаях, когда вопрос стоит о двойном гражданстве, при котором физическое лицо обладает избирательным правом, несмотря на место проживания и иные требования, вытекающие

из статуса «источника и носителя власти». Не секрет, что «гражданство» и «подданство» с конституционно-правовой точки зрения относятся к категории важнейших, системообразующих институтов, лежащих в основе формы политического режима и характера взаимодействия широких слоев населения и публичных учреждений, в связи с чем со стороны правящих элит к ним традиционно проявляется повышенное внимание, прежде всего в контексте регламентации правового положения отдельных социальных групп. С учетом отмеченной особенности (кандидатом на должность президента выступает не кто иной, как гражданин другого государства) не может не вызывать недоумения тот во многом беспрецедентный факт, что набрать необходимый минимум голосов удалось лишь за счет избирателей, находившихся на момент проведения выборов за рубежом. Парадокс состоит в том, что, несмотря ни на что, результаты голосования были признаны легитимными.

Феномен диаспоры как весьма *специфического субъекта* политического процесса, благодаря которому у правящих – национальных и наднациональных – элит в лице партийной и управленческой бюрократии появилась легальная, в целом не противоречащая законодательству возможность манипулировать той частью электората, которая в силу каких-либо причин находится вне пределов территории страны, стал своего рода джокером в руках сторонников отказа от государственного суверенитета и вхождения в состав Европейского союза, в том числе с учетом того немаловажного факта, что подавляющее число тех, кто предпочел отдать свои голоса в пользу представителей европейского пути развития, постоянно проживая или находясь с целевым назначением в одном из государств сообщества, не утратило соответствующих прав и свобод, de jure гарантированных конституцией. Перед нами проявление абсолютизации того, что входит в классическое, «книжное» понятие «источник и носитель власти», где существенное значение имеет ценз оседлости и его интерпретация.

Акцентируя внимание на цензе оседлости и возможных вариантах его интерпретации (в том числе в виде различных *открепительных документов*, предоставляющих право в случае отсутствия гражданина в день выборов там, где он зарегистрирован либо непосредственно проживает, проголосовать по месту своего пребывания на текущий момент), следует особо подчеркнуть, что исторически «проблема оседлости» вызывала повышенный интерес, причем не только в контексте *легитимации* итогов голосования, но и *персонификации* лиц, получивших определенный процент голосов

избирателей, необходимый для занятия соответствующей должности[1]. Более того, нельзя не учитывать того обстоятельства, что ценз оседлости в течение длительного периода имел *обязательный* характер, постепенному (и, судя по всему, целенаправленному) отказу от которого способствовали пропорциональная система и партийный принцип формирования списков кандидатов в депутаты, при которых какой-либо территориальный аспект выдвижения претендентов терял всякий смысл. При значительном доминировании в рамках современного парламентаризма пропорциональной модели, где персональный состав «соискателей» нередко обезличен (за исключением тех функционеров, которые в перспективе должны стать членами однопартийного или коалиционного правительства), еще более абсурдным и невыполнимым на практике выглядит *императивный мандат*, характерный для советской системы представительных институтов публичной власти, включающий в себя *наказы избирателей* и *отзывы депутатов*, по тем или иным причинам утративших поддержку и доверие со стороны населения территориального округа. О какой утрате доверия может идти речь, если «источник и носитель власти» и «избранник народа» не только на период голосования, но и в течение всего срока депутатских полномочий проживают, не контактируя друг с другом, в разных государствах? Вопрос риторический, учитывая тот факт, что «избранник народа» представляет в законодательном органе или в одной из его палат политическую организацию, членом которой он является, а не население (идентичная ситуация имеет место и в масштабах Европейского союза – при формировании наднационального парламента). Мы намеренно оставляем за скобками те страны, где, в том либо ином виде до сих пор при избрании депутатов используется мажоритарная модель, но и в этом случае электорат не обладает возможностью отозвать своих представителей, в том числе по причине отсутствия у них императивного мандата[2].

Исходя из того существенного обстоятельства, что любая – даже самая массовая – политическая организация (как организационно

[1] Подчеркнем, что гражданство и ценз оседлости изначально имели важнейшее значение при формировании представительных органов власти Соединенных Штатов. Так, разд. 2 ст. I Конституции Соединенных Штатов 1787 г. декларирует: «…Ни одно лицо не может стать представителем (то есть членом Палаты представителей федерального Конгресса. – *В.Е.*), если оно не достигло возраста двадцати пяти лет и не было в течение семи лет гражданином Соединенных Штатов, и не является во время проведения выборов жителем того штата, от которого оно избирается…». В свою очередь, в разд. 3 говорится: «…Ни одно лицо не может быть сенатором, если оно не достигло возраста тридцати лет и не было в течение девяти лет гражданином Соединенных Штатов, и не является во время проведения выборов жителем того штата, от которого оно избирается…» [1, с. 113].

[2] Например, в ст. 27 действующей французской Конституции читаем: «…Всякий императивный мандат является недействительным» [1, с. 240].

оформленная, так и организационно не оформленная) имеет поддержку со стороны всего лишь незначительного процента дееспособного населения и тем самым не отражает de facto интересов той части гражданского общества, которая придерживается иных, в том числе мировоззренческих, взглядов на процесс государственного строительства, одной из тенденций которого на современном этапе является деградация широкого спектра общественных отношений, нельзя не признать следующего: как непосредственная, так и представительная демократия в их либеральной интерпретации уже не ассоциируются с базовыми принципами и политическими декларациями, закрепленными в учредительных документах и конституционных актах периода первых буржуазных революций, в связи с чем на авансцену выходят всевозможные суррогатные формы, как правило, ничего общего не имеющие с классическими институтами народовластия. На фоне депопуляции, дехристианизации и перманентной исламизации автохтонного населения целого ряда стран, входящих в Европейский союз, и активизации – с ускорением и интенсификацией – иммиграционных процессов одной из них необходимо воспринимать диаспору, трансформировавшуюся из политически нейтральной частноправовой структуры, первоначально призванной тем либо иным образом способствовать менее болезненному приспособлению народов и этносов, прибывавших на континент из других регионов мира, в том числе из бывших колоний, доминионов и подмандатных территорий, к «условиям» жизни, диссонировавшим с их нормами, ритуалами и правилами поведения, в публично-правовой инструмент нового типа, с помощью которого правящие элиты и аффилированные с ними финансовые и промышленные группировки получили возможность оказывать прямое или опосредованное воздействие на ход президентских и парламентских выборов. Параллельно возникает вопрос, ответ на который не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд: должен ли «источник и носитель власти», постоянно находящийся за границей в течение достаточно длительного времени, соблюдать конституцию, законодательство, административные и судебные акты своего государства, не являющегося членом Европейского союза, если они противоречат документам страны пребывания и сообщества в целом, при условии, что юридически он не наделен статусом двойного гражданства? Обладает ли лицо, проживающее на территории другого государства, пассивным избирательным правом, иными словами, может ли оно «претендовать на мандат» депутата и президента при соблюдении требований, необходимых для выдвижения на соответствующую должность, или

в этом случае ценз оседлости будет иметь решающее значение для его реализации, прежде всего в тех ситуациях, когда «соискатель» de facto имеет двойное гражданство, что гипотетически позволяет одновременно стать «избранником народа» в каждом из государств, что абсурдно по определению? В итоге мы имеем весьма «своеобразную» электоральную картину: в одной из бывших «советских республик» и президент, и часть депутатского корпуса не только имеют двойное гражданство, но были конституированы благодаря так называемой диаспоре, т.е. теми, кто голосовал вне пределов страны.

Избирательные комиссии, создаваемые за рубежом, формируются, как правило, на базе посольств, консульских и иных учреждений, на территорию которых распространяется государственный суверенитет. Тем не менее есть ли основания рассматривать их с точки зрения материализации ценза оседлости, позволяющего дееспособным гражданам, длительное время проживающим за границей или находящимся там с целевым назначением, зарегистрироваться в качестве избирателя[1], олицетворяющего собой полноценного «источника и носителя власти»? Исходя из того объективного факта, что общее количество помещений, находящихся под юрисдикцией представительств, ограничено, не выходит за рамки соответствующих соглашений и не может быть произвольно, т.е. увеличено по собственной инициативе, встает не вызывающий каких-либо сомнений вопрос: какие критерии легли в основу того, что на территории ряда стран Европейского союза, вне зависимости от реальной численности тех, кто находился в них в период подготовки и проведения выборов, были образованы избирательные комиссии (в связи с этим немаловажное значение имеет состав и профессиональная подготовка членов, с учетом того, что гипотетически в их работе мог быть задействован весь без исключения персонал как посольства, так и консульства одной из бывших «советских республик»), предназначенные для голосования той части электората, которая в силу тех или иных причин не могла вернуться на Родину и воспользоваться своим активным избирательным правом? Можно, безусловно, на тер-

[1] Нормативно-правовые документы крупнейших европейских демократий традиционно придают данному институту фундаментальное значение. Так, в британском Акте о народном представительстве 1918 г., в котором женщины *впервые в истории этой страны* получили активное избирательное право, в ст. 1 закреплялось: «… 1. Мужчина будет иметь право зарегистрироваться в качестве избирателя при выборах в парламент… если он достиг совершеннолетия, не ограничен в правах и а) имеет требуемую оседлость… 2. Имеет требуемую оседлость… мужчина, который а) проживает в последний день квалификационного периода на территории округа… б) проживал в округе весь квалификационный период…» [1, с. 216].

В свою очередь, в ст. 6 французской Конституции Четвертой республики 1946 г. говорится: «…Обе палаты (на тот момент парламент страны состоял из Национальной ассамблеи и Совета республики. – *В.Е.*) избираются на территориальной основе…» [1, с. 232].

ритории посольства создать два участка и тем самым ограничить количество желающих принять участие в голосовании, как это было сделано, в частности, в Российской Федерации (где на несколько сотен тысяч избирателей, находящихся в пределах страны, было подготовлено всего десять тысяч бюллетеней), тем более если речь непосредственно идет о сторонниках оппозиционных движений и политических организаций. В то же время в Европейском союзе на большинстве участков не появилось ни одного избирателя, решившего отдать свой голос в поддержку кандидата от правящей элиты, поэтому для создания видимости массовой и ажиотажной активности пришлось актуализировать пресловутые «карусели», подкуп, прочие формы и методы вовлечения «несознательных граждан» в электоральный процесс. Это и позволило в итоге получить необходимый результат – избрать президентом лицо, имеющее гражданство другого государства, а затем повторить подобное при формировании депутатского корпуса, при том что от второго гражданства никто и не думал отказываться ни до, ни после выборов.

Как ни странно, но «проблема гражданства» как одного из важнейших критериев пассивного избирательного права не представляет собой какого-то специфического, тем более уникального явления, в целом не характерного для государств либеральной демократии, где этот вопрос четко регламентирован и на уровне норм конституционного права, и в рамках законодательства. В то же время нельзя не признать, что в странах англосаксонской традиции имеют место особенности[1], не наблюдаемые в континентальной Европе. Например, согласно Акту о британском гражданстве (в редакции Акта о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г.) для юридического обозначения института гражданства (подданства) используются не один, а два термина – nationality (*национальность*) и citizenship (собственно *гражданство*). Первый из них[2] является более объемным и обозначает устойчивую правовую связь человека не только с Соединенным Королевством, но и с Британским Содружеством, в своем статусе сочетающим черты международно-правового и государственно-правового характера, включающим, помимо Великобритании, ряд ее бывших колоний и доминионов. При этом следует учитывать, что под nationality не понимается национальность в ее, так сказать, этническом значении, т.к. указанная дефиниция рассматривается шире – как аналог понятия «гражданская общность». Термин citizenship

[1] Это во многом обусловлено статусом «колониальной империи», последствия которой, вызванные массовым наплывом иммигрантов из бывших «заморских территорий», нашли отражение во внутренней политике.

[2] Подчеркнем, что аналогичная модель действует на настоящий момент и в Соединенных Штатах.

квалифицирует устойчивую правовую связь человека непосредственно с Соединенным Королевством и его «зависимыми» территориями. В узком смысле лиц, обладающих гражданством, законодатель дифференцирует на граждан Соединенного Королевства, граждан британских «зависимых» территорий и заморских британских граждан. Всем комплексом прав и свобод обладают граждане (подданные) Соединенного Королевства, в частности, только они имеют право въезда в страну, пассивное избирательное право, наконец, их недопустимо депортировать. Юридическое значение всех остальных видов гражданства заключается в том, что оно дает несколько более высокий правовой статус, чем статус иностранцев, – активное избирательное право при условии постоянного проживания на территории страны, льготные условия въезда, усложненный порядок депортации, является основанием для упрощенного порядка приема в гражданство Соединенного Королевства [2, с. 353–356]. До выхода из состава Европейского союза на территории Туманного Альбиона[1] действовало «гражданство сообщества», согласно которому гражданам других государств сообщества, помимо свободного въезда, предоставлялось активное избирательное право при формировании органов местного самоуправления[2].

Приобретение гражданства или подданства (речь идет о натурализации, т.к. филиация при соблюдении соответствующих требований, в том числе обусловленных «принципом крови» или «принципом почвы», устанавливает устойчивую правовую связь с государством с момента рождения человека), дающих право избирать и быть избранным, представляет собой механизм, с помощью которого правящая элита регулирует за счет притока иммигрантов не только рост численности населения, но и его «качество», поскольку приоритет в подавляющем большинстве случаев отдается лицам с высшим образованием и профессиональной подготовкой, особенно в тех сферах экономики и науки, где прежде всего в силу объективных причин перманентно ощущается острая нехватка национальных кадров. В то же время следует учитывать и факты, так сказать, *политической необходимости*, благодаря которым приобретение гражданства, причем в ускоренном режиме, было вызвано стремлением тех, с кем ассоциировались правящие элиты и аффилированные с ними финансовые и промышленные олигархические группировки, убрать правовые

[1] Договор об образовании Европейского союза был ратифицирован Соединенным Королевством в конце 1993 г.

[2] Кроме того, особым юридическим статусом на территории Соединенного Королевства наделены граждане Ирландской Республики: при условии удовлетворения установленным электоральным цензам они обладают активным избирательным правом при проведении выборов всех уровней.

ограничения с физических лиц, претендующих на статус, позволяющий быть избранным на должность главы государства или депутата высшего законодательного органа. Исторической иллюстрацией может служить «ситуация», возникшая в начале 1932 г. с будущим фюрером германской нации, решившим баллотироваться в президенты, не имея гражданства Веймарской республики[1], что лишало его даже гипотетической возможности стать «представителем народа». С целью преодоления данной конституционно-правовой коллизии была осуществлена следующая «махинация»: в конце февраля 1932 г. видный член Национал-социалистической партии, занимавший в то время пост министра внутренних дел земли Брауншвейг, назначил Адольфа Гитлера, австрийского гражданина, атташе при правительстве земли в Берлине. С помощью столь сомнительной, в первую очередь с юридической точки зрения, «операции» он автоматически становился гражданином Брауншвейга, а следовательно, и Германии, в связи с чем получал право баллотироваться в депутаты или президенты [3, с. 188–190]. Подобным образом через несколько десятилетий поступили и правящие элиты (вернее, их «внешние кураторы») бывших прибалтийских советских республик, когда государства возглавили лица, до этого не только являвшиеся «иностранными» гражданами, но и не соответствовавшие такому фундаментальному критерию, как ценз оседлости[2]. И это ни у кого не вызвало возражений или вопросов.

[1] Полное название Германская империя, где слово «империя» буквально обозначало «государство» (das Reich). Конституция, принятая 11 августа 1919 г., именовалась Веймарской в связи с тем, что местом ее принятия в силу сложной внутриполитической ситуации был город Веймар, а не столица страны Берлин. В ст. 21 Отдела второго, регламентировавшего статус Рейхстага – высшего органа законодательной власти, говорилось о том, что «императивный мандат» не предусмотрен: «…Депутаты являются представителями всего народа. Они подчиняются только своей совести (обратим внимание на тот факт, что депутаты в своей деятельности подчиняются не конституции и закону, а «своей совести». – *В.Е.*) и не связаны мандатом…» [1, с. 251].

[2] В контексте тех тенденций, которые достаточно отчетливо наблюдаются в этом регионе, нельзя не признать того факта, что в указанных странах русофобия и ущемление прав русскоязычного населения приобретают во многом беспрецедентный характер, тем не менее брюссельская бюрократия, «зараженная» русофобией, и de facto, и de jure в подавляющем большинстве случаев игнорирует данную проблему. Причин здесь несколько (исторических, идеологических, мировоззренческих), однако важнейшей из них, на наш взгляд, является не что иное, как стремление доказать коллективному Западу свою «западную» идентичность: «…в простом отождествлении Восточной Европы с Западом есть нечто ложное, – констатирует известный современный французский историк и социолог Эммануэль Тодд, – и опять же неаутентичное. Интеграция в Европейский союз этих стран, пусть и демократизированных… не была добавлением к западноевропейским национальным государствам похожих на них восточноевропейских национальных государств. Напротив, в Западную Европу были привнесены общества с разной историей, и они остаются таковыми по сей день, а в некоторых регионах эти различия только усилились. Взрыв русофобии, сопровождающийся стремлением вступить в ЕС и НАТО, отнюдь не выражает подлинной близости к Западу, а равнозначен отрицанию исторической и социальной реальности…». Говоря о причинах ненависти ко всему русскому, цитируемый автор отмечает: «…упорная русофобия бывших народных демократий может быть просто результатом неосознанного, неприемлемого, недопустимого и подавляемого исторического долга перед бывшим оккупантом» [4, с. 111, 113].

В контексте феномена, с которым мы ассоциируем диаспору в качестве одного из специфических субъектов избирательного процесса (особенно если наглядным примером является колониальная империя, утратившая подобный статус, последствия которого с течением времени не могли не отразиться и на этнической составляющей современного общества, в большей либо меньшей степени не отвечающего критериям автохтонности и однородности), нельзя не обратить внимания на практическую реализацию таких «базовых ценностей», как толерантность, мультикультурализм и политкорректность, опосредованно связанных с иммиграционным процессом и ассимиляцией выходцев из стран третьего мира в условиях жизни вне рамок национальных традиций, правил и норм коллективного и индивидуального поведения. Особенно отчетливо это прослеживается в Соединенном Королевстве, где представители некоренного, цветного, населения давно рассматриваются составным элементом партийной, парламентской и управленческой элиты: «Англия была белой протестантской страной с белым протестантским правящим классом, – подчеркивает в одном из исследований французский историк и социолог Эммануэль Тодд, – нацией, родившейся из противостояния католицизму и основавшей свою империю на молчаливом убеждении в превосходстве белых (и, конечно, протестантов)[1] людей. Мы можем одновременно радоваться[2] тому, что британский расизм исчез… и спрашивать себя, что представляет собой исторический объект под названием Соединенное Королевство теперь, когда им больше не управляют исключительно белые протестанты» [1, с. 172–173]. Исходя из того факта, что метрополия за последние десятилетия пережила с различной степенью интенсивности и качества несколько иммиграционных волн (их можно воспринимать своего рода *отличительной чертой* процесса трансформации коренного населения), нельзя не признать, что англосаксонский «плавильный котел» в итоге сумел встроить, не без издержек, чужеродный этнический и религиозный элемент в систему экономических, социальных, культурных и политических отношений, что не может не свидетельствовать о фундаментальных изменениях характера и сфер взаимодействия общества и государственной власти.

Вместе с тем, говоря об изменениях, наблюдаемых в последние годы в структуре правящей элиты и ее ближайшего окружения, нельзя не учитывать одного существенного обстоятельства, характерного для

[1] Позднее это нашло свое отражение и в «заморских территориях», прежде всего в Соединенных Штатах, о чем мы неоднократно писали, оценивая период рабовладения и позднейшую сегрегацию.
[2] На наш взгляд, вывод чрезмерно оптимистичный, если учитывать реальную ситуацию в стране.

англосаксонской – de facto колониального и постколониального периодов – практики подготовки тех, кто со временем станет составной частью политического класса Соединенного Королевства и бывших колоний, выбравших путь самостоятельного развития: «Чернокожие, азиатские и этнические меньшинства… составляют всего 7,5 % населения Великобритании[1], но очевидно, – предполагает Эммануэль Тодд, с мнением которого следует согласиться, – что символически они представляют большее число представителей политического класса. Чтобы более детально рассмотреть их место в британском обществе, давайте обратимся к высшему образованию, которое в значительной степени определяет средний класс в развитых обществах. Мы не будем далеко отходить от политики. Прошли те времена, когда в Великобритании, как и в других странах бывшей либеральной демократии, рабочие заседали (имеется в виду, видимо, палата общин, т.к. представить что-то подобное, применительно к палате лордов, проблематично по многим причинам, в том числе учитывая механизм формирования верхней палаты и наследственный, аристократический характер статуса части членов. – *В.Е.*) в парламенте. Теперь, чтобы попасть в политику[2], требуется высшее образование, пусть и в деградировавшем состоянии. В 2019 году вероятность, что молодой белый англичанин получит высшее образование, составляла 33 %, чернокожий – 49 %, а азиаты – 55 %. Причем среди этих азиатов, к которым в основном относятся люди индийского или пакистанского происхождения[3], вероятность получения высшего образования для людей китайского (фактор, в силу целого ряда причин, достаточно объективный для сегодняшнего дня. – *В.Е.*) происхождения составляет 72 %...» [4, с. 173]. В итоге тенденции подобного рода не могли – прямо или косвенно – не отразиться на *постепенном вытеснении*

[1] Подчеркнем, что в данном случае цитируемый автор имеет в виду только тех, кто родился на территории Соединенного Королевства и является подданным.

[2] Изменение «цветовой» палитры политического класса во многом обусловлено спецификой взаимодействия британской правящей элиты и представителей национальных и этнических меньшинств бывших колоний, в рамках которого диаспора в течение длительного периода играла существенную роль, более того de facto ее вес и значимость перманентно возрастали: «…В последние годы в Соединенном Королевстве наблюдается удивительное окрашивание политики на самом высоком уровне. Взять хотя бы канцлера казначейства, вторую по значимости должность в правительстве. В Великобритании она является более престижной, чем пост министра экономики и финансов во Франции… В последние годы этот пост занимали представители этнических меньшинств: в июле 2019 года – Саджид Джавид, пакистанского происхождения, в феврале 2020 года – Риши Сунак, премьер-министр, индийского происхождения, затем в июле 2022 года – Назим Захави, курдского происхождения, которого в сентябре 2022 года сменил… Квази Квартенг (выходец из Ганы в составе кабинета премьер-министра Лиз Трасс. – *В.Е.*)» [4, с. 170]. Аналогичные процессы протекают не только на национальном уровне, но и в других регионах страны.

[3] Иллюстрация того факта, что выходцы из Вест-Индии, прежде всего представители компрадорской элиты, сумели с максимальной выгодой для себя и своих диаспор адаптироваться к условиям жизни в Соединенном Королевстве и встроиться политическую систему бывшей метрополии.

(о чем свидетельствует состав партий, традиционно представленных в нижней палате британского парламента) из политического процесса автохтонного – белого – населения, отражением чего все более отчетливо являются выборы, в результате которых формируется этнически неоднородный кабинет.

По существу, уже ни для кого не является «откровением» тот факт, что Соединенное Королевство (в некоторых государствах, прежде всего бывших метрополиях, входящих в Европейский союз, наблюдаются «сопоставимые» деструктивные процессы[1]) утрачивает *национальную идентичность*, в связи с чем есть основания говорить, что диаспора в широком смысле этого слова не только приобретает новое качество, обусловленное процессом деградации как правящей элиты, так и политического режима в целом, но и становится тем фундаментальным фактором, от которого будет зависеть в каком направлении – еще большего загнивания либо институциональной (с целенаправленным и последовательным воссозданием утраченных элементов «надстройки», в том числе традиционных ценностей) трансформации – пойдет развитие страны, не сумевшей адекватным образом отреагировать на те изменения, которые были в большей или меньшей степени связаны с массовой иммиграцией выходцев из бывших колоний и подмандатных территорий (в этом случае речь не идет о представителях компрадорских элит), не желавших адаптироваться к чуждым нормам и правилам поведения. Если в начале иммиграционного процесса, так или иначе связанного с притоком в Европу дешевой рабочей силы, выходцы из стран третьего мира в своей основной массе не только стремились, но и пытались встроиться в британское, французское, бельгийское, нидерландское общество, преимущественно без каких-то проблем воспринимая юридические, гендерные и этические требования, предъявляемые к ним, то на современном этапе преобладают меркантильные или иждивенческие тенденции, вызванные как нежеланием приспосабливаться к «требованиям дня», так и стремлением получить от метрополии «долги», оставшиеся от колониального периода. Нет и тени намека на то, чтобы отказаться от традиционного, нередко архаичного, патриархального мировоззрения, диссонирующего с правилами, ритуалами и нормами коллективного и индивидуаль-

[1] Достаточно, например, посмотреть на состав национальных сборных по футболу и другим видам спорта, чтобы сделать неутешительный вывод, что процессы, наблюдаемые в политике и высшем образовании, не говоря уже о католицизме или протестантизме как государственных религиях ряда стран, затронули многие сферы общественных отношений, что свидетельствует если не о крахе, то о системно-институциональном кризисе евро-атлантической цивилизации в рамках и англосаксонской, и романо-германской традиции.

ного поведения коренного населения, наоборот, диаспора de facto *навязывает* автохтонному обществу *собственные представления* о браке, семье, взаимоотношениях мужчины и женщины, тем самым создавая альтернативные формы коммуникации, среди которых одной из важнейших становится диаспора: именно в рамках институтов подобного – социального, культурного – рода *интенсифицируется процесс дезинтеграции* общества по этническому и религиозному признаку, с учетом которого нельзя не признать того, что в ближайшей перспективе о европейской цивилизации, перенасыщенной чуждой идентичностью, можно будет говорить лишь с точки зрения исторической ретроспективы, не более. В результате деградации, судя по всему, системообразующие институты приобретут такие черты и свойства, которые не будут отвечать базовым ценностям и требованиям, ассоциируемым с парламентской демократией и принципами, присущими либеральной модели в ее «западной», в том числе европейской, интерпретации.

Говоря об интенсификации процессов депопуляции, дехристианизации и исламизации, имеющих место в Соединенном Королевстве и государствах, входящих в Европейский союз (в принципе, это относится ко всем странам, где иммигранты в силу целого ряда объективных, прежде всего экономических, причин предпочитают вести оседлый, нередко паразитический образ жизни, как правило, не стремясь стать частью гражданского общества), отражением которого являются качественные изменения в структуре правящей элиты и ее ближайшего – партийного, бюрократического – окружения, нельзя не обратить внимания на факт *перманентного сокращения рождаемости* среди коренного населения (выводя за скобки причины, обусловленные гендерной проблемой, тесно связанной с институтом квотирования мест в органах законодательной и исполнительной власти за представителями всевозможных меньшинств и их сообществ), что оказывает прямое или косвенное воздействие на характер тех тенденций, в рамках которых диаспора начинает играть активную и все более существенную роль, со всеми вытекающими из этого последствиями. Хотят ли иммигранты стать частью британской, французской, германской, любой иной европейской нации – вот вопрос, от ответа на который в итоге будет зависеть, сохранится или нет суверенная государственность национального типа, одной из базовых основ которой выступает либеральная демократия, не отвечающая «требованиям дня», теряющая актуальность и мобильность, приобретающая – причем все более отчетливо – черты олигархических тоталитарных режимов?

Тот факт, что либеральная демократия находится в кризисе, не вызывает у нас никаких сомнений, несмотря на возражения со стороны «апологетов», о чем свидетельствуют, помимо всего прочего, процессы, тем или иным образом связанные с трансформацией диаспоры как олицетворения и овеществления фундаментальных тенденций, наблюдаемых в государствах, ассоциирующих себя с народовластием и выступающих в качестве «примера для подражания». И, как ни странно, мы не одиноки в своих обобщениях, т.к. в Европейском союзе время от времени звучат голоса тех исследователей, в работах которых встречается весьма жесткая критика того, с чем принято идентифицировать демократию в ее либеральной интерпретации: «…Идея западной демократии, находящейся в терминальном кризисе, – констатирует французский историк Эммануэль Тодд, оценивая масштаб проблемы, – ни в коем случае не является эксцентричной или маргинальной; она распространена и принимается, хотя и с нюансами, значительным числом интеллектуалов и политиков. Попробуем определить типичный идеал этого демократического разложения. Для этого нам нужно сначала определить типичный идеал либеральной демократии или, если говорить скромнее, кратко описать его. Он имеет форму национального государства, где граждане более или менее понимают друг друга, обычно, но не всегда, благодаря наличию общего языка. Выборы проводятся на основе всеобщего избирательного права… Гарантируется партийный плюрализм, свобода слова… Наконец, основополагающей чертой является применение принципа большинства при обеспечении защиты меньшинства» [4, с. 126].

В контексте того, о чем идет речь, языковая проблема (события, так или иначе связанные с наплывом в Европу украинских беженцев, лишь небольшой процент которых стремится не только получить пособие и прочие льготы, но и соответствующим образом встроиться в социальную структуру конкретного государства, изучая с этой целью язык страны пребывания, показывают, что с правоприменительной точки зрения заставить кого-то изучать язык можно de facto только в принудительном порядке), связанная в том числе с нежеланием подавляющего числа выходцев из стран третьего мира, многие из которых вообще не имеют никакого – даже начального – образования, т.е. не умеют ни читать, ни писать, переходить на другой язык общения, в связи с чем роль диаспоры, с одной стороны, приобретает еще более востребованный, системный характер, позволяющий манипулировать общественным мнением, преследуя меркантильные интересы, и оказывать давление на власть,

а с другой стороны, ограничивает возможности публичных институтов воздействовать на ситуацию правовыми методами, тем самым способствуя перманентному углублению кризиса и его постепенному переходу в экстремальную фазу. Для того чтобы государство соответствовало критериям либеральной демократии, как это ни парадоксально на первый, неискушенный взгляд, «недостаточно только четко сформулированных законов. Они должны действовать (причем и в таких суррогатных структурах, как диаспора, функционирующих в рамках этнических, кастовых, религиозных, любых иных территориальных сообществ и общин. – *В.Е.*), быть персонифицированными и воплощаться в жизнь через демократические нравы. Представители, избранные всеобщим голосованием, должны воспринимать себя абсолютным образом как выразителей народа (а не какой-либо политической партии. – *В.Е.*), который их избрал. Что касается соответствия законов с нравственностью, оно… стало возможным благодаря всеобщей грамотности. Если я рассматриваю в возможности читать и писать основу демократии, то не только потому, что грамотность позволяет читать… и выбирать бюллетень для голосования, но и потому, что она воспитывает чувство почти метафизического равенства между гражданами[1]. Чтение и письмо, считавшиеся ранее исключительным делом священников, теперь стали достоянием всех. Кажется, что сегодня, в начале третьего тысячелетия, чувство базового демократического равенства иссякло[2]. Развитие высшего образования привело к тому, что 30 или 40 % одного поколения стали ощущать себя… выше других: массовой элитой – противоречие в понятиях, которое вводит нас во всю странность ситуации» [4, с. 126–127]. Иммиграционный фактор играет в этом процессе если не главную, то решающую роль, т.к. образованному, в том числе с языковой точки зрения, выходцу из стран третьего мира проще адаптироваться к либеральным экономическим условиям и культурному коду, выходящим за рамки традиционных представлений его народа или этноса.

Политический процесс последних лет, одним из важнейших элементов которого являются выборы, свидетельствует о том, что, говоря о Европейском союзе как факторе кризиса суверенной национальной государственности, мы, помимо прочего, должны учитывать следующее: электоральные кампании (в рамках которых

[1] Фиктивный характер равенства проявляется достаточно давно, о чем свидетельствует актуализация во многих либеральных демократиях негативных механизмов типа абсентеизма.

[2] Не исключено, что в результате подобного рода тенденции у значительной части коренного населения стали все более отчетливо проявляться настроения, вызванные не только потерей социального оптимизма, но и кризисом уверенности в «западной» цивилизационной модели.

на «авансцену» вышла диаспора, проявившая себя в качестве одного из *нестандартных аргументов*, использовавшихся правящей элитой в ситуациях, требовавших принципиально новых инструментов воздействия на народ как «источник и носитель власти»), прошедшие за указанный период в бывшей «советской республике» и ряде стран «сообщества», дают основание дифференцировать диаспору в контексте той роли, которая ей «отводится» de facto в избирательном процессе, на две условные разновидности – *внутреннего* и *внешнего* характера. В первом случае (речь идет об этнических, религиозных и прочих диаспорах, функционирующих в пределах территории метрополий) она используется при подготовке и проведении выборов в масштабах страны пребывания выходцев из бывших колоний, во втором – голоса тех граждан, кто в силу каких-либо обстоятельств в период избирательного процесса находился за границей, учитываются наряду с теми, кто постоянно проживает в стране, в итоге способствуя победе той части компрадорского политического класса, который не мыслит себя вне Европейского союза. Тем самым и национальная, и наднациональная элита, опираясь на средства финансовых и промышленных олигархических группировок, готова идти на любые «издержки», прикрываясь демагогией и популизмом, лишь бы сохранить в своих руках реальные рычаги управления обществом, совершенно не задумываясь (более того, игнорируя и выводя за скобки какие-либо сомнения в своей «адекватности») о том, как это воспринимается и оценивается «источником и носителем власти», что говорит не только о деградации правящей элиты, но и о стагнации «парламентской» формы демократии. Не менее фундаментальной проблемой представляется и то, какие инструменты используются заинтересованными в соответствующих результатах сторонами для противопоставления диаспоры и основной массы электората: в одних случаях это коренное белое население и выходцы из стран третьего мира, в других случаях – граждане одного государства, имеющие вариативный правовой статус[1]. Главное – для достижения каких

[1] Кризис либеральной модели политического режима становится более очевидным. До начала специальной военной операции на Украине «наблюдатели видели, что западные демократии подорваны усиливающимся недугом. Эта болезнь противопоставляет друг другу две основные идеологические и ментальные категории – элитизм и популизм: элита осуждает сдвиг народа в сторону ксенофобских правых движений, тогда как народ подозревает элиту в погружении в “бредовый” глобализм. Если народ и элита больше не могут договориться о совместной деятельности, понятие представительной демократии больше не имеет смысла: в результате получается элита, которая больше не хочет представлять народ, и народ, лишенный представительства… Представитель народа, как часть массовой элиты с высшим образованием, не уважает больше людей… и в глубине души, независимо от своей партийной принадлежности, чувствует, что ценности категорий с высшим образованием являются единственно легитимными. Он – один из них, эти ценности – его ценности. Все остальное в его глазах бессмысленно, пусто. Он никогда не сможет предложить какое-либо альтернативное решение…» [4, с. 127–128].

конкретных целей и выполнения каких задач, с учетом перманентного увеличения числа иммигрантов, используют структуры такого рода, как диаспора, представители которых приобретают характер «джокера» в политическом процессе.

В этой связи еще более актуальными являются вопросы (для ответа на которые, помимо прочего, необходимо понять, в результате чего демократия «либерального» типа пришла в итоге к столь плачевному состоянию): на какой стадии деградации находятся в настоящий момент европейское общество и его национальные и наднациональные «элиты»? каковы тенденции, влияющие на интересы и уровни власти различных групп правящего класса? могут ли они в силу тех либо иных причин измениться на противоположные или, несмотря ни на что, продолжат развиваться, иными словами, деградировать, в прежнем направлении? [5, с. 19–31, 365–371] Ситуация, сложившаяся в Европейском союзе (впрочем, как и в Туманном Альбионе[1], не говоря уже о Соединенных Штатах), достаточно наглядно свидетельствует о том, что статус диаспоры, в том числе в контексте конституционно-правовых отношений, в частности избирательного процесса, приобретает значение не только специфического субъекта, но и существенной системной проблемы, способной внести коррективы в те тенденции, которые все более отчетливо проявляются в отдельных государствах «коллективного Запада», традиционно идентифицируемых в качестве «оплота демократии» и «примера для подражания». Скорее всего, это связано с гипертрофированной абсолютизацией прав и свобод человека, в рамках которой политкорректность, толерантность и мультикультурализм приобретают характер непререкаемых –

[1] В начале декабря 2025 г. в одном из изданий Соединенного Королевства была опубликована большая статья, в которой были приведены факты, в целом подтверждающие наши выводы и обобщения. Так, согласно британскому исследованию, проведенному недавно, около 65 % учащихся школ в целом ряде регионов страны вне учебных заведений вообще не говорят по-английски, используя исключительно национальный язык. По информации Департамента образования Соединенного Королевства, 1,8 миллиона школьников в Англии используют дома язык, отличный от государственного. Другими словами, уже каждый пятый ребенок разговаривает дома или на улице не на английском, при этом наиболее распространенными языками общения несовершенных жителей Туманного Альбиона являются урду, пенджабский и, как ни странно, польский. В исследовании отмечается, что больше всего детей и подростков, для которых английский не является родным, проживает в Лондоне. Причем цифры свидетельствуют о том, что если в 2015 г. школьников – не носителей языка – было 1,1 миллиона, то за прошедший период их число возросло до 1,8 миллиона, т.е. рост более чем на 700 тысяч за десять лет. «Английский язык всегда был клеем, – отмечает автор статьи, – который удерживал наше общество вместе, помогая новоприбывшим интегрироваться в жизнь Соединенного Королевства. Но, к сожалению, ассимиляция становится куда сложнее, когда классы многоэтничны и многоязычны, а дети дома не говорят по-английски…». Признается факт перманентного размывания культурной идентичности, одной из основ которой традиционно рассматривался английский язык, в связи с чем констатируется: если данная тенденция сохранится, то через 35–40 лет английский может стать «домашним языком меньшинства» [6].

de jure и de facto – «ценностей», призванных трансформировать европейское общество таким образом, чтобы вместо национально ориентированного (как коренного, так и адаптировавшегося иммигранта) гражданина или подданного создать своего рода человека мира без родины, языка, религии, культуры и мировоззрения, манипулировать индивидуальным и коллективным сознанием которого, судя по всему, не составит большого труда. Нельзя не отметить, что «ценности», приобретающие все более либеральный оттенок, a priori обречены на противодействие со стороны населения тех государств, где к ним относятся с учетом сохранения идентичности, диссонирующей, с моральной и этической точек зрения, с современной европейской идеологической парадигмой.

Для реализации «задачи», имеющей для никем не избираемой и никому не подотчетной брюссельской бюрократии приоритетное значение, в ход идут самые разные экономические, социальные и гендерные инструменты, начиная с депопуляции, дехристианизации и исламизации автохтонного населения, как правило или преимущественно белого, коррупции, расизма (причем не всегда латентного)[1] и заканчивая десуверенизацией стран, входящих в Европейский союз либо претендующих на членство в сообществе. При этом представители политического класса не могут либо не хотят понять того, что без укрепления национальной государственности успешный переход к стадии трансформации Европейского союза в государственное образование нового типа (каким он, по всей видимости, представлялся «отцам-основателям» на стадии актуализации) практически невозможен в силу совокупности причин, т.к., *утрачивая суверенитет*, государство *утрачивает* и свою *идентичность*. Как ни странно, но диаспора, численность которой перманентно увеличивается, служит одним

[1] В одной из «нашумевших» своих работ, написанных десять лет назад (в связи с чем следует отметить, что современная иммиграционная ситуация, со всеми вытекающими последствиями, в Германии и Европейском союзе еще более плачевная), Тило Саррацин, являвшийся на тот момент членом совета директоров Немецкого федерального банка, подчеркивает: «…Культурная задача современной цивилизации и государственности состоит в том, чтобы непобедимые человеческие инстинкты, которые вращаются вокруг территориального принципа и групповой принадлежности, с большим или меньшим успехом встроить в государственные и или надгосударственные организации…. Однако устранение внутренних границ в государственных организациях всегда имело предпосылкой отграничение снаружи, и укрупненное государственное образование было тем стабильнее и сохранялось тем дольше, чем лучше удавалась охрана внешних границ. Они служили не только для защиты от военных вторжений, но и для *контроля притока людей*. Неуправляемый поток мог в любой момент превратиться в угрозу для государственного образования и подорвать стабильность общества… Тем более достойно сожаления, что немецкие политические классы позволяют… диктовать себе позицию по отношению к вопросам миграции. Тем самым они рискуют отдалиться как от ядра проблемы, так и от народа. В других европейских странах положение не… лучше. Растущий приток людей в правые популистские организации (некоторые из которых носят откровенно нацистский характер. – *В.Е.*) во многих европейских странах или, например, референдум по допустимости минаретов, проведенный в Швейцарии, это следствие внеисторичной, наивной и оппортунистической государственной миграционной политики в Европе…» [7, с. 314, 315–316].

из инструментов (в совокупности с мультикультурализмом, толерантностью и политкорректностью, de facto приобретающих, по существу, беспрецедентный по своему статусу характер), позволяющих наднациональной правящей элите в лице брюссельской бюрократии навязывать членам сообщества стереотипы, социальные нормы и правила поведения, многие из которых не только диссонируют с менталитетом государствообразующей нации, но и выходят за рамки мировоззрения, сложившегося под непосредственным влиянием христианства – от католицизма до пуританизма в его вариативных проявлениях – в процессе цивилизационного развития, по-прежнему, несмотря ни на что, лежащего в основе индивидуального и коллективного самосознания подавляющей части коренного, преимущественно белого, населения большинства национальных государств, входящих на данный момент в Европейский союз, и претендентов на вступление в его состав. Если бывшие метрополии достаточно спокойно и осознанно относятся к подобного рода тенденциям, то в странах, не имевших колоний, особенно в тех из них, которые не считают целесообразным отказ от суверенитета, воспринимают проблему в контексте негативных последствий.

Сложно не согласиться с тем, что Европа меняется на глазах, особенно в тех случаях, когда речь идет о «внешних атрибутах», с которыми многие века ассоциировался континент (начиная с отказа от рождественских елок или крестов в общественных местах и публичных учреждениях и заканчивая тем, в чем проявлялась специфика мировоззрения), не только служивший для стран третьего мира «оплотом демократии» и «примером для подражания», но и оставивший неизгладимый след в истории народов и этносов, испытавших на себе «бремя белого человека», основанное на расистском отношении к людям с другим цветом кожи, рецидивы которого проявляются до сих пор. Диаспора, с одной стороны, целенаправленно приобретает характер системообразующей структуры, посредством которой протекает активизация процесса адаптации и социализации иммигрантов (вернее, тех из них, у кого есть стремление стать со временем частью европейского общества), а с другой стороны, в той либо иной степени олицетворяет и воплощает деструктивные тенденции, связанные с нежеланием выходцев из «заморских территорий» утрачивать культурную, этническую, религиозную, языковую и гендерную идентичность, что не может не диссонировать с «идеологией» мультикультурализма, политкорректности и толерантности, актуализируемой и навязываемой наднациональной правящей элитой, и тем, как она в итоге

реализуется на уровне государств, входящих в состав Европейского союза. Появляется все больше свидетельств, говорящих о том, что существенный процент иммигрантов, прибывающих в сообщество, позиционирует себя в качестве *чуждого* «европейским ценностям» *элемента*, приоритеты которого не отвечают критериям, лежащим в основе институтов, возведенных в абсолют брюссельской бюрократией, и аффилированных с ней финансовых и промышленных олигархических группировок: прежде всего их интересует социальный пакет в виде всевозможных льгот, выплат и пособий, не обремененный какими-либо обязательствами политического характера и не требующий лояльности по отношению к государству и его учреждениям. С формально-юридической точки зрения иммигрант не кто иной, как иждивенец, для которого взаимодействие со страной пребывания ограничивается только его личными или семейными интересами, во всем остальном предпочтение, как правило, отдается диаспоре, вне которой преобладают отношения, основанные на игнорировании действующих правил поведения и процедур, если они не соответствуют либо противоречат его религии, менталитету или образу жизни. При этом парадокс состоит в том, что иммигранты «первой волны», многие из которых сумели адаптироваться, в итоге став полноценными гражданами или подданными «новой родины» с правом избирать и быть избранными, сохранив вместе с тем свою идентичность, чаще всего не разделяют того, как ведут себя выходцы из бывших колоний всех последующих волн, особенно современного поколения иммигрантов, среди которых лишь незначительный процент как-то приспособился к «требованиям дня», в отличие от тех, кто вообще не ощущает себя в качестве гражданина или подданного, со всеми вытекающими из этого последствиями. «Ценностный» конфликт поколений, негативные последствия которого вполне очевидны и не вызывают сомнений, налицо, что не может не отражаться на процессах, вызванных деградацией европейского общества.

Тот факт, что диаспора все более отчетливо (при этом нельзя не иметь в виду, что, в зависимости от государства и наличия у него в прошлом колоний, указанная тенденция проявляется по-разному) приобретает характер одного из факторов политического процесса, институциональным элементом которого традиционно рассматриваются выборы, посредством которых формируются органы власти, свидетельствует об *углублении кризиса* как непосредственных, так и представительных – парламентских – форм демократии в их либеральной интерпретации, где мультикультурализм, толерантность и политкорректность играют скорее негативную, чем позитивную

роль, что не может, в принципе, не отражаться на соотношении таких базовых категорий, как «большинство» и «меньшинство». Если говорить о том, в какой пропорции взаимосвязаны, как правило, «большинство» и «меньшинство», то с точки зрения классического парламентаризма о какой бы действующей на настоящий момент «модели» – англосаксонской или романо-германской – ни шла речь, доминантой во всех случаях считается «большинство» при соблюдении прав «меньшинства». Тем не менее практика последних лет показывает, что этнические и религиозные меньшинства (в процентном отношении к государствообразующей нации), сконцентрированные в местах компактного проживания, ассоциируемые чаще всего с диаспорой, в подавляющем большинстве случаев предпочитают отдать голос «цветным избранникам народа», игнорируя представителей белой части электората. Учитывая тот факт, что коренное население в силу ряда причин перманентно сокращается, не исключено, что в самой ближайшей перспективе европейские демократии столкнутся с трансформацией «большинства» в его этническом и религиозном значении, что найдет прямое либо опосредованное отражение в характере, особенностях и специфике эволюционных процессов, многие из которых связаны с национальной – мировоззренческой, культурной, конфессиональной, этической – идентичностью. Другими словами, с большой долей вероятности можно предположить, что кризис феномена, известного как «либеральная демократия», вступил в ту стадию, в рамках которой общество и государство, если со стороны правящей элиты (которой, естественно, также предстоит стать качественно иной) не будут предприняты шаги, направленные на стабилизацию ситуации, изменятся до неузнаваемости. И еще вопрос: с чем мы будем иметь дело – с демократией, олигархией или тоталитаризмом? С чем столкнется в ближайшей перспективе деградирующее европейское общество, судя по всему, можно только догадываться, строить всевозможные гипотезы и предположения, однако более или менее понятно, что, утратив идентичность, прежним – в том числе «примером для подражания» и «оплотом демократии» – оно, к сожалению одних и радости других, уже не будет никогда.

Список литературы:

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. Н.А. Крашенинникова. – М. : Зерцало, 1999. – 592 с.

2. Еремян, Э.В. Основы конституционного права Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии / Э.В. Еремян //

Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. В. В. Еремяна. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – С. 353–356.

3. Ширер, У. Взлет и падение Третьего рейха : пер. с англ. / У. Ширер ; под ред. О. А. Ржешевского. – М. : АСТ, 2017. – 1216 с. – (История в одном томе).

4. Тодд, Э. Поражение Запада / Э. Тодд ; пер. с фр. Н. Жиро. – М. : АСТ, 2024. – 320 с. – (Мировой порядок).

5. Турчин, П. В. Конец времен / П. В. Турчин ; пер. с англ. В. Желнинова. – М. : АСТ, 2024. – 432 с. – (Мировой порядок).

6. Ashmore, R. The UK towns and cities where half of school kids don't speak English as first language / R. Ashmore. – Sun, 2025. – 7 Dec.

7. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация / Т. Саррацин ; пер. с нем. Т. А. Набатниковой. – М. : АСТ, 2016. – 560 с. – (Политика).

О.В. Лазарева,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

O.V. Lazareva,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy
mureksin_sar@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-183-190

ИСТОРИЯ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ И СУЩНОСТИ ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЫ (ЧАСТЬ I)

Аннотация: *в российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция правовой процедуры, хотя отдельные ее разновидности получили закрепление. В юридической литературе не выработан единый подход к раскрытию данной правовой категории, что приводит к трудностям в теоретическом и практическом плане. Поэтому для определения понятия правовой процедуры, выяснения ее сущности и раскрытия содержания необходимо обратиться к истории доктринальных подходов. Предмет специального анализа составили подходы, сложившиеся в отечественной юридической науке в XIX–XX вв.*

Ключевые слова: *процедура, правовая процедура, процесс, юридический процесс, процессуальная форма.*

THE HISTORY OF DOCTRINAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF LEGAL PROCEDURE (PART I)

Abstract: *there is no legal definition of legal procedure in the Russian legislation, although some of its varieties have been consolidated. The legal literature has not developed a unified approach to the disclosure of this legal category, which leads to difficulties in theoretical and practical terms. Therefore, in order to define the concept of legal procedure, clarify its essence and disclose its content, it is necessary to refer to the history of doctrinal approaches. The focus of a special analysis is on the approaches developed in the Russian legal science in the XIX–XX centuries.*

Keywords: *procedure, legal procedure, process, legal process, procedural form.*

В российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция правовой процедуры, хотя отдельные ее разновидности получили закрепление. На федеральном уровне определены понятия таможенной процедуры, процедуры медиации, процедуры банкротства, на региональном уровне – процедуры оценки регулирующего воздействия проектов актов, оценки фактического воздействия актов, примирительных и правоприменительных процедур.

Таможенная процедура представляет собой «совокупность норм, определяющих для целей таможенного регулирования условия и порядок использования товаров на таможенной территории Союза или за ее пределами» [1]. Их система образует таможенный режим. При этом перечень таможенных процедур является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

Процедура медиации – это «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения», ей посвящен целый федеральный закон [2].

В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» определены понятия *процедур, применяемых в деле о банкротстве* (ст. 2) [3]. В зависимости от целей к должнику применяется одна из перечисленных в законе процедур.

В нормативных правовых актах Московской области понятия *процедуры оценки регулирующего воздействия проектов актов, оценки фактического воздействия актов* раскрываются через «совокупность процедур анализа проблем и целей правового регулирования, выявления альтернативных вариантов… для выбора наиболее эффективного варианта регулирующего решения» [4].

В Челябинской области для урегулирования споров при содействии медиатора используются *примирительные процедуры,* представляющие собой комплекс мероприятий, направленных на их решение [5].

В сфере защиты прав детей в Волгоградской области осуществляются *правоприменительные процедуры (действия)*, под которыми понимается «совокупность последовательно осуществляемых юридически значимых действий с участием детей либо в их интересах, требующих документального оформления и реализуемых управомоченными на то государственными органами, органами местного самоуправления и (или) их должностными лицами, а также подведомственными названным органам организациями (учреждениями)» [6].

Проведенный анализ законодательно определенных разновидностей правовых процедур позволяет констатировать их специфику в зависимости от целей и конкретной отрасли права, в которой они применяются. Отсутствие единого подхода к раскрытию данной правовой категории приводит к трудностям в теоретическом и практическом плане. Поэтому для определения понятия правовой процедуры, выяснения ее сущности и раскрытия содержания необходимо обратиться к истории доктринальных подходов, которая состоит из нескольких этапов. Как отмечал И. Я. Фойницкий, «закон говорит предписаниями, наука собирает факты и устанавливает понятия» [7, с. 158].

С конца XIX в. по настоящее время российские научные исследования понятия юридической процедуры проводятся на общетеоретическом и отраслевом уровнях. Продолжительный период правовая процедура не являлась предметом специального изучения из-за недооценки юридической процессуальный формы.

В отечественной юридической науке началом исследования правовой процедуры считается разработка концепции единства юридического процесса, теории процессуального права. Поводом к разработке данной доктрины послужило установление относительной самостоятельности гражданского, уголовного и административного процессов от материального права и наличие значительных черт сходства между ними.

В конце XIX – начале XX в. известные процессуалисты-криминалисты И.Я. Фойницкий, Н.Н. Розин, И.В. Михайловский выступали за единство трех главных процессов и образование системы судебного права. Профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий полагал, что по строению, форме и цели уголовный и гражданский процессы тесно связаны между собой, судебное право формируется из трех частей, несудебные производства регламентируются не общими руководящими началами, а иными правилами и поэтому отличаются неопределенностью [7, с. 5, 15].

Н.Н. Розин отстаивал независимость уголовного и гражданского процессов от уголовного и гражданского права и выступал за отождествление процессов [8, с. 24–45]. М.С. Строгович полагал, что в результате отрыва процессуального права от материального процесс приобретает формальный, абстрактный характер [9, с. 55–70].

Как отмечал И.В. Михайловский, «оба процесса должны слиться в одну науку – судебное право, причем особенности уголовного и гражданского судопроизводства составят лишь специальные вопросы (отделы, главы или параграфы) этой единой науки» [10, с. 1737]. По утверждению ученого, оба процесса имеют общую природу и одну цель. Общность природы состоит в том, что деятельность суда в уголовном и гражданском процессе заключается в разрешении спора о праве. Процесс всегда предполагает спор, а суд всегда решает только вопрос права. Перед процессами стоит единая цель – раскрытие юридической истины, образуемой в результате синтеза материальной и формальной истин. Свой взгляд ученый называл синтетической теорией.

В 1920 г. была опубликована работа В.А. Рязановского «Единство процесса», которая совершила революцию в понимании процессуального права. Это связано с тем, что автором были сформулированы важные теоретические положения о единстве науки процесса, о са-

мостоятельности традиционных процессов как научных дисциплин и отдельных отраслей единой науки процессуального или судебного права, об отсутствии принципиальных особенностей в применении принципов судоустройства и судопроизводства к соответствующим процессам, о единой юридической конструкции процесса, о раскрытии материальной истины как верховного постулата для всех его видов [11, с. 15, 31, 33, 34, 37, 76, 77].

Сформулированная в начале XX в. концепция судебного права получила развитие в работах ученых советского периода Н.Н. Полянского, М.С. Строговича, В.М. Савицкого, А.А. Мельникова и др. В 1938 г. на первом Всесоюзном совещании по вопросам науки советского государства и права профессор А.Я. Вышинский говорил о социалистическом судебном праве как об отрасли права [12, с. 124–126].

Подготовка условий для создания целостного учения о советском суде и правосудии была связана с работой над концепцией судебного права. Ее основная задача состояла в поиске общности судоустройства и судопроизводства и выработке единого понятийного аппарата [13, с. 219].

Единство уголовного и гражданского процессов связывалось тремя элементами: «а) орган деятельности (суд), б) процессуальные средства и процессуальные формы деятельности и в) ближайшая задача деятельности (раскрытие материальной истины)» [14, с. 73–74]. Кроме того, оно проявлялось в общности предметов правового регулирования, элементов процедур и процессуальных правоотношений.

Единство принципов процессуального права определялось единством правосудия, а различие процессов – различием сфер его применения [9, с. 62]. Наличие общих принципов и их связь с судоустройством «дают все основания объединить судоустройственные, уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные нормы в единую систему норм, своим содержанием и предметом имеющую организацию и осуществление социалистического правосудия» [9, с. 70]. Таким образом, судебное право объединяло судоустройство и судопроизводство. Несмотря на самостоятельность отрасли судебного права, констатировалось ее вхождение в состав государственного права в широком смысле слова [14, с. 76].

Положения концепции судебного права становились предметом обсуждения в многочисленных исследованиях и в ходе проведения теоретических конференций. Они не только единогласно поддерживались учеными, но и подвергались критике как теоретиками права, так и процессуалистами. Обсуждение проблем судебного права свидетельствует о появлении новой концепции, нового направления в исследовании процессуального права [15, с. 30].

В отечественной юридической науке на протяжении 50–80-х гг. XX в. к теории юридического процесса, теории процессуального права сложилось два основных подхода: узкий (традиционный) и широкий.

Традиционного подхода придерживались сторонники и критики судебного права (Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, С.Н. Абрамов, А.Т. Боннер, В.А. Лория и др.), а также теоретики права (А.М. Васильев, С.С. Алексеев). Ученые связывали содержание юридического процесса с юрисдикционной деятельностью суда. Произошло отождествление юридического процесса с судопроизводством. Такое понимание процесса в юридической литературе стало называться узким [16, с. 12].

Расширение границ содержания юридического процесса было предпринято на отраслевом уровне в 60-х г. XX в. Исследуя предмет советского гражданского процессуального права, Н.Б. Зейдер пришел к выводу, что он включает все направления юрисдикционной деятельности органов, разрешающих гражданские дела [17, с. 81]. Представители административно-правовой науки обосновывали положения об административном процессе как специальной разновидности юридического процесса, о его особенности регулировать не только юрисдикционную деятельность, но и отношения в сфере административной, управленческой и иной деятельности, о видах процессуальных норм, которые являются либо институтами материальной отрасли права, ее обслуживающими, либо самостоятельными отраслями права, обслуживающими не одну, а несколько материальных отраслей.

Размышляя о существовании юридического процесса, А.Т. Боннер отмечал, что в правоприменительной деятельности процесс и упрощенный его вариант – процедуру следует использовать только в необходимых случаях. По словам ученого, «оба процесса должны диалектически и гармонично сочетаться. Чрезмерное же увлечение псевдопроцессуальной формой может привести к отрицательным явлениям» [18, с. 56]. А.Т. Боннер считал разработку теории юридического процесса бесперспективной, т.к. для этого отсутствуют достаточные основания и общие принципы.

В 70-х гг. XX в. сложилась концепция «широкого» юридического процесса. Ее сторонниками были представители отраслевых наук (С.С. Студеникин, А.Е. Лунев, В.С. Основин и др.) и теоретики права (П.Е. Недбайло, Л.С. Явич, В.М. Горшенев). Они утверждали, что процессуальная форма характерна для любой деятельности по применению юридических норм [19, с. 5].

Любые процессы (правотворчество и правоприменение) имеют общие черты: наличие процессуальных стадий, производств и режимов. Поэтому П.Е. Недбайло и В.М. Горшенев указывали на необходимость

выявления общих принципов юридического процесса. В это время юридический процесс рассматривался как правоприменительная деятельность и позитивные процедуры.

Теоретические положения, посвященные проблематике юридического процесса, получили обобщение в 1985 г., когда была опубликована работа «Теория юридического процесса», подготовленная под общей редакцией В.М. Горшенева. Суть теории состояла в существовании в праве его самостоятельной части – процессуального права, нормы которого необходимы для реализации материально-правовых предписаний любых отраслей права. Кроме того, в ней подчеркивалось единство юрисдикционных и неюрисдикицонных процессов.

Концепция «широкого» юридического процесса подверглась критике со стороны представителей узкого подхода. Обобщение критических замечаний позволяет говорить о слиянии таких понятий, как процессуальная форма и процедура, процесс и процедура, процессуальные и процедурные нормы, о растворении процессуальных норм в правилах и процедурах, что ведет к утрате их специфических особенностей.

Теория процессуального права получила дальнейшее развитие в 90-х гг. XX в. в работах В.В. Протасова, И.М. Зайцева, Н.А. Рассахатской, И.В. Пановой, М.И. Байтина, О.В. Яковенко.

В 1991 г. В.В. Протасовым был разработан доктринальный подход к пониманию юридического процесса и юридической процедуры, а также к их соотношению. Ученый предложил рассмотреть понятие юридической процедуры в двух смыслах и выяснить назначение каждого вида правовых процедур. В результате В.В. Протасов пришел к отождествлению юридического процесса и процессуальной процедуры, включению его в состав юридической процедуры в более широком смысле, определению критерия, отграничивающего одну правовую процедуру от других. Таким критерием стал характер правового отношения, для реализации которого она служит. Поэтому для реализации права необходимо сочетание материальной и процессуальной процедуры, а для правотворческой деятельности – только правотворческая процедура [20].

По вопросу соотношения юридического процесса и правовой процедуры И.М. Зайцев занимал противоположную позицию. Он рассматривал процедуру как элемент процесса. В праве, как отмечали И.М. Зайцев и Н.А. Рассахатская, имеются процессуальные формы и процедуры [21, с. 400; 22, с. 16]. Объединяет их «организующая роль относительно конкретного результата, достижению которого они служат, а также обеспеченность правовыми санкциями» [22, с. 16]. Различие – в характере их регламентации.

К концу XX в. в российской юридической науке были сформулированы следующие понятия правовой процедуры: «урегулированный законодательством порядок совершения юридических действий, направленных на достижение юридического результата» [23, с. 23]; «нормативно установленный порядок осуществления юридической деятельности, обеспечивающий реализацию норм материального права и основанных на них материальных правоотношений, охраняемый от нарушений правовыми санкциями» [24, с. 97].

В XXI в. определение понятия правовой процедуры не завершилось, а продолжилось путем исследования процедур в сфере частного права. Такое развитие трудно представить без предыдущих этапов, связанных с формированием концепции единства юридического процесса, теории судебного права, теории «узкого» и «широкого» юридического процесса, теории процессуального права.

Список литературы:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (в ред. от 29 мая 2019 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 31, ст. 4162; 2019. – № 30, ст. 4099.

3. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 43, ст. 4190; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru, 31.07.2025.

4. О введении в Московской области процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Московской области и экспертизы нормативных правовых актов Московской области : постановление Правительства Московской области от 13 ноября 2012 г. № 1449/40 (вместе с «Порядком проведения процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Московской области и экспертизы нормативных правовых актов Московской области») (в ред. от 1 ноября 2024 г.) // Информационный вестник Правительства Московской области. – 2013. – № 1, ч. 2; Официальный интернет-портал Правительства Московской области. – URL: http://www.mosreg.ru, 01.11.2024.

5. О Порядке предоставления в 2025 году субсидий некоммерческим организациям на финансовое обеспечение затрат, связанных с проведением примирительных процедур : постановление Правительства Челябинской области от 25 февраля 2025 г. № 221-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 27.02.2025.

6. О некоторых вопросах защиты прав детей, с участием которых или в интересах которых осуществляются правоприменительные процедуры (действия) на территории Волгоградской области : закон Волгоградской области от 22 октября 2015 г. № 178-ОД // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 27.10.2015.

7. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – 2-е изд., пересмотр. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. – Т. 1. – 594 с.

8. Розин, Н.Н. Процесс как юридическая наука / Н.Н. Розин // Журнал министерства юстиции. – 1910. – № 8. – С. 24–45.

9. Строгович, М.С. О системе науки судебного права / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 55–70.

10. Михайловский, И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука (к вопросу о системе юридических наук) / И.В. Михайловский // Право. – 1908. – № 32. – С. 1733–1741.

11. Рязановский, В.А. Единство процесса : учеб. пособие / В.А. Рязановский. – М. : Городец, 2005. – 80 с.

12. Уманский, Я.Н. Первое совещание по вопросам науки советского государства и права / Я.Н. Уманский // Социалистическая законность. – 1938. – № 9. – С. 124–126.

13. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников ; под ред. В.М. Савицкого. – М. : Наука, 1983. – 223 с.

14. Полянский, Н.Н. Вопросы систематики в уголовном процессе / Н.Н. Полянский // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 71–87.

15. Куницына, И.В. Спор в праве и процессуальные способы его разрешения : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Куницына. – Саратов, 2014. – 187 с.

16. Лукьянова, Е.Г. Теория процессуального права / Е.Г. Лукьянова. – М. : Норма, 2003. – 240 с.

17. Зейдер, Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права / Н.Б. Зейдер // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 69–82.

18. Боннер, А.Т. Существует ли юридический процесс? / А.Т. Боннер // Проблемы соотношения материального и процессуального права / отв. ред. М.С. Шакарян. – М. : ВЮЗИ, 1980. – С. 51–60.

19. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева. – М. : Юрид. лит., 1976. – 280 с.

20. Протасов, В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В.Н. Протасов. – М. : Юрид. лит., 1991. – 144 с.

21. Зайцев, И.М. Юридический процесс / И.М. Зайцев // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – С. 398–411.

22. Рассахатская, Н.А. Гражданская процессуальная форма : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н.А. Рассахатская. – Саратов, 1995. – 19 с.

23. Панова, И.В. Юридический процесс / И.В. Панова ; под ред. Н.М. Конина. – Саратов : Светопись, 1998. – 76 с.

24. Байтин, М.И. Теоретические вопросы правовой процедуры / М.И. Байтин, О.В. Яковенко // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 93–102.

М.Т. Аширбекова,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, Волгоградской академии МВД России

M.T. Ashirbekova,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
madina.55@mail.ru

А.А. Гамбарова,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

A.A. Gambarova,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
nastena777.90.90@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-191-201

О НЕКОТОРЫХ НОВЕЛЛАХ УПК РФ В АСПЕКТЕ НАПРАВЛЕНИЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ИЗБРАНИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Аннотация: *в статье анализируются дополнения и изменения, внесенные в ст. 108 УПК РФ относительно оснований для избрания к лицу заключения под стражу как меры пресечения. Дается оценка этим новеллам как продвигающим уголовную политику в направлении усиления гарантий частных интересов лиц, т.е. гуманизации, а также усиления гарантий публичного интереса в обеспечении нормального хода производства по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, а также о преступлениях, представляющих в современных условиях угрозу национальной безопасности. Предлагается рассматривать основания для избрания к лицу заключения под стражу в аспекте категории «фактический состав», включающей в себя юридические факты уголовно-правового характера и юридические факты уголовно-процессуального характера. Отмечается, что редакция новой части 3.1 ст. 108 УПК РФ нуждается в корректировании, поскольку она не свободна от юридико-технической погрешности, создающей неопределенность для ее применения.*

Ключевые слова: *мера пресечения, заключение под стражу, гуманизация, национальная безопасность, юридический факт, фактический состав.*

ON SOME INNOVATIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO CRIMINAL POLICY DIRECTIONS IN THE CHOICE OF CUSTODY

Abstract: *this article analyzes the additions and amendments made to Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the grounds for choosing pretrial detention as a preventive measure. These amendments are assessed as advancing*

criminal policy toward strengthening guarantees of private interests, i.e., humanization, as well as strengthening guarantees of the public interest in ensuring the normal course of criminal proceedings for crimes committed in the sphere of entrepreneurial activity, as well as crimes that pose a threat to national security in the current context. It is proposed to consider the grounds for choosing a person for detention in terms of the category "factual elements," which includes legal facts of a criminal law nature and legal facts of a criminal procedural nature. It is noted that the wording of the new Part 3.1 of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation requires adjustment, as it is not free of a legal and technical error that creates uncertainty for its application.

Keywords: *preventive measure, detention, humanization, national security, legal fact, factual elements.*

Современное российское уголовно-процессуальное законодательство, пожалуй, одно из самых динамично развивающихся, в том смысле, что оно в последнее время изменяется и дополняется сообразно запросам гражданского общества, а также потребностям, возникающим в связи с угрозами национальной безопасности. Именно эти факторы, как представляется, обусловили существенные изменения и дополнения, которые были внесены недавним Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ [1] в регламентацию оснований применения заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ).

Изменения и дополнения по указанным новеллам в общем плане можно охарактеризовать, как отражающие три самостоятельных направления: а) гуманизация и снижение «накала» репрессивности уголовного преследования; б) оптимизация экономической ситуации посредством подключения ресурса уголовной юстиции в части уголовного преследования лиц за совершение ими преступлений в сфере экономики и предпринимательской деятельности; в) повышение результативности уголовного преследования лиц, которые в условиях проведения специальной военной операции обвиняются в преступлениях, противодействие которым в современных условиях становится критически важным для обеспечения национальной безопасности.

Если вести речь о первом направлении, связанном с гуманизацией, то очевидным фактом стало то, что законодатель по новеллам Федерального закона от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ отказался от ранее предусматриваемого положения о том, что заключение под стражу может применяться к лицу за совершение преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Прежде такое основание носило общий характер, что давало формальную возможность широко применять данную меру пресечения в отношении лиц, обвиняемых (подозреваемых) в преступлениях средней тяжести, доля которых значительно больше, чем

тяжких или особо тяжких. Справедливы суждения ученых, отмечающих, что «практика преимущественного применения заключения под стражу настолько устоялась», что иные мягкие меры пресечения как альтернатива заключению под стражу практически не используются [2, с. 228-229]. Об этом также высказывается Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, отмечая в своем докладе за 2024 г., что количество применения этой меры остается стабильно высоким, что свидетельствует о чрезмерности ее использования при том, что остальные менее «жесткие» меры пресечения применяются намного реже [3].

Стоит обратить внимание, что именно в регламентации оснований для применения заключения под стражу как меры пресечения наиболее детально обнаруживается взаимообусловленность норм уголовного закона с нормами уголовно-процессуального закона. Рассмотрение сути последних новелл в ст. 108 УПК РФ (по Федеральному закону от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ) требует теоретического осмысления оснований для применения к обвиняемому (подозреваемому, подсудимому) заключения под стражу, что целесообразно предпринять посредством обращения к категории «фактический состав», который в аспекте основания для избрания данной меры пресечения представляет комбинацию юридических фактов уголовно-правового характера и юридических фактов уголовно-процессуального характера. Соответственно, юридические факты уголовно-правового характера – это обстоятельства уголовно-правового характера, выражаемые в ст. 108 УПК РФ через указание на категорию преступления или конкретный состав преступления, при вменении которого лицу может быть применена рассматриваемая мера пресечения. Юридические факты уголовно-процессуального характера – это условия, при наличии которых данная мера пресечения, впрочем как и иная любая, считается избранной обоснованно (ч. 1 ст. 97, п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Объединение таких юридических фактов в один фактический состав означает, что должна быть их совокупность: один без другого не может образовать основание для избрания к лицу заключения под стражу.

Если говорить об юридических фактах уголовно-правового характера, то в обновленных нормах ч. 1 ст. 108 УПК РФ видится прежде всего отказ от определения в качестве основания для избрания заключения под стражу факта вменения лицу преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, но при процессуальном условии (юридический факт уголовно-процессуального характера) о «невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения». Широкая формулировка

указанного основания уголовно-правового характера, действовавшая до внесения рассматриваемых новелл, давала простор для применения рассматриваемой меры пресечения, что, в частности, и вызывало критику со стороны гражданского общества и юридического сообщества [4–6].

Что же изменилось? Изменение состоит в том, что основание уголовно-правового характера получило конкретизацию, в том числе в направлении исключения применения данной меры при вменении *всех* преступлений средней тяжести. Понятно, что преступления этой категории по своей объективной стороне различаются, что в целом делает возможным дифференциацию в оценке их общественной опасности, потому законодатель в новеллах Федерального закона от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ прямо предусматривает, что не при всяком преступлении средней тяжести может ставиться вопрос об избрании данной меры пресечения. Вместо формулы «преступления, за которые может быть назначено наказание свыше трех лет лишения свободы» теперь представлено конкретизирующее положение о том, что формальным основанием уголовно-правового характера является вменение не любого преступления средней тяжести, а одного из видов последних, а именно преступления средней тяжести, но с применением насилия либо с угрозой его применения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). При этом в законе появилось прямое текстуальное указание на вменение лицу тяжких и особо тяжких преступлений. В ранее действовавшей редакции данного указания не было, хотя понятно, что вменение лицу тяжкого и особо тяжкого преступления охватывалось общей формулой вменения преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет.

Характеризуя новые положения ст. 108 УПК РФ, надо отметить, что законодатель при регламентации оснований уголовно-правового характера (как элемента в фактическом составе) пошел по традиционному пути: указывает общие и особенные положения, связанные с нормами уголовного закона.

Общие положения – это те, что касаются вменения лицу преступления средней тяжести, но с применением насилия либо с угрозой его применения, а также тяжкого и особо тяжкого преступления. Именно положение о вменении преступления средней тяжести, но с применением насилия либо с угрозой его применения «сигналит» о продвижении идеи гуманизации в законодательной практике, поскольку не за всякое преступление средней тяжести данная мера, по общему правилу, может быть применена.

Особенное положение выразилось в том, что законодатель однозначно не отказался от идеи применения заключения под стражу к лицу в случае вменения ему преступления средней тяжести, указав случаи отступления от заявленного выше общего правила. Так, в п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ уточняется, что при вменении «преступления средней тяжести *без* применения насилия либо угрозы его применения при наличии одного из следующих обстоятельств» к лицу избирается заключение под стражу, но при наличии условий уголовно-процессуального характера: «а) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации; б) его личность не установлена; в) им нарушена ранее избранная мера пресечения; г) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда;» (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Данная особенность показывает, что общая установка на гуманизацию посредством определения формального основания уголовно-правового характера в виде не всех преступлений средней тяжести, а только тех, что характеризуются повышенной общественной опасностью, не абсолютна. При вменении лицу, образно говоря, обычного преступления средней тяжести, т.е. без признака применения насилия либо угрозы последнего, значимым предстает правовое поведение лица, объективируемое в его действиях, перечисленных как условия уголовно-процессуального характера (пп. «а», «б», «в», «г» п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Иными словами, налицо дифференциация, проявляемая в различном выражении, можно сказать, в наполнении каждого элемента фактического состава, который в *целом* формирует основание для избрания к лицу данной меры пресечения: 1) обстоятельства уголовно-правового характера; 2) обстоятельства уголовно-процессуального характера.

Как вариант, это в рассматриваемых новеллах проявилось и в том, что осталась возможность применить эту меру и при вменении лицу преступления небольшой тяжести. До внесения рассматриваемых новелл вменение преступления небольшой тяжести как обстоятельство уголовно-правового характера (как элемент фактического состава) позволяло применить к лицу заключение под стражу при наличии одного из четырех обстоятельств уголовно-процессуального характера, указанных в подп. «а», «б», «в» и «г» п. 1 ч.1 ст. 108 УПК РФ. Теперь круг этих условий сократился: остались те, что указаны в подп. «в» и «г» п. 1 ч.1 ст. 108 УПК РФ. В итоге получилось, что при вменении преступления небольшой тяжести к лицу не может быть применена данная мера, если оно «не имеет места жительства или места пребы-

вания на территории Российской Федерации». Это значимый момент, потому что ранее закон в части данного обстоятельства уголовно-процессуального характера содержал более жесткую формулировку: «подозреваемый или обвиняемый не имеет *постоянного* места жительства на территории Российской Федерации» (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ в прежней редакции). Ясно, что не все люди имеют постоянное место жительства, поскольку меняют арендуемое жилье в пределах всей территории России. Смягчение формальных требований закона проявилось не только в том, что исключено положение о постоянном месте жительства лица, но введена новая формулировка «*место пребывания*». Законодатель, регламентируя обстоятельство уголовно-правового характера в виде вменения преступления небольшой тяжести, при котором все же допускает избрание к лицу заключения под стражу, компенсирует свой «отход» от углубления гуманизации путем смягчения обстоятельств уголовно-процессуального характера: исчезло указание на отсутствие у лица постоянного места жительства как на негативный фактор, учитываемый при прогнозе поведения лица на предмет его возможности скрыться от органов предварительного расследования и суда.

Продвижение гуманизации в новеллах выразилось и в том, что законодатель выделил целую группу субъектов, наделяемых повышенными гарантиями при решении вопроса о применении к ним рассматриваемой меры пресечения. Так, в новой ч. 2.1 ст. 108 УПК РФ появился фактически запрет применять эту меру в отношении лиц, страдающих тяжелым заболеванием, входящим в перечень таких заболеваний, утвержденных постановлением Правительства РФ [7]. Особенность указанной новеллы состоит в том, что значимым становится только наличие такого заболевания у лица, а категория и вид вменяемого ему преступления и возможное его противодействие нормальному ходу производства по делу не имеют значения. Иначе говоря, законодатель выделяет особенность в виде признака, характеризующего субъекта, т.е. обвиняемого (подозреваемого).

Если исходить из признака особенностей субъекта, в отношении которого избирается рассматриваемая мера пресечения, то отметим, что прежде законодатель уделял внимание гарантиям только несовершеннолетних. В обновленной редакции ч. 2 ст. 108 УПК РФ круг субъектов, в отношении которых должна быть проявлена гуманность, вполне обоснованно расширен, в него включены беременная женщина, женщина, имеющая малолетнего ребенка, мужчина как единственный родитель малолетнего ребенка, усыновитель или опекун малолетнего ребенка, единственный родитель, усыновитель, опекун или попечи-

тель ребенка-инвалида. Такие лица могут быть взяты под стражу при вменении им только тяжкого или особо тяжкого преступления. В то же время при вменении им преступлений средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также иных преступлений, хотя и не относящихся к указанной категории, но представляющих в целом угрозу национальной безопасности (они указаны в ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ), а также при наличии обстоятельств уголовно-процессуального характера (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ), связанных с процессуальным поведением лица (может скрыться, не имеет места жительства и т.п.), к перечисленным лицам может быть применено заключение под стражу.

Таким образом, в новеллах ст. 108 УПК РФ происходит дальнейшая дифференциация оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу, посредством конкретизации элементов фактического состава, а именно оснований уголовно-правового характера, а также «привязываемых» к каждому из них обстоятельств уголовно-процессуального характера. При этом нормативное оформление гуманизации при избрании к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу в рассматриваемых новеллах отнюдь не прямолинейное: оно сочетается со следованием публичному интересу в обеспечении нормального хода производства по делу, иногда вне жесткой связи с тяжестью вмененного обвинения.

Такой подход отражен в положениях новой редакции ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, смысл которой исключает возможность применения этой меры в отношении обвиняемых (подозреваемых, подсудимых) из числа субъектов предпринимательской деятельности, даже если вменяемые им преступления средней тяжести совершены без применения насилия либо с угрозой его применения. Речь идет о так называемых «беловоротничковых» преступлениях, совершенных в сфере экономики и предпринимательской деятельности, субъектами которых выступают индивидуальный предприниматель или член органа управления коммерческой организации, если вменяемые им преступления совершены в связи с осуществлением ими хозяйственно-экономической деятельности. При перечислении в обновленных положениях ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ таких преступлений (чч. 2–4 ст. 159, чч. 2–4 ст. 159.1, чч. 2–4 ст. 159.2, чч. 2–4 ст. 159.3, чч. 2–4 ст. 159.4, чч. 2–4 ст. 159.5, чч. 2–4 ст. 159.6, чч. 2–4 ст. 160, ч. 2 ст. 165 и ст. 201 УК РФ), включая и преступления небольшой тяжести, получилось, что названные субъекты, обвиняемые, например, в совершенном группой лиц по предварительному сговору мошенничестве при получении выплат (ч. 2 ст. 159.2 УК РФ), за которое самое строгое наказание в виде

лишения свободы предусмотрено до четырех лет, могут быть взяты под стражу, если у лица нет места жительства или места пребывания, им нарушена ранее избранная мера пресечения, он скрылся от органов предварительного расследования и суда.

Таким образом, можно утверждать, что в обновленных положениях ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ в целом сохранились основания уголовно-правового характера, связанные с особенностями субъекта преступления, обусловленных его деятельностью в сфере предпринимательской деятельности. Данные положения, как видится, нацелены на оптимизацию экономики страны посредством противодействия преступлениям, совершаемым в хозяйственно-экономической сфере субъектами предпринимательской деятельности. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на следующее.

Ранее действовавшие нормы об избрании заключения под стражу к обвиняемым из «предпринимательского класса» предусматривали для последних привилегию: данная мера, по общему правилу, не подлежала применению, если такое лицо действительно совершило преступление в связи со своей предпринимательской деятельностью (прежняя редакция ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ). Из этого правила были исключения, позволявшие избирать к нему рассматриваемую меру пресечения. Исключения составляли такие условия: личность подозреваемого (обвиняемого) не установлена, он не имеет постоянного места жительства в Российской Федерации, им была нарушена ранее примененная мера пресечения, он скрылся от органов предварительного расследования и суда. Новеллы, как указано выше, сохранили эти условия за исключением положения о том, что личность подозреваемого (обвиняемого) не установлена. Что же касается составов преступлений, дающих возможность при отсутствии перечисленных условий, не применять рассматриваемую меру пресечения, то их круг несколько изменился в сторону сокращения за счет исключения части первой ранее перечисленных статей о мошенничестве и ст. 160 и 165 УК РФ. Главное, чтобы эти преступления были совершены лицом в связи с его хозяйственно-экономической (предпринимательской) деятельностью.

Условия такого запрета получили некоторую конкретизацию в новой редакции ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ, что называется, от обратного. При буквальном ее толковании, на наш взгляд, вытекает следующее: если индивидуальному предпринимателю или члену органа управления коммерческой организации вменяются перечисленные выше преступления (указанные в первом абзаце ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), но как

не совершенные в связи с его предпринимательской деятельностью, то субъекты должностного обвинения по положениям новой ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ при обращении в суд с соответствующим ходатайством должны предоставлять «конкретные сведения, подтверждающие такие обстоятельства». Однако зачем им подтверждать то, что лицо совершило эти преступления вне связи с их предпринимательской деятельностью, если большинство из перечисленных преступлений относится к средней тяжести и будучи «беловоротничковыми» не сопряжены с насилием или с угрозой такового? Именно при таковых преступлениях положение ч. 1 ст. 108 УПК РФ исключает применение этой меры. Понятно, если не иметь в виду вменение тяжкого или особо тяжкого преступления, которые в общем «пуле» абзаца первого ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ встречаются, а также наличия условий, связанных с негативным поведением лица (оно не имеет постоянного места жительства в Российской Федерации, им была нарушена ранее примененная мера пресечения, оно скрылось от органов предварительного расследования и суда).

Очевидно, положения новой ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ должны конкретизировать порядок применения положений ч. 1.1 этой же статьи, запрещающих избрание заключения под стражу при вменении индивидуальному предпринимателю или члену органа управления коммерческой организации преступлений, как совершенных в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности. Именно в таком ключе, как представляется, Верховный Суд РФ разъясняет смысл положений новой ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ, т.е. указывает на необходимость обеспечивать привилегии таких обвиняемых (подозреваемых), подчеркивая, что если в ходатайстве субъектов должностного обвинения об избрании данной меры пресечения будут отсутствовать конкретные сведения, подтверждающие, что преступление совершено не в связи с предпринимательской деятельностью, то «такое ходатайство удовлетворению не подлежит» [8]. В противном случае, без такого пояснения, положения ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ представляются не вполне определенными. Предпочтительнее содержание ч. 3.1 ст. 108 УПК РФ изложить в следующей редакции: *«К постановлению о возбуждению ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в первом абзаце части первой настоящей статьи, должны прилагаться материалы, содержащие сведения, подтверждающие, что указанные преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельно-*

сти, либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению этой организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.».

В анализируемых новеллах, как указывалось выше, видится ответ законодателя на вызовы национальной безопасности, которые проявляются в преступлениях, указанных в новой ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ. Так, при вменении лицу преступления средней тяжести, например, публичного оправдания терроризма (ч. 1 ст. 205.2 УК РФ), заключение под стражу, что называется, «отдельной строкой» в ч. 1 ст. 108 УПК РФ прямо указывается как исключение из общего правила со ссылкой на часть первую названной статьи. В УПК РФ указываются и иные составы преступлений (всего их тридцать пять), выделенные законодателем как представляющие угрозу национальной безопасности (ч. 1 ст. 207.3 УК РФ, ч. 2 ст. 215.2 УК РФ, чч. 1 и 2 ст. 284.1 УК РФ и др.), однако и в данном случае в законе указывается обстоятельство уголовно-процессуального характера – при невозможности применить иную, более мягкую меру пресечения. Кроме того, допускается применение рассматриваемой меры пресечения при вменении ряда преступлений небольшой тяжести (они указаны в последнем абзаце новой ч. 1.2 ст. 108 УПК РФ), если есть обстоятельства уголовно-процессуального характера (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Подводя итог, подчеркнем, что новеллы ст. 108 УПК РФ весьма зримо воплощают уголовную политику, с одной стороны, в направлении гуманизации и уважения частных интересов, а с другой стороны, в направлении усиления гарантий публичного интереса при производстве по уголовным делам о преступлениях, угрожающих нормальному развитию экономики, а также национальной безопасности.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ // Рос. газ. – 2025. – 5 марта.

2. Баранова, М.А. Процессуальная альтернатива при применении мер пресечения в уголовном судопроизводстве / М.А. Баранова // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : сб. тр. по матер. Всеросс. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.Г. Блинова, Е.В. Кобзевой. – Саратов : Изд-во СГЮА, 2021. – С. 225–234.

3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год / Т.Н. Москалькова // Рос. газ. – 2025. – 26 фев.

4. Кирдина, Н.А. Обоснованность решений об избрании мер пресечения как гарантия исключительности ограничения конституционных прав личности / Н.А. Кирдина, Г.Б. Петрова // Вестник Сар. гос. юрид. акад. – 2022. – № 5 (148). – С. 195–203.

5. Спесивов, Н.В. Реализация в законодательстве и на практике права на свободу и личную неприкосновенность / Н.В. Спесивов // Уголовный процесс. – 2013. – № 11 (107). – С. 84–91.

6. Федюнин, А.Е. К вопросу о законности применения мер пресечения : в свете научных взглядов В.Я. Чеканова / А.Е. Федюнин, Н.М. Перетятько // Актуальные проблемы современного российского уголовного судопроизводства: сб. науч. ст. / под ред. Н.С. Мановой. – Саратов : Изд-во СГЮА, 2024. – С. 126–132.

7. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : постановление Правительства РФ от 14 января 2011 г. № 3 (в ред. от 23 июня 2025 г.) // Рос. газ. – 2011. – 21 янв.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2025. – № 26, ч. 2, ст. 3612.

8. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 27 мая 2025 г.) // Рос. газ. – 2013. – 26 дек.; 2025. – 20 июня.

А.Е. Федюнин,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Н.М. Перетятько,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

A.E. Fedyunin,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
aef@bk.ru

N.M. Peretyatko,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
naperetyatko@yandex.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-202-207

ДЕФЕКТЫ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В РАМКАХ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: *актуальность статьи обусловлена наличием дефектов правовой модели исполнения решений, принимаемых в рамках судебного контроля в уголовном судопроизводстве, которые негативно отражаются на соблюдении прав его участников. Цель: исследовать существующий порядок исполнения решений, принимаемых в рамках судебного контроля, выявить имеющиеся пробелы в модели правового регулирования данной сферы правоотношений, определить пути совершенствования законодательства с целью приведения к состоянию, исключающему нарушения прав участников уголовного процесса. Авторами сделан вывод о необходимости уточнения ряда норм УПК РФ, регулирующих порядок исполнения судебных решений, принимаемых в рамках судебного контроля и обеспечивающих защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса. Показано, что существующая правовая модель исполнения решений, принятых в рамках судебного контроля, нуждается в модернизации, направленной на установление срока, в течение которого можно обжаловать решение об отказе в возбуждении уголовного дела, постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении лица, а также закреплении в УПК РФ обязанности лица, чьи процессуальные действия были признаны незаконными, уведомить соответствующего судью в кратчайший срок о мерах по исполнению им судебного решения.*

Ключевые слова: *судебный контроль, судебные решения, исполнение судебных решений, правовая модель, права участников уголовного процесса.*

IMPERFECTIONS OF THE LEGAL MODEL FOR THE ENFORCEMENT OF DECISIONS TAKEN WITHIN THE FRAMEWORK OF JUDICIAL REVIEW IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *the relevance of this article stems from the existence of imperfections in the legal model for the enforcement of decisions made through judicial review in criminal*

proceedings, which negatively impact the rights of participants. The objective of the study is to examine the current procedure for the enforcement of decisions made through judicial review, identify existing gaps in the legal regulation of this area of legal relations, and identify ways to improve the legislation in order to ensure that the rights of participants in criminal proceedings are not violated. The authors conclude that it is necessary to clarify several provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the procedure for the enforcement of court decisions made through judicial review and ensuring the protection of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. It is shown that the existing legal model for the enforcement of decisions taken within the framework of judicial review requires modernization, aimed at establishing a period during which it is possible to appeal a decision to refuse to institute criminal proceedings, a decision to terminate a criminal case or criminal prosecution against a person, as well as enshrining in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the obligation of a person whose procedural actions have been recognized as illegal to notify the relevant judge of measures to enforce the court decision as soon as possible.

Keywords: *judicial review, court decisions, enforcement of court decisions, legal model, rights of participants in criminal proceedings.*

Судебный контроль выступает одной из фундаментальных гарантий защищаемых законами и Конституцией РФ интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений, он гарантирует не только соблюдение режима законности в досудебном производстве, но и обеспечивает разрешение по существу правовых споров, сопутствующих разрешению по существу уголовного дела, на основе уважения и соблюдения прав и свобод участников уголовного процесса.

Конституционный Суд РФ оказал значительное влияние на становление и развитие судебного контроля в досудебном производстве. Разработанные им правоположения, опубликованные в ряде постановлений, «последовательно указывали на возможность обжалования в суд различного вида решений, принимаемых в рамках досудебного производства по уголовному делу» [1, 2]. В настоящее время Конституционный Суд также не оставляет без внимания этот важнейший институт уголовно-процессуального права, что указывает, с одной стороны, на недостаточную его законодательную проработку с точки зрения соответствия Конституции РФ, с другой стороны – на «старт нового вектора развития, требующего научного анализа» [3, 4].

Судебный контроль как правовое явление неоднократно выступал в качестве объекта научных исследований в сфере уголовного судопроизводства. Вместе с тем, несмотря на относительно широкое обсуждение в научной среде процессуальных проблем, имеющихся в данной сфере, ряд из них остаются не решенными до настоящего времени. В частности, имеются дефекты правовой модели исполнения

судебных решений, принимаемых в рамках судебного контроля при обжаловании действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Одним из признаков обжалуемого в порядке судебного контроля решения являются временные ограничения, связанные с тем, что оно должно быть вынесено на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, при условии, что уголовное дело, в рамках которого действие/бездействие произведено, еще не поступило в суд первой инстанции (имеются некоторые ограничения). Однако такие ограничения не действуют, когда производство в рамках судебного контроля касается обжалования решений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела.

В действующем УПК РФ не установлены конкретные сроки, когда может быть подана жалоба в порядке ст. 125, что говорит о дефекте правовой модели, позволяющем подавать жалобу в любой произвольный момент времени, в том числе значительно выходящий за сроки предварительного расследования и ограниченный лишь сроками давности привлечения к уголовной ответственности.

Таким образом, с одной стороны, отсутствие в законе предельных сроков подачи жалобы позволяет лицам, пострадавшим от нарушения, добиваться справедливости, хотя и в течение значительного временного интервала, с другой – не ограниченное во времени право заявителя может создавать для лица, в отношении которого, например, отказано в возбуждении уголовного дела, ситуацию правовой неопределенности. Как справедливо отмечает Ю.В. Ендольцева, «законодатель находится в поиске оптимальных путей упрощения и ускорения уголовного производства, позволяющих в разумные сроки разрешить уголовно-правовой конфликт с обеспечением баланса частных и публичных интересов» [5, с. 622].

Кроме того, с истечением времени возможность оценки судом материалов, собранных органами предварительного расследования в рамках данного производства, значительно сужается [6], тем более что «если проверка сообщения о преступления была проведена неполно, то в ее материалах просто не хватит данных для определения правовых оснований для возбуждения уголовного дела [7, с. 447].

С учетом принципов правовой определенности, разумного срока уголовного судопроизводства полагаем, что имеется необходимость установления пресекательного срока в один год (по аналогии с ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ) с момента времени вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования с возможностью

восстановления пропущенного срока судом в случае установления уважительности причин его пропуска. Для устранения описанного дефекта правового регулирования следует внести соответствующие изменения в ст. 125 и 125.1 УПК РФ.

Нельзя не затронуть и проблему неисполнения судебного решения, вынесенного в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. На ее наличие указывают некоторые исследователи [8, с. 57–59; 9, с. 7; 10, с. 14]. Порядок, установленный ст. 125 УПК РФ, хотя и предусматривает определенные правовые ограничения в окончательной оценке имеющихся доказательств соответствующим судом, обусловленные разграничением процессуальных полномочий суда и должностного лица, чьи решения обжалуются, но «не предполагает варианта неисполнения принятых решений суда, тем более, в длительном периоде времени» [11, с. 135].

Вместе с тем в своем решении Конституционный Суд РФ указывает, что «невыполнение обязанности по устранению нарушений, указанных в судебном решении при разрешении жалобы в порядке судебного контроля, может служить основанием не только для обжалования связанных с этим действий (бездействия), но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения» [12].

Анализ научных работ, посвященных решению рассматриваемой проблемы, а также правоприменительной практики [12; 13, п. 5; 14, п. 20] указывает на необходимость закрепления в действующем законодательстве соответствующих обязанностей лица, чьи действия были признаны незаконными, по уведомлению судьи в кратчайший срок о том, какие меры были приняты для исполнения судебного решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что существующая правовая модель исполнения судебных решений, принимаемых в рамках судебного контроля при обжаловании действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, имеет ряд дефектов и нуждается в совершенствовании. По нашему мнению, первоочередной задачей является установление срока, в течение которого можно обжаловать решение об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении лица. Предлагаем, ч. 2 ст. 125 УПК РФ после слов «прокурора» дополнить словами «в течение одного года с момента времени вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования с возможностью восстановления пропущенного срока судом в случае установления уважительности

причин его пропуска». Часть 1 ст. 125[1] УПК РФ после слов «судьей по правилам» дополнить словами «и в сроки».

Кроме того, анализ правоприменительной практики указывает на дефект существующей модели правового регулирования, позволяющий не исполнять принятые судебные решения. В связи с этим представляется необходимым скорейшее закрепление в УПК РФ обязанности лица, чьи процессуальные действия были признаны незаконными, уведомлять соответствующего судью в кратчайший срок о мерах по исполнению им судебного решения, а именно: дополнить ч. 6 ст. 125 УПК РФ предложением следующего содержания: «Лицо, чьи процессуальные действия (бездействия), решения были признаны судом незаконными и (или) необоснованными, обязан уведомить судью, разрешившего жалобу, о мерах по исполнению принятого судебного решения не позднее одного месяца со дня вступления его в законную силу».

Список литературы:

1. По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 113 УПК РСФСР в связи с запросом Костомукшского суда Республики Карелия : постановление Конституционного Суда РФ от 29 марта 1998 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 19, ст. 2142.

2. По делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого и ООО «Моноком : постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 14, ст. 1749.

3. По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна : постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2023 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 5, ст. 914.

4. По жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 5-О. – URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14012020-n-5-o-po/ (дата обращения: 10.01.2025).

5. Ендольцева, Ю.В. Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела: современное состояние правоприменения / Ю.В. Ендольцева // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 4. – С. 619–628.

6. Справка по результатам изучения практики применения статьи 125 УПК РФ. Комсомольский районный суд Ивановской области. – URL: https://komsomolsky.iwn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=224 (дата обращения: 10.01.2025).

7. Цветков, Ю.А. Тенденции правоприменения на стадии возбуждения уголовного дела (эмпирический анализ) / Ю.А. Цветков // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7. – № 27. – С. 441–449.

8. Осин, В.В. Проблемы и особенности судебной защиты от незаконных и необоснованных действий (бездействия) и решений органов власти и должностных лиц : монография / В.В. Осин. – М. : Юрлитинформ, 2010. – 138 с.

9. Дочия, И.Р. Современные проблемы института судебной проверки жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования, прокурора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Р. Дочия. – М., 2009. – 30 с.

10. Цурлуй, О.Ю. Процессуально-тактические особенности обжалования процессуальных действий и решений в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.Ю. Цурлуй. – Воронеж, 2011. – 24 с.

11. Перетятько, Н.М. Правовые проблемы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств / Н.М. Перетятько, А.Е. Федюнин // Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – Т. 8. – № 1. – С. 130–139.

12. По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского : постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 49, ст. 7528.

13. По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова : постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2021 г. № 53-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2021. – № 52, ч. 2, ст. 9315.

14. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 28 июня 2022 г.) // Рос. газ. – 2009. – 18 фев.; 2022. – 7 июля.

А.Ю. Чурикова,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии

A.Yu. Churikova,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Saratov State Law Academy
a_tschurikova@bk.ru

Д.С. Устинов,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

D.S. Ustinov,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
dus71nov@yandex.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-208-214

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ И ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КИТАЯ*

Аннотация: *актуальность тематики статьи связана с теми проблемами законодательного и правоприменительного характера, которые возникают в Китайской Народной Республике (Китай, КНР) при реализации транспарентности уголовного судопроизводства в условиях его информатизации и обеспечении прав и свобод личности. Всё возрастающий запрос общества на транспарентность уголовно-процессуальной деятельности создает реальные угрозы приватности частной жизни граждан. Цель статьи заключается в анализе опыта КНР по поиску баланса между транспарентностью и защитой персональных данных участников уголовного судопроизводства и в выявлении тех общих проблем, которые существуют и в Российской Федерации в рассматриваемой области. В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу, что гарантиями должной защиты сведений о личной жизни граждан в условиях транспарентности уголовного судопроизводства в КНР и России должно стать закрепление на законодательном уровне принципов определенности цели получения и передачи данных по уголовному делу, соразмерности, категоризации и дифференциации данных. Необходимо также установить процессуальный порядок получения судебного решения для применения цифровых технологий в тех ситуациях, где это может привести к раскрытию персональных данных либо вмешательству в частную жизнь.*

Ключевые слова: *цифровизация уголовного судопроизводства Китая, защита персональных данных, транспарентность, информационная безопасность, право на неприкосновенность частной жизни.*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190 «Транспарентность уголовного судопроизводства в условиях цифровизации и информатизации». URL: https://rscf.ru/project/25-28-01190/

PERSONAL DATA TRANSPARENCY AND PROTECTION IN CHINA'S CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *the relevance of this article's topic is related to the legislative and law enforcement challenges that arise in the People's Republic of China in implementing transparency in criminal proceedings in the context of computerization and ensuring individual rights and freedoms. The ever-increasing public demand for transparency in criminal proceedings creates real threats to the privacy of citizens. The purpose of this article is to analyze China's experience in finding a balance between transparency and protection of the personal data of participants in criminal proceedings and to identify the common problems that exist in the Russian Federation in this area. Based on this analysis, the authors conclude that the principles of certainty regarding the purpose of obtaining and transmitting data in a criminal case, proportionality, categorization, and differentiation should be enshrined in law to guarantee the proper protection of citizens' personal information in the context of transparent criminal proceedings in both China and Russia. It is also necessary to establish procedural guidelines for obtaining a court decision on the use of digital technologies in situations where disclosure of personal data or interference with privacy are likely to happen.*

Keywords: *digitalization of China's criminal justice system, personal data protection, transparency, information security, right to privacy.*

Современное уголовное судопроизводство сталкивается с вызовами, порожденными стремительным развитием информационных технологий. С одной стороны, существует устойчивый запрос на транспарентность уголовного процесса – его открытость, понятность и доступность для общества, что является залогом доверия к правосудию и важным элементом демократического государства. С другой стороны, в эпоху больших данных (big data) сбор, хранение и анализ персональной информации, в том числе в рамках уголовного судопроизводства, достиг беспрецедентных масштабов, создавая серьезные угрозы приватности и автономии личности.

Китай, как и многие другие страны, находится в процессе поиска адекватной правовой модели, которая позволила бы эффективно бороться с преступностью, используя современные технологии и гарантируя защиту фундаментальных прав граждан, включая право на защиту персональных данных. Анализ опыта КНР по поиску баланса между цифровизацией, транспарентностью и защитой персональных данных участников уголовного судопроизводства позволяет посмотреть на имеющиеся и в Российской Федерации схожие проблемы со стороны.

Правовые основы защиты персональных данных. Долгое время в Китае отсутствовало комплексное законодательство о защите персональных данных. Ситуация кардинально изменилась с принятием

в 2021 г. Закона КНР «О защите персональной информации» [1]. Этот закон, а также законы «О кибербезопасности» [2] и «О защите данных» [3], заложили исходные положения для обработки персональных данных.

Однако специфика защиты персональных данных в уголовном судопроизводстве Китая не учитывается. Как указывает Цянь Суянь, «в настоящее время в Китае не существует специального законодательства, направленного на защиту персональных данных в уголовном процессе» [4, с. 1508]. Нормы, касающиеся этого вопроса, разрознены и содержатся преимущественно в Уголовно-процессуальном кодексе КНР (УПК КНР) [5]. Среди них можно выделить:

– ст. 54 УПК КНР, согласно абз. 3 которой «Доказательства, содержащие государственную тайну, коммерческую тайну и личную информацию, должны храниться в тайне»;

– ст. 64 УПК КНР, закрепляющую положения о неразглашении персональной информации свидетелей и потерпевших по определенным категориям дел;

– ст. 152 УПК КНР, устанавливающую обязанность сохранения сведений, составляющих личную тайну, которые были получены в ходе оперативно-разыскных мероприятий.

Анализ этих норм позволяет сделать вывод о том, что действующее регулирование носит фрагментарный характер и в значительной степени ориентировано на предоставление властных полномочий государственным органам при недостаточной регламентации прав граждан.

Вызовы цифровой эпохи: противоречие между необходимостью получения данных и защитой тайны частной жизни. С развитием цифровых технологий пропорционально возрастают и масштабы вмешательства в частную жизнь граждан тех стран, где эти технологии используются в сфере государственного управления. Особенно остро вопрос о вмешательстве в личную жизнь граждан встает при использовании технологий искусственного интеллекта и больших данных правоохранительными органами для выявления и расследования преступлений. Как отмечается учеными, «тайный мониторинг стал самой широкой и глубокой сферой получения и использования личной информации граждан» [4, с. 1509].

Использование больших данных в уголовном судопроизводстве привело к экспоненциальному росту масштабов вмешательства в права граждан. Технологии позволяют проводить:

– сбор и анализ цифровых следов, к которым относятся история поиска, переписка в мессенджерах, финансовые транзакции, геолокация;

– биометрическую идентификацию, связанную с распознаванием лиц, отпечатков пальцев, анализом ДНК;

– профилирование и прогнозную аналитику, при помощи которых можно осуществлять создание моделей поведения для выявления потенциальных преступников.

С одной стороны, это мощный инструмент раскрытия преступлений, с другой – создает риск установления «цифрового паноптикона», где индивид не в состоянии контролировать конфиденциальность информации о себе.

Данная проблема актуальна как для Китая, так и для Российской Федерации, что обусловливает важность ее научного исследования. Стоит отметить, что защита персональных данных и частной жизни граждан в условиях цифровизации напрямую связана с транспарентностью и ее пределами для уголовного судопроизводства.

Для КНР Цянь Суянь выделяет несколько проблем в существующей системе: отсутствие системности в правовом регулировании, дисбаланс в пользу государственной власти, неопределенность с процессуальным статусом больших данных [4, с. 1507–1515].

Проблема отсутствия специализированного правового регулирования обработки персональных данных в уголовном процессе характерна не только для Китая, но и для России. Несмотря на наличие законов о персональных данных в обеих странах, специфические вопросы, связанные с оборотом персональных данных именно в уголовном судопроизводстве, не решены. Кроме того, китайское законодательство содержит множество норм, наделяющих правоохранительные органы полномочиями по сбору информации в рамках выявления и расследования преступлений, в которых, однако, отсутствуют действенные механизмы защиты прав граждан. В России существует похожая ситуация. Несмотря на наличие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [6] целого ряда принципов, направленных на защиту личности (ст. 9, 11, 14, 16 УПК РФ), соблюдение тайны частной жизни (ст. 9, 12, 13 УПК РФ), норм, устанавливающих действенные механизмы реализации этих принципов в условиях цифровизации, явно недостаточно. Это проявляется, прежде всего, в неконтролируемом и неурегулированном применении цифровых технологий в уголовном процессе. И в Китае, и в России действия по сбору и анализу массивов данных не отнесены к конкретным следственным действиям, что позволяет обходить строгие процессуальные требования.

Поиск баланса: принципы и механизмы защиты данных в условиях транспарентности. Для преодоления указанных проблем ученые Китая предлагают следовать ряду ключевых принципов:

1. Принцип правомерности и определенности целей, согласно которому сбор и обработка персональных данных должны осуществляться строго на основании закона и только для конкретных, заранее определенных целей уголовного преследования. Запрещается использование данных для иных, не связанных с уголовным делом, целей.

2. Принцип соразмерности. Пэй Вэй и Чжан Гуйсянь обоснованно указывают, что вмешательство в частную жизнь должно быть соразмерно тяжести расследуемого преступления и целям расследования [7, с. 50–62]. Необходимо выбирать наименее обременительные для прав граждан меры. Этот принцип включает три компонента:

– применяемая мера должна быть способна достичь цели, для которой она используется;

– не должно существовать более мягкой альтернативы;

– ущерб праву на тайну частной жизни не должен быть чрезмерным по сравнению с важностью цели.

3. Принцип категоризации и дифференциации данных. Различные категории персональных данных требуют разного уровня защиты. Например, биометрические данные, данные о состоянии здоровья, местоположении должны охраняться строже, чем общедоступная информация. Как отмечает Чэн Лэй, «в общем случае степень защиты конфиденциальной личной информации выше, чем общей личной информации» [8, с. 111].

Обеспечение транспарентности и контроль за обработкой данных. В настоящее время в Китае санкционирование большинства следственных действий, связанных с вмешательством в частную жизнь, является предметом не судебного, а внутреннего контроля или прокурорского надзора. Как пишет Цзо Вэйминь в работе о моделях уголовного процесса КНР, для Китая характерна «государственно-ориентированная» модель с высокой степенью интеграции властных функций [9].

Для повышения уровня защиты прав граждан необходима диверсификация механизмов контроля за их ограничением. В зависимости от степени вмешательства можно применять:

– внутренний контроль – для мер с низкой степенью вмешательства;

– судебный контроль – для наиболее ощутимых мер по получению сведений (например, глубокая аналитика больших данных, постоянное наблюдение);

– создание независимых надзорных органов. В Китае общие функции надзора за обработкой и передачей персональных данных возложены на Государственное управление киберпространства. Однако, учитывая специфику уголовного судопроизводства, Цянь Суянь предлагает рассмотреть возможность создания специализированного инфор-

мационно-надзорного органа при прокуратуре, который бы осуществлял контроль за обработкой данных в уголовном процессе [4, с. 1512–1513].

Таким образом, современное уголовное судопроизводство Китая находится на перепутье. С одной стороны, страна активно внедряет цифровые технологии для повышения эффективности борьбы с преступностью, что неизбежно сопряжено с масштабным сбором персональных данных, с другой – растет осознание необходимости защиты фундаментальных прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни.

Достижение баланса между транспарентностью и защитой данных является сложной, но достижимой целью. Для этого требуется:

1. Систематизация законодательства (например, принятие отдельной главы в УПК КНР, посвященной защите персональных данных в уголовном процессе).

2. Закрепление на законодательном уровне принципов соразмерности и правомерности целей, установление процессуального порядка получения судебного решения для применения цифровых технологий в тех ситуациях, где это может привести к раскрытию персональных данных либо вмешательству в частную жизнь.

3. Реализация на практике прав граждан на доступ, исправление и удаление их персональных данных.

4. Использование технологий не только для сбора данных, но и для их защиты (шифрование, анонимизация).

Как отмечает Цянь Суянь, «обмен информации на безопасность» – это неизбежность информационного общества [4, с. 1510]. Однако чтобы этот обмен был справедливым, он должен происходить в рамках понятной и прозрачной правовой системы, которая не позволяет государству злоупотреблять своим мощным информационным потенциалом. Построение такой системы – ключевая задача как для Китая, так и для Российской Федерации, на пути к созданию современного, справедливого и человекоориентированного уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. «О защите персональной информации»: закон Китайской Народной Республики (принят на 30-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 20 августа 2021 г.). – URL: https://www.cac.gov.cn/2021-08/20/c_1631050028355286.htm (дата обращения: 03.10.2025).

2. «О кибербезопасности»: закон Китайской Народной Республики (принят на 24-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей двенадцатого созыва 7 ноября 2016 г.). – URL: https://www.cac.gov.cn/2016-11/07/c_1119867116.htm (дата обращения: 03.10.2025).

3. «О безопасности данных»: закон Китайской Народной Республики (принят на 29-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 10 июня 2021 г.). – URL: https://prpq.nea.gov.cn/pfzt/7347.html (дата обращения: 03.10.2025).

4. Цянь, С. Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве / С. Цянь // Разрешение споров. – 2022. – Т. 9. – С. 1507–1515. – URL: https://pdf.hanspub.org/ds 20230400000_69854122.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

5. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики : принят на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г. (в ред. от 26 октября 2018 г.). – URL: https://www.spp.gov.cn/zdgz/201810/t20181027_396818.shtml (дата обращения: 02.10.2025).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 января 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921; 2025. – № 31, ст. 4636.

7. Пэй, В., Чжан, Г. Об обоснованном правиле защиты персональной информации в уголовном судопроизводстве / В. Пэй, Г. Чжан // Журнал Чэндуского технологического университета (социальные науки). – 2022. – Т. 30. – № 4. – С. 50–62.

8. Чэн Лэй. Защита личной информации граждан в уголовном правосудии / Л. Чэн // Журнал Жэньминьского университета Китая. – 2019. – Т. 33, № 1. – С. 104–113.

9. Цзо, В. Локальное конструирование модели уголовного судопроизводства Китая / В. Цзо // Правовые исследования. – 2009. – Т. 2. – URL: https://faxueyanjiu.ajcass.com/Admin/UploadFile/publish_article/2009/2/20090208.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

А.Э. Арзуманян,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, начальник Уголовно-судебного управления прокуратуры Саратовской области

A.E. Arzumanyan,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy, Head of the Criminal-Judicial Department of the Prosecutor's Office of the Saratov Region
aearzumanyan@yandex.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-215-223

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация: *актуальность исследования обусловлена активным внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в уголовное судопроизводство и связанными с этим рисками для основополагающих прав личности. Целью статьи является комплексный анализ Регламента Европейского союза (ЕС) 2024/1689 об искусственном интеллекте и выработка предложений по совершенствованию российского законодательства. Методологическую основу составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы, позволившие провести детальное сопоставление европейского и отечественного правового регулирования. В работе раскрывается суть риск-ориентированного подхода ЕС, анализируются запрещенные направления использования ИИ и требования к системам ИИ высокого риска. В заключение обосновывается, что прямое заимствование жесткой европейской модели для России нецелесообразно, поскольку может замедлить технологическое развитие. Автор формулирует ряд законодательных предложений: принятие специального закона, устанавливающего базовые требования к прозрачности, качеству данных и человеческому контролю, а также внесение изменений в УПК РФ, регламентирующих доказательственное значение результатов применения ИИ и гарантии прав участников уголовного судопроизводства.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, Европейский союз, закон об искусственном интеллекте, правоохранительные органы, конституционные права, риск-ориентированный подход.*

REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

Abstract: *the relevance of this research is determined by the active implementation of artificial intelligence (AI) technologies in criminal proceedings and the associated risks to fundamental human rights. The aim of this article is to comprehensively analyze European Union Regulation (EU) 2024/1689 on artificial intelligence and, based on this analysis, develop proposals for improving Russian legislation. The methodological basis is formed by comparative legal and formal legal methods, allowing for a detailed comparison*

of European and Russian legal regulations. The paper reveals the essence of the EU's risk-based approach, analyzes the prohibited uses of AI, and the requirements for high-risk AI systems. In conclusion, it is argued that direct borrowing of the rigid European model is impractical for Russia, as it could slow technological development. At the same time, legislative proposals are formulated: it is proposed to adopt a special law establishing basic requirements for transparency, data quality, and human control, to make amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the evidentiary value of the results of the use of AI and ensuring guarantees of the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: *artificial intelligence, criminal justice, the European Union, artificial intelligence law, law enforcement, constitutional rights, risk-based approach.*

Цифровая трансформация затронула все сферы общественной жизни, включая правосудие и правоохранительную деятельность. Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) предлагают новые инструменты для раскрытия преступлений, анализа доказательств и поддержки принятия решений. Однако внедрение в уголовное судопроизводство ИИ сопряжено с необходимостью разрешения ряда фундаментальных вопросов, основным из которых является соблюдение таких принципов, как презумпция невиновности, право на справедливое судебное разбирательство и защита тайны частной жизни. В связи с этим проблема правового использования ИИ в уголовном судопроизводстве является глобальной. На необходимость ее разрешения обращают внимание не только отечественные [1, с. 94–95; 2, с. 23; 3, с. 488–489], но и зарубежные ученые [4, p. 362; 5, p. 1608].

Европейский союз (далее – ЕС), стремясь занять лидирующие позиции в области надежного и человекоориентированного ИИ, 13 июня 2024 г. принял Регламент ЕС 2024/1689, устанавливающий базовые правила в сфере разработки и использования искусственного интеллекта [6] (далее – Закон об ИИ или Регламент ЕС 2024/1689). Данный Регламент представляет собой наиболее комплексный на сегодняшний день правовой акт, регулирующий использование ИИ, и задает новые стандарты для глобального дискурса.

Российская Федерация, как и ЕС, активно развивает регулирование ИИ [7]. Анализ Регламента ЕС 2024/1689 позволит выявить положительные практики, которые могут быть интегрированы в российскую правовую систему, а также избежать ошибок, связанных с неопределенностью правового статуса ИИ. Целью настоящей статьи является комплексный анализ положений Закона об ИИ применительно к сфере уголовного процесса государств – членов ЕС.

Закон об ИИ основан на риск-ориентированном подходе, который предполагает дифференциацию правового регулирования в зависимости от потенциального уровня угрозы, которую представляет собой система ИИ для безопасности, здоровья и основных прав и свобод человека [8, с. 147–148; 9, с. 56]. Все системы ИИ классифицируются на четыре основные категории: с неприемлемым риском (запрещенные), высоким риском, ограниченным риском и минимальным риском.

К уголовному процессу наибольшее отношение имеют первые две категории. К системам с неприемлемым риском относятся те, использование которых признано недопустимым в правовом обществе в силу прямой угрозы основополагающим правам и демократическим ценностям. Системы высокого риска – это те, которые могут оказать негативное влияние на права и свободы лиц, но их использование не запрещено, а строго урегулировано, т.е. возможно в установленных законом случаях и при условии последующего контроля результатов их использования.

Сферы правоохранительной деятельности, пограничного контроля и отправления правосудия прямо отнесены Приложением III Регламента ЕС 2024/1689 к областям, где развертывание ИИ априори считается сопряженным с высоким риском. Это означает, что любые системы ИИ, используемые для этих целей, подпадают под наиболее строгие требования Закона об ИИ.

Закон об ИИ содержит исчерпывающий перечень запрещенных практик использования ИИ. Ряд из них имеет прямое отношение к уголовному судопроизводству. Например, в п. 31 Закона об ИИ запрещается проведение рейтингования (социальной оценки) со стороны публичных органов власти, т.е. использование ИИ для оценки или классификации физических лиц или групп на основе их социального поведения или личностных характеристик, если это может привести к неблагоприятным последствиям для физических лиц, признается недопустимым. Хотя эта норма сформулирована широко, она прямо направлена против практик, подобных китайской системе социального кредита [10, с. 51–55], и может ограничивать использование алгоритмов ИИ для оценки склонности к совершению преступлений.

Подтверждением данного вывода является положение п. 42 Закона об ИИ, согласно которому в целях соблюдения презумпции невиновности прямо запрещается использование систем ИИ для оценки риска того, что физическое лицо совершит уголовное преступление, основанных исключительно на профилировании или оценке личностных черт и характеристик лица. Это важная гарантия против превентивного криминализирующего подхода, основанного на алгоритмических

предубеждениях. Важным является то, что запрет не абсолютен, он допускает использование систем ИИ для оценки риска совершения преступления, основанной на объективных, проверяемых фактах, связанных с конкретной преступной деятельностью. Дж. Шпренгер и Д. Бродовски отмечают, что в Германии «в настоящее время появляется все больше систем прогнозирования на основе алгоритмов ИИ» [11, p. 3]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на ограничения, устанавливаемые Законом об ИИ, такие системы достаточно востребованы на практике.

Кроме того, одной из самых спорных норм Регламента ЕС 2024/1689 является установление запрета на использование систем удаленной биометрической идентификации в реальном времени (например, распознавания лиц с камер видеонаблюдения) для целей правоприменения в публичных пространствах. Однако, как обоснованно отмечает А.Ю. Чурикова, законодатель предусмотрел целый ряд исключений для данного правила [12, с. 31]. Такое использование возможно только после получения судебного разрешения и строго для:

– целенаправленного поиска жертв похищения, торговли людьми или сексуальной эксплуатации, а также пропавших без вести лиц;

– предотвращения существенной и неминуемой угрозы жизни или безопасности физических лиц или террористического акта;

– обнаружения, локализации, идентификации или судебного преследования исполнителя или подозреваемого в совершении преступления, указанного в ордере на арест.

Данные исключения стали результатом компромисса между защитой гражданских свобод и необходимостью предоставить правоохранительным органам инструменты для противодействия тяжким преступлениям.

Кроме того, представляет научный и практический интерес устанавливаемый Законом об ИИ запрет на использование ИИ для анализа эмоций (п. 44). Это может иметь значение при проведении допросов или оценке достоверности показаний. Учеными отмечается возможность использования систем ИИ для установления паттернов поведения лица во время допроса, эмоционального фона допрашиваемого, который может повлиять на оценку полученных сведений [13, с. 98–110]. Устанавливаемый Регламентом ЕС 2024/1689 запрет фактически исключает применение ИИ в этом направлении, что является достаточно спорным.

Отнесение систем ИИ, используемых правоохранительными органами при отправлении правосудия, к системам высокого риска налагает на их разработчиков и пользователей ряд строгих обязательств.

Во-первых, разработчики должны внедрять, документировать и поддерживать систему управления рисками для идентификации, оценки и смягчения известных и предполагаемых рисков на протяжении всего жизненного цикла системы ИИ.

Во-вторых, наборы данных, используемые для обучения и тестирования систем ИИ, должны быть релевантными, репрезентативными и свободными от ошибок, насколько это возможно, чтобы минимизировать риски дискриминационных результатов, что является принципиально важным для уголовного судопроизводства.

В Российской Федерации, как и в странах ЕС, внедрение систем ИИ в деятельность правоохранительных органов является одним из ключевых направлений цифровой трансформации. Несмотря на указание в нормативных актах на необходимость внедрения ИИ [14], правила сбора, обработки и использования данных для обучения систем ИИ для нужд уголовного судопроизводства в России в настоящее время не установлены. Представляется, что требования, применяемые Регламентом ЕС 2024/1689 к данным, используемым при обучении систем ИИ для правоохранительных органов и нужд правосудия, могут быть адаптированы и использованы для разработки соответствующего правового регулирования в Российской Федерации.

Кроме того, практический и научный интерес представляют требования Закона об ИИ по обеспечению соответствия систем ИИ установленным требованиям, их прозрачности, информированию пользователей, а также установлению контроля со стороны человека.

Согласно положениям Регламента ЕС 2024/1689 разработчики должны создавать подробную техническую документацию, позволяющую оценить соответствие системы ИИ требованиям закона, а также обеспечивать возможность отслеживания функционирования системы ИИ с помощью встроенных средств ведения журнала учета данных.

Система ИИ должна быть достаточно прозрачной, чтобы пользователи могли правильно интерпретировать ее результаты и использовать их надлежащим образом. Пользователи (например, следователи, судьи) должны получать необходимую информацию о возможностях и ограничениях системы ИИ. Использование систем ИИ высокого риска должно осуществляться под контролем человека. Это предусматривает возможность вмешательства человека в работу системы ИИ, отмену или игнорирование ее выводов.

По инициативе Европейского парламента в окончательный текст Закона об ИИ была включена обязанность для пользователей систем ИИ высокого риска проводить оценку воздействия на фундаментальные права человека перед их применением. Это ключевая про-

цессуальная гарантия, призванная обеспечить учет потенциального негативного влияния на права человека в определенных направлениях использования, т.е. суды, органы расследования и прокуратуры стран ЕС перед внедрением в свою деятельность систем ИИ и их непосредственным применением должны в обязательном порядке оценить возможное воздействие на права человека и гражданина. Такое требование представляется обоснованным, т.к. позволяет учесть интересы личности, а также риски применения систем ИИ в уголовном судопроизводстве. Представляется целесообразным закрепить аналогичное требование в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

За нарушения положений Закона об ИИ предусмотрены значительные штрафы. За использование запрещенных систем ИИ или несоблюдение требований к данным для систем ИИ высокого риска может быть наложен штраф в размере до 35 млн евро или 7 % от годового мирового оборота компании (в зависимости от того, что выше), что стимулирует разработчиков и пользователей систем ИИ, отнесенных к высокому риску, соблюдать установленные Регламентом ЕС 2024/1689 запреты и ограничения.

В России отсутствует специальный закон, регулирующий применение ИИ как государственными органами в целом, так и конкретно в уголовном судопроизводстве. В отличие от риск-ориентированного подхода ЕС, в России доминирует разрешительный и технологически оптимистичный подход. Основной акцент делается на внедрении и использовании ИИ для повышения эффективности работы государственного аппарата, в то время как вопросы защиты прав граждан и минимизации рисков часто отходят на второй план. Отсутствует классификация систем ИИ по уровню риска и соответствующие дифференцированные требования.

В России в настоящее время системы ИИ активно разрабатываются и внедряются в правоохранительную деятельность. Правоохранительные органы широко используют технологию распознавания лиц с помощью сети уличных камер, в том числе для розыска лиц и идентификации подозреваемых. В отличие от ЕС, где такое использование в режиме реального времени допускается лишь в виде исключения на основании санкции суда, в России эти системы ИИ применяются массово без законодательных рамок, гарантий и судебного контроля, что приводит к возникновению сложностей и проблем в уголовном судопроизводстве, связанных как с оценкой доказательственного значения результатов использования таких систем ИИ [15, 66–69], так и с защитой тайны частной жизни лиц [16, с. 12–19].

Таким образом, российская практика широкого использования ИИ правоохранительными органами и судами развивается пока в условиях правового вакуума, что создает серьезные риски для реального, а не формального соблюдения принципа законности, а также прав и свобод личности.

В законодательстве РФ не закреплены требования к прозрачности систем ИИ, качеству данных, используемых для их обучения, контролю со стороны человека и оценке воздействия на права человека при использовании ИИ в уголовном процессе. Не урегулированы вопросы ответственности за ошибки, допущенные системами ИИ, не установлены эффективные механизмы судебной защиты для лиц, чьи права были нарушены в результате их применения. Для эффективного применения систем ИИ в уголовном судопроизводстве необходимо изменение и дополнение соответствующего законодательства.

На основе проведенного исследования представляются целесообразными следующие предложения для российской правовой системы:

Во-первых, необходимо принять специальный федеральный закон, регулирующий использование технологий ИИ государственными органами, основанный на риск-ориентированном подходе. В него следует включить:

– классификацию систем ИИ, используемых в правоохранительной деятельности и правосудии, как систем высокого риска;

– обязательные требования к порядку сбора, хранения и качеству данных, используемых для обучения систем ИИ;

– требования о достаточной прозрачности систем ИИ, используемых правоохранительными органами и судами, ведения данными системами журналов учета данных, на основе которых было бы возможно осуществить контроль со стороны человека полученных при использовании ИИ результатов;

– требования к кибербезопасности систем ИИ, предназначенных для использования правоохранительными органами и судами;

– обязанность проведения оценки воздействия на права человека перед внедрением систем ИИ в правоохранительную и судебную деятельность.

Во-вторых, требуется внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в соответствии с которыми установить:

– процессуальный статус сведений, полученных с помощью систем ИИ, как доказательств и правила их оценки (например, с обязательной проверкой алгоритма и данных на предвзятость по ходатайству стороны защиты);

– право обвиняемого (подозреваемого) на ознакомление с принципами работы и данными системы ИИ, использованной в процессе его уголовного преследования;

– обязательность судебного решения для использования системы ИИ, оказывающей существенное воздействие на конституционные права граждан (например, применение системы распознавания лиц в режиме реального времени).

Прямое заимствование жесткой модели регулирования искусственного интеллекта, содержащейся в Регламенте ЕС 2024/1689, для российской правовой системы не является оптимальным, поскольку может создать избыточные административные барьеры и искусственно ограничить инновационный потенциал технологий в сфере уголовного судопроизводства. Во избежание правового вакуума и с целью минимизации рисков для основополагающих прав личности, национальное законодательство нуждается в формировании сбалансированных правовых рамок, устанавливающих базовые требования к прозрачности, качеству данных и человеческому контролю при использовании систем ИИ в уголовном процессе. Таким образом, принятие изменений, предложенных в настоящей статье, позволит выработать гибкий регуляторный подход, который, обеспечивая необходимые гарантии соблюдения прав граждан, одновременно не будет сдерживать внедрение и развитие технологий ИИ в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Воскобитова, Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л. А. Воскобитова // Lex russica. – 2019. – № 5 (150). – С. 91–104.

2. Чурикова, А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски использования / А. Ю. Чурикова // Информационное право. – 2023. – № 1 (78). – С. 22–25.

3. Спиридонов, М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании / М. С. Спиридонов // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 481–497.

4. Blount, K. Using artificial intelligence to prevent crime: implications for due process and criminal justice / K. Blount // AI & SOCIETY. – 2024. – Vol. 39, № 1. – P. 359–368.

5. Iwannudin, I. Legal Challenges in Regulating Artificial Intelligence Use in Criminal Justice Systems / I. Iwannudin, I. Heriani // The Journal of Academic Science. – 2025. – Vol. 2, № 6. – P. 1603–1611.

6. Artificial Intelligence Act: Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) № 300/2008, (EU)

№ 167/2013, (EU) № 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 01.10.2025).

7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2019. – № 41, ст. 5700; 2024. – № 8, ст. 1102.

8. Самойлюк, Р.Н. Искусственный интеллект и права человека (на примере Европейского союза) / Р.Н. Самойлюк, Е.С. Карпунина, Р.Р. Янбарисова // Вестник Всерос. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД РФ. – 2024. – № 4 (72). – С. 145–152.

9. Филипова, И.А. Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию / И.А. Филипова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 54–65.

10. Хань, Г. Ключевые механизмы функционирования системы социального кредита в Китае / Г. Хань // Социология. – 2025. – № 5. – С. 51–55.

11. Sprenger, J. «Predictive policing», «Predictive Justice», and the use of «Artificial Intelligence» in the Administration of Criminal Justice in Germany / J. Sprenger, D. Brodowski // e-Revue Internationale de Droit Pénal. – 2023. – Vol. 5, № 666. – P. 1–22.

12. Чурикова, А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А.Ю. Чурикова. – Саратов, 2024. – 48 с.

13. Азарова, Н.В. Современные технологии анализа мимической активности как инструмент оценки достоверности показаний жертвы и обвиняемого / Н.В. Азарова, В.Ф. Енгалычев, А. В. Хавыло // Виктимология. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 98–110.

14. Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации : приказ Генпрокурора РФ от 11 сентября 2025 г. № 621 // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=107950259 (дата обращения: 29.09.2025).

15. Чурикова, А.Ю. Доказательственное значение результатов использования технологии распознавания лиц / А.Ю. Чурикова // Законность. – 2025. – № 1 (1083). – С. 66–69.

16. Ковалев, И.П. Правовое регулирование защиты личных прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта / И.П. Ковалев // Вестник Моск. ун-та им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2024. – №. 1 (41). – С. 12–19.

М.А. Баранова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

М.А. Baranova,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
marina2008-78@mail.ru

В.Л. Григорян,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

V.L. Grigoryan,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
vagan1384@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-224-233

«ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ» ПРИ ВОЗОБНОВЛЕНИИ ПРИОСТАНОВЛЕННОГО И ПРЕКРАЩЕННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: *в статье рассматриваются актуальные проблемы возобновления производства по приостановленному или прекращенному уголовному делу в соответствии с правилами, закрепленными в ч. 6 ст. 162 УПК РФ. Обосновывается отсутствие единого эффективного контрольно-надзорного механизма проверки законности и обоснованности решений о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу, его возобновлении с установлением дополнительного срока расследования в пределах одного месяца, что влечет системные «злоупотребления правом» в анализируемой сфере. Это приводит к нарушению основополагающих принципов уголовного процесса – законности и разумного срока уголовного судопроизводства, а в практическом аспекте – к возвращению судом уголовного дела прокурору для устранения нарушений закона, влекущих невозможность его рассмотрения по существу. Приводятся конкретные примеры «злоупотребления правом» лицами, осуществляющими производство по уголовному делу. Аргументируется потребность в установлении срока, в течение которого руководитель следственного органа сможет отменять незаконные и необоснованные постановления следователя о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу и возобновлять его в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ, необходимость согласования с прокурором решений о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу, об их отмене с последующим возобновлением в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ, выносимых неоднократно (два и более раза) в рамках одного и того же уголовного дела.*

Ключевые слова: *сроки, возобновление производства, руководитель следственного органа, законность, «злоупотребления правом».*

"ABUSE OF RIGHT" DURING THE RESUMPTION OF SUSPENDED AND TERMINATED CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *the article discusses the current problems of resuming proceedings in a suspended or terminated criminal case in accordance with the rules established in Part 6 of Article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The article substantiates the lack of a unified effective control and supervisory mechanism for checking the legality and validity of decisions on suspending and terminating proceedings in a criminal case, as well as its resumption with an additional investigation period of one month, which leads to systemic «abuses of the right» in the analyzed area. It leads to a violation of the fundamental principles of the criminal process, such as the rule of law and the reasonable timeframe for criminal proceedings, and, in practical terms, it results in the court returning the criminal case to the prosecutor in order to eliminate violations of the law that make it impossible to consider the case in its entirety. Specific examples of «abuse of the right» by officials conducting criminal proceedings are provided. The final argument is the need to set a deadline for the head of the investigative body to revoke unlawful and unjustified orders of the investigator on suspension and termination of criminal proceedings and resume it in accordance with Part 6 of Article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; to harmonize decisions on suspension and termination of criminal proceedings, their revocation and subsequent resumption in accordance with Part 6 of Article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, if it happens repeatedly (two or more times) within the same criminal case with the prosecutor' participation.*

Keywords: *deadlines, resumption of proceedings, head of the investigative body, legality, abuse of rights.*

Институты приостановления и прекращения уголовного дела, регламентированные гл. 28 и 29 УПК РФ, обеспечивают рациональное построение уголовно-процессуальных отношений и реализацию режима законности при производстве по уголовному делу. При наличии оснований, закрепленных в ст. 208 УПК РФ, орган предварительного расследования может приостановить производство по уголовному делу. Руководствуясь положениями ст. 212 УПК РФ, следователь обязан, а в некоторых случаях – вправе прекратить уголовное дело. В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ решение следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) подлежит утверждению руководителем следственного органа. Содержащаяся в ч. 1 ст. 214 УПК РФ норма также предоставляет руководителю следственного органа правомочие по отмене незаконного или необоснованного постановления следователя о прекращении уголовного дела. Что касается решения о приостановлении предварительного следствия, то оно принимается следователем самостоятельно. Однако такое решение может быть отменено руководителем следственного органа в рамках полномочий, определенных ч. 2 ст. 211 УПК РФ.

Как видно из предшествующих суждений, со стороны руководителя следственного органа осуществляется процессуальный контроль за законностью и обоснованностью решений следователей о приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного дела. Параллельно ч. 6 ст. 162 УПК РФ позволяет руководителю следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, продлить срок расследования по возобновленному уголовному делу до одного месяца с момента возвращения уголовного дела следователю. Дополнительно законом указывается на возможность неоднократного продления срока в такой ситуации независимо от количества отмен постановлений о приостановлении предварительного следствия или прекращении уголовного дела и от общей продолжительности производства по уголовному делу.

Уголовно-процессуальное законодательство советского периода для регулирования сроков предварительного расследования устанавливало требование его быстроты, а для определения объема исследования обстоятельств преступления – требование полноты расследования. Данная задача не нашла отражения в УПК РФ. Несмотря на это, практическая значимость вышеуказанных требований объективно сохраняется как неотъемлемое условие эффективности досудебного производства. Быстрота и полнота являются общепринятыми требованиями к досудебному исследованию обстоятельств преступления. Именно поэтому в доктрине отечественного уголовного судопроизводства до настоящего времени высказывается точка зрения, согласно которой «в целях обеспечения надлежащего целеполагания и целедостижения российского уголовного процесса, его эффективного функционирования необходимо законодательное закрепление требования быстрого и полного исследования обстоятельств преступления в качестве одной из задач досудебного производства по уголовным делам с восстановлением также на законодательном уровне действия принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела» [1, с. 12].

Конструкция ч. 6 ст. 162 УПК РФ, предполагающая рациональное использование сил и средств следственными органами, ориентирована на проявление диалектической связи быстроты и полноты предварительного расследования. Если руководитель следственного органа отменил решение следователя о приостановлении либо о прекращении производства по уголовному делу как незаконное или необоснованное и возобновил производство по нему, то необходимо установить дополнительный срок предварительного расследования для обеспечения его полноты. Чтобы руководитель следственного органа не обращался

к вышестоящему руководителю для установления срока расследования возобновленного уголовного дела в случае, когда срок расследования приостановленного (прекращенного) уголовного дела составил три месяца (как это следует делать в традиционной ситуации продления сроков расследования по правилам ч. 5 ст. 162 УПК РФ), законодатель наделил его правом самостоятельного продления срока до одного месяца. В обозначенном контексте продление срока расследования руководителем следственного органа, возобновившим производство по уголовному делу, без обращения к вышестоящему руководителю и предельный месячный срок такого продления обусловлены важностью соблюдения требования быстроты предварительного расследования. Дальнейшее продление срока расследования должно происходить в общем порядке, установленном ч. 4, 5 и 7 ст. 162 УПК РФ.

Нормативные положения ч. 6 ст. 162 УПК РФ нацеливают властных субъектов процесса на разумный и оптимальный подход к исполнению своих должностных обязанностей. Практические работники нередко весьма своеобразно применяют указанное законоположение, создавая предпосылки для произвола и нарушения принципов уголовного судопроизводства. Думается, что причина такого произвольного толкования и применения норм УПК РФ кроется в отсутствии надлежащего механизма контроля (надзора) за законностью и обоснованностью решений о приостановлении и прекращении уголовных дел, их последующем возобновлении и продлении сроков расследования. В связи с этим Конституционный Суд РФ далеко не случайно положения ч. 6 ст. 162 УПК РФ много раз делал предметом своего внимания и обсуждения.

Анализ решений Конституционного Суда РФ по данному вопросу позволяет сформулировать суждение о том, что орган конституционного правосудия последовательно менял свою позицию, склоняясь к упрощению правового регулирования, впоследствии отрицательно сказавшемуся на правоприменительной практике.

В определении от 2 июля 2015 г. № 1541-О Конституционный Суд РФ установил, что по уголовному делу по обвинению С.Н. Тихуна общий срок предварительного следствия составил более 12 месяцев, но, в нарушение положений ст. 162 УПК РФ, он продлевался не руководителем следственного органа федерального органа исполнительной власти, а руководителем следственного органа, неоднократно возобновлявшим приостановленное предварительное следствие с одновременным продлением срока расследования на один месяц. Комментируя возможность неоднократного продления срока расследования руководителем следственного органа, в производстве

которого находится уголовное дело, Конституционный Суд РФ указал, что положения ч. 6 ст. 162 УПК РФ не могут рассматриваться как позволяющие неоднократно продлевать срок предварительного следствия, если в результате общая его продолжительность будет более чем на один месяц превышать указанные в ч. 4 и 5 данной статьи сроки [2]. Таким образом, в 2015 г. Конституционный Суд РФ ограничил общую продолжительность срока, устанавливаемого руководителем следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, одним месяцем.

Федеральным законом от 20 апреля 2014 г. № 76-ФЗ редакция части 6 ст. 162 УПК РФ была изменена [3], что позволило руководителю следственного органа, в производстве которого находится уголовное дело, неоднократно продлевать срок расследования на один месяц (каждый раз при отмене незаконного или необоснованного решения следователя о приостановлении либо прекращении производства по уголовному делу).

Обсуждая новую редакцию ч. 6 ст. 162 УПК РФ, Конституционный Суд РФ пояснил, что продление не должно нарушать положений статей 6.1 и 7 УПК РФ о разумных сроках уголовного судопроизводства и необходимости соблюдения режима законности. Кроме того, установленный ч. 6 ст. 162 УПК РФ порядок, по мнению органа конституционного контроля, не предполагает «злоупотребления правом» при его использовании, заключающегося, в том числе, в неоднократном приостановлении, прекращении уголовного дела по одним и тем же основаниям, с последующей отменой решений как незаконных. В качестве обеспечительных мер исключительности положений ч. 6 ст. 162 УПК РФ были названы ведомственный и судебный контроль и прокурорский надзор в соответствующей части [2].

Свое развитие правовая позиция Конституционного Суда РФ получила в определении от 26 марта 2020 г. № 759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гапонова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2.1 части первой статьи 39, частью шестой статьи 162, пунктом 1 части первой статьи 208 и частью второй статьи 211 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», где было обозначено, что порядок продления срока предварительного следствия, предусмотренный ч. 6 ст. 162 УПК РФ, является *исключительным*, направленным на принятие мер по ускорению предварительного расследования в случае незаконного приостановления или прекращения уголовного дела посредством выявления и устранения допущенных органом предварительного следствия нарушений. Данный порядок не предполагает «злоупотребления

правом», не должен использоваться для неоднократного возобновления предварительного расследования в случае приостановления или прекращения производства по одним и тем же основаниям, в том числе приостановления производства по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Решение руководителя следственного органа о возобновлении производства и продлении срока расследования, принятое в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ, должно отвечать требованиям законности, обоснованности, достаточности и эффективности [4].

Еще ранее в Постановлении от 25 июня 2013 г. № 14-П Конституционный Суд РФ четко обозначил, что устанавливаемые законодателем институциональные способы правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, независимо от сферы правового регулирования, должны отвечать требованиям процессуальной эффективности [5]. Однако реальное правоприменение никак не учитывает требования исключительности, обоснованности и эффективности. Чтобы не быть голословными, приведем конкретные примеры из следственно-судебной практики.

Апелляционным постановлением Кемеровского областного суда от 18 июля 2014 г. было установлено, что предварительное следствие по уголовному делу, рассмотренному в апелляционном порядке, возобновлялось после отмены решений о приостановлении, прекращении уголовного дела 14 раз. При этом каждый раз руководитель следственного органа устанавливал месячный срок расследования. Как следствие, общий срок следствия составил более 13 месяцев, и его продление осуществлял исключительно руководитель следственного органа, расследовавшего данное уголовное дело. Суд апелляционной инстанции расценил данные продления как незаконные [6].

Московским областным судом в апелляционном постановлении от 16 июня 2015 г. установлены факты необоснованного неоднократного приостановления расследования с последующим продлением сроков в порядке ст. 162 УПК РФ. Уголовное дело было возвращено прокурору для устранения нарушений закона, препятствующих его рассмотрению по существу [7].

Апелляционным постановлением Ростовского областного суда от 23 декабря 2015 г. отмечено, что «у органов предварительного следствия отсутствовали основания к приостановлению предварительного расследования по уголовному делу в отношении ФИО1, что в заседании суда первой инстанции не оспаривалось самим следователем Д.М. Читаевым, вынесение неоднократных постановлений о приостановлении предварительного следствия по одним и тем же основаниям и их последующую отмену руководителями

следственных органов следует признать произведенными исключительно с целью продления сроков предварительного следствия по уголовному делу в обход требований, установленных ч. 5 ст. 162 УПК РФ, что не может быть признано соответствующим требованиям ст. 7 УПК РФ» [8].

16 июля 2018 г. Рязанским областным судом в апелляционном постановлении констатировано, что срок предварительного расследования по уголовному делу составил 19 месяцев, при этом он только три раза продлевался уполномоченным в соответствии со ст. 162 УПК РФ субъектом. В остальных случаях продление осуществлялось руководителем следственного органа, расследовавшим уголовное дело, посредством неоднократного приостановления расследования по надуманным основаниям и последующего его возобновления с установлением месячного срока дополнительного расследования в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ. Деятельность органа предварительного расследования была признана незаконной, характеризующейся «злоупотреблением правом» [9].

В апелляционном постановлении Костромского областного суда от 20 октября 2020 г. указано, что по истечении 12-месячного срока расследования уголовного дела в целях избегания продления срока у руководителя Следственного департамента МВД РФ следователь по надуманным основаниям приостановил производство по делу, и в тот же день оно (производство) было возобновлено руководителем территориального следственного органа с установлением дополнительного месячного срока расследования. Уголовное дело было возвращено прокурору для устранения нарушений, допущенных следователем и его непосредственным руководителем [10].

Липецкий областной суд в апелляционном постановлении от 4 февраля 2025 г. признал, что у органа предварительного расследования отсутствовали основания для приостановления расследования по уголовному делу по истечении 12-месячного срока расследования. Руководитель Правобережного МСО СУ СК России по Липецкой области незаконно продлил срок расследования на один месяц после возобновления производства по делу. Такие полномочия УПК РФ ему не предоставляет. Решение о продлении срока должен был принимать Председатель Следственного комитета РФ или его заместитель. Производство процессуальных действий в период с 26 августа 2024 г. по 23 сентября 2024 г. и составление обвинительного заключения совершались за пределами срока предварительного следствия, что является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона ввиду нарушения порядка производства по уголов-

ному делу. В силу изложенного, уголовное дело было возвращено прокурору [11].

Вышеприведенные примеры примечательны тем, что они демонстрируют единообразие именно порочной правоприменительной практики расследования уголовных дел. Порочность заключается в том, что следователь незаконно и (или) необоснованно приостанавливает либо прекращает производство по уголовному делу без достаточных на то оснований, а руководитель территориального следственного органа отменяет соответствующее постановление с одновременным установлением месячного срока дополнительного расследования (ч. 6 ст. 162 УПК РФ), обходя тем самым, причем неоднократно, общий порядок продления срока расследования вышестоящим руководителем следственного органа. Такие ситуации не характеризуются исключительностью, становятся все более массовыми, о чем свидетельствует довольно широкая география приведенных примеров. Изложенное позволяет констатировать системность нарушений, допускаемых органами предварительного следствия при приостановлении (прекращении) производства по уголовному делу, его последующем возобновлении и продлении срока расследования в пределах одного месяца.

Отмеченные нами системные «злоупотребления правом», которые затрагивались учеными на страницах юридических изданий [12, с. 178], приводят к нарушению основополагающих принципов уголовного процесса – законности и разумного срока уголовного судопроизводства, а в практическом истолковании – к возвращению судом уголовного дела прокурору для устранения нарушений закона, влекущих невозможность его рассмотрения по существу. Их проявление детерминировано отсутствием эффективного контрольно-надзорного механизма проверки законности и обоснованности решений о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу, его возобновления с установлением дополнительного срока расследования. О. П. Грибунов считает, что «взаимодействие, которое следователю необходимо осуществлять в процессе расследования преступления, представляет собой сложную систему, состоящую из множества элементов, каждый их которых имеет свое значение для достижения поставленной цели» [13, с. 25]. Напротив, деятельность по приостановлению (прекращению) производства по уголовному делу и его последующему возобновлению по правилам ч. 6 ст. 162 УПК РФ порой строится на весьма примитивном взаимодействии следователя с руководителем территориального следственного органа (его непосредственным начальником), что придает ей кулуарный характер, а это, в свою очередь, создает предпосылки для «злоупотреблений

правом». Учитывая сказанное, полагаем, что взаимодействие здесь должно осуществляться на межведомственном уровне с расширением полномочий надзирающего прокурора в соответствующей части.

С целью стабилизации возникшей ситуации и исключения систематического «злоупотребления правом» в рассматриваемой сфере нами предлагается:

1) установить срок, в течение которого руководитель следственного органа сможет отменять незаконные и необоснованные постановления следователя о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу и возобновлять его в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ; по нашему мнению, срок в один месяц с момента вынесения следователем соответствующего решения будет удовлетворять критериям разумности и целесообразности;

2) предусмотреть в УПК РФ норму, в соответствии с которой решения о приостановлении и прекращении производства по уголовному делу, об их отмене с последующим возобновлением в порядке ч. 6 ст. 162 УПК РФ, выносимые неоднократно (два и более раза) в рамках одного и того же уголовного дела, принимаются с согласия прокурора.

Список литературы:

1. Андриенко, Ю. А. Обеспечение следователем быстроты и полноты предварительного расследования : дис. … канд. юрид. наук / Ю. А. Андриенко. – Омск, 2022. – 270 с.

2. По жалобе гражданина Тихуна Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1541-О // Вестник КС РФ. – 2015. – № 6.

3. О внесении изменения в статью 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 76-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 16, ст. 1833.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гапонова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2.1 части первой статьи 39, частью шестой статьи 162, пунктом 1 части первой статьи 208 и частью второй статьи 211 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 759-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

5. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой :

постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 26, ст. 3428.

6. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 18 июля 2014 г. по уголовному делу № 22-3162/14 // Официальный сайт Кемеровского областного суда. – URL: https://oblsud--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3258540&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 30.09.2025).

7. Апелляционное постановление Московского областного суда от 16 июня 2015 г. по уголовному делу № 22-3777/2015 // Сетевое издание «Актофакт». – URL: https://actofact.ru/case-50OS0000-22-3777-2015-2015-05-20-2-1/ (дата обращения: 30.09.2025).

8. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 23 декабря 2015 г. по уголовному делу № 22К-6264/2015 // Официальный сайт Ростовского областного суда. – URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6222738&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 30.09.2025).

9. Апелляционное постановление Рязанского областного суда от 16 июля 2018 г. по уголовному делу № 22-К435/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Oj9PfwqILnxP/ (дата обращения: 30.09.2025).

10. Апелляционное постановление Костромского областного суда от 20 октября 2020 г. по уголовному делу № 22-925/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/hEiMMjX2ecUe/ (дата обращения: 30.09.2025).

11. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 4 февраля 2025 г. по уголовному делу № 22-90/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL https://sudact.ru/regular/doc/X15eLMfPFNov/?page=2&regular-txt (дата обращения: 30.09.2025).

12. Петухова, Ж. П. Особенности приостановления и возобновления предварительного следствия / Ж. П. Петухова // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. – 2023. – № 3 (106). – С. 171–181.

13. Грибунов, О. П. Взаимодействие следователя с органами и должностными лицами при раскрытии и расследовании краж автотранспортных средств / О. П. Грибунов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 3 (11). – С. 24–29.

Е.С. Комиссаренко,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

E.S. Komissarenko,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
komissarenkoekaterina@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-234-240

ЗАЯВЛЕНИЕ ЧАСТНОГО ОБВИНИТЕЛЯ КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы, касающиеся содержания и порядка подачи заявления в суд лицами, в отношении которых совершены преступления, предусмотренные ст. 115 ч.1 и 116.1 ч.1 УК РФ. Автор отмечает, что такое заявление не просто служит основанием для возбуждения уголовного дела, но также вручается подсудимому в целях обеспечения его права на подготовку к защите в судебном разбирательстве. По сути, оно выполняет функцию обвинительного акта и должно содержать детальное описание преступления, исчерпывающую информацию о лице, привлекаемом к ответственности, а также убедительные доказательства его вины. Составление такого документа для лиц без юридического образования может представлять значительную сложность. Обращено внимание на необходимость правового уточнения процессуальных полномочий частного обвинителя, закрепленных в ст. 43 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автором высказывается мнение о назревшей потребности в пересмотре порядка осуществления уголовного преследования по делам частного обвинения, которое не обеспечивает должного уровня защиты прав граждан со стороны государства.*

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное право, виды уголовного преследования, частный обвинитель, заявитель, потерпевший, защита прав частного обвинителя.*

PRIVATE CHARGE PETITION AS AN EXCEPTIONAL REASON FOR INITIATING A CRIMINAL CASE

Abstract: *this article concerning the content of a private charges petition and procedure for filing it by victims of crimes committed under Articles 115, Part 1, and 116.1, Part 1, of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The author notes that such a petition is not only an exceptional ground for initiating a criminal case, it is also a document served to the defendant before a legal proceeding is commenced in order to enable those who are charged with a crime to prepare for the trail. In fact, it performs the function of an indictment and should contain a detailed description of the crime, comprehensive information about the person charged, as well as convincing evidence. The preparation of such a document may be a problem for laymen. Attention was drawn to the need for the legal clarification of the procedural powers of a person bringing private charges against those who committed offences provided for in Article 43 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The opinion is expressed about the urgent need to review the procedure for criminal prosecution based on private charges, since it does not ensure due protection of the rights of citizens by the state.*

Keywords: *criminal procedure law, types of criminal prosecution, private charges, petitioner, victim, protection of the petitioner's rights to bring private charges.*

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ пострадавшей стороне предоставляется право самостоятельного обращения в мировой суд с заявлением о нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, а также о причинении легкого вреда здоровью при отсутствии отягчающих обстоятельств с целью привлечения к ответственности виновных. В соответствии с Федеральным законом от 7 июня 2025 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» данный порядок уголовного преследования в настоящее время не применяется по фактам неквалифицированной клеветы [1]. Уголовное преследование по делам указанной категории осуществляется в частном порядке, возбуждаемым не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя. Предварительное расследование дел этой категории уполномоченными должностными лицами органов государственной власти не осуществляется, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

С момента принятия заявления мировым судьей заявитель получает процессуальный статус частного обвинителя, а лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, приобретает статус подсудимого. Заявление должно быть составлено в соответствии с законодательно установленными требованиями к его форме. Следует отметить, что на практике часто поступают заявления, не соответствующие нормативным предписаниям. Согласно статистическим данным, только 25 % поступивших заявлений от граждан по составам частного обвинения приняты мировым судьей к производству [2, с. 503].

Заявление потерпевшего, подаваемое мировому судье, представляет собой сложный по своему содержанию документ, на что небезосновательно указывает В.М. Быков [3, с. 129]. Составить его для лица, не обладающего юридическими знаниями, достаточно затруднительно [4, с. 80]. Согласно позиции Конституционного Суда РФ, данный документ не просто служит основанием для возбуждения уголовного дела, он также вручается подсудимому в целях обеспечения его права на подготовку к защите в судебном разбирательстве [5] и, «рассматривается, по сути, в качестве обвинительного акта…» [6]. Такое заявление должно содержать подробное описание события преступления, полные данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, а также доказательства вины последнего [7, с. 93–94].

Рассматриваемый документ представляет собой мини обвинительное заключение (акт), являющееся процессуальным документом, завершающим предварительное следствие (дознание), составляемым следователями и дознавателями, т.е. лицами, специально уполномоченными государством на производство расследования уголовных дел, а значит являющимися профессионалами в данной области. Составление таких документов нередко требует значительных интеллектуальных и организационных усилий.

Для того чтобы заявление потерпевшего могло быть использовано в качестве обвинительного акта, оно должно содержать исчерпывающую информацию. В частности, в ходе привлечения лица к уголовной ответственности необходимо обеспечить строгую фиксацию всех существенных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам: 1) идентификацию обвиняемого – указание конкретного лица, привлекаемого к ответственности, и данных о нем; 2) подробное описание события преступления; 3) полный перечень и содержание имеющихся в распоряжении потерпевшего убедительных доказательств, изобличающих конкретное лицо в совершении преступления; 4) квалификацию преступления – определение состава преступления в соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на то что Уголовно-процессуальный кодекс РФ не формулирует последнее требование к заявлению потерпевшего, оно вытекает из принципа состязательности в уголовном процессе. Важно обеспечить обвиняемому право знать предъявленные ему обвинения, что позволяет ему эффективно осуществлять свое право на защиту. Мировой судья не имеет полномочий вернуть потерпевшему заявление для устранения указанного недостатка [8, с. 65]. Самостоятельное указание квалификации преступления мировым судьей фактически превращает его в сторону обвинения, что противоречит требованиям Конституционного Суда РФ о четком разграничении функций правосудия (принадлежащих суду) и обвинения (реализуемого потерпевшим) [9]. Таким образом, вопрос о том, кто должен квалифицировать преступление, остается открытым.

Если поступившее заявление не отвечает предъявляемым требованиям, мировой судья выносит постановление о его возвращении заявителю с указанием устранить недостатки, в случае невыполнения которого он вправе принять решение об отказе в принятии заявления к рассмотрению. При этом конкретного срока исполнения такого указания закон не содержит, и судья самостоятельно определяет его продолжительность. Однако заявление изначально не может содержать всей необходимой информации для положительного решения

судьи о его принятии к своему производству. Это связано с тем, что потерпевший не в состоянии предоставить все сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, как того требует ч. 5 ст. 318 УПК РФ. Получение таких данных возможно лишь в установленном порядке соответствующими должностными лицами. Особую важность представляют сведения о фактах привлечения к уголовной и административной ответственности, наличии судимости, а также информация о нахождении на учете у нарколога или психиатра. Не менее значимы характеристики с места работы и проживания, сведения о составе семьи и уровне доходов.

Законодательство предусматривает возможность для подателя частной жалобы, как и для обвиняемого, обратиться к мировому судье с ходатайством о содействии в сборе доказательств. Это не означает, что суд не может и не обязан запрашивать эти доказательства по собственной инициативе. Данное положение вытекает из положений ст. 73 УПК РФ, определяющей предмет доказывания. Получение всех необходимых сведений является основополагающим условием для вынесения судом законного, обоснованного и справедливого решения. Инициатива суда в данном случае не может быть расценена как выполнение им функций обвинения, что противоречило бы принципам уголовного процесса. Тем не менее, пострадавшие, как правило, в первую очередь обращаются с заявлениями о привлечении виновных к уголовной ответственности в правоохранительные органы, поэтому более предпочтительным представляется оказание им необходимого содействия уполномоченными должностными лицами органов дознания в ходе досудебной подготовки материалов с целью их последующего предоставления в суд.

Следует отметить, что на практике ходатайства частного обвинителя перед судом об истребовании необходимой доказательной базы для формирования линии обвинения нередко игнорируются. В частности, это касается сведений о привлечении к административной ответственности лиц, в отношении которых подано заявление, находившихся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах во время инкриминируемых событий. Данный вывод основан на личном опыте автора, выступающего в качестве представителя при рассмотрении подобных дел. На наш взгляд, необходимо правовое уточнение процессуальных полномочий частного обвинителя в ст. 43 УПК РФ.

Статья 20 УПК РФ, ч. 4, определяет порядок возбуждения уголовных дел по частным обвинениям. Согласно данной норме, уголовное дело может быть возбуждено и направлено на предварительное расследование без заявления потерпевшего в двух случаях: 1) когда

у лица, чьи права были нарушены, нет возможности осуществить защиту своих интересов самостоятельно; 2) когда преступление совершено в условиях неочевидности, т.е. при отсутствии каких-либо сведений о лицах, его совершивших. Это положение УПК РФ направлено на обеспечение защиты прав граждан и достижение справедливости. Оно позволяет инициировать уголовное преследование в ситуациях, когда потерпевший по тем или иным причинам не может самостоятельно обратиться в правоохранительные органы. Однако, как отмечают специалисты в области уголовного процесса, неопределенность в понимании терминов «беспомощное» и «зависимое» состояние потерпевшего часто приводит к необоснованным отказам в возбуждении уголовных дел данной категории [10, с. 26]. С одной стороны, сотрудники правоохранительных органов могут проявлять нежелание проводить предварительное расследование по таким делам, поскольку это сопряжено со сложностью сбора доказательств, множественностью эпизодов насилия, затягиванием сроков расследования из-за возможного недостатка доказательной базы. С другой стороны, желание сотрудников правоохранительных органов увеличить количество дел, направляемых в суд по очевидным преступлениям, с целью улучшения статистических показателей, влечет необоснованное возбуждение и расследование ими уголовных дел частного обвинения.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, к случаям, когда потерпевший, в силу беспомощного состояния или по иным причинам, не может защищать свои права и законные интересы, следует относить материальную и иную его зависимость от лица, совершившего преступление. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишающими их способности правильно воспринимать происходящее [11]. Существенным пробелом в правовом регулировании является отсутствие в законе четких критериев для определения зависимого состояния лица и выявления иных обстоятельств, препятствующих ему в защите своих прав.

По нашему мнению, состояние беспомощности пострадавшего, являющееся основанием для производства предварительного расследования по делам частного обвинения уполномоченными государственными органами, может проявляться не только в физической или материальной зависимости, но и в отсутствии необходимых знаний о своих правах, а также в невозможности самостоятельно подготовить и подать заявление мировому судье ввиду правовой неграмотности. Весьма сомнительна самостоятельная правильная классификация совершенного преступления и грамотного выполнения всего комплекса мероприятий по сбору доказа-

тельств частным обвинителем, не имеющим юридического образования. При этом найм квалифицированного юриста – адвоката – может быть затруднен ввиду отсутствия денежных средств.

В российской юридической практике также наблюдается проблема необоснованного отказа мировых судей в принятии заявлений от лиц, пострадавших от преступлений данной категории, что приводит к негативным последствиям. Описанная ситуация влечет за собой серьезные негативные последствия, в том числе истечение сроков давности привлечения виновных к ответственности. В результате потерпевшие фактически лишаются возможности получить доступ к правосудию. Примером затяжных судебных тяжб пострадавших с правоохранительными органами и судами по вопросу возбуждения уголовных дел частного обвинения являются обстоятельства, изложенные в постановлениях Конституционного Суда РФ по жалобам гр. Г.И. Баскаковой [12] и гр. А.А. Школьник [13].

Подводя итог, отметим важность оказания пострадавшим необходимой помощи в сборе сведений о лице, совершившем преступление, уполномоченными должностными лицами правоохранительных органов в ходе досудебной подготовки материалов с целью их последующего предоставления в суд, а также безусловного истребования необходимой информации судом по ходатайствам частного обвинителя для оказания последнему содействия в формировании доказательной базы в целях обоснования выдвигаемого обвинения. Подчеркнем необходимость правового уточнения на законодательном уровне процессуальных полномочий частного обвинителя в ст. 43 УПК РФ.

Список литературы:

1. О внесении изменений в статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 7 июня 2025 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2025. – № 23, ст. 3005.

2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Н.С. Мановой. – М.: Юрайт, – 2025. – 673 с.

3. Быков, В.М. Возбуждение уголовных дел частного обвинения по УПК РФ / В.М. Быков // Правоведение. – 2006. – № 3 (266). – С. 127–134.

4. Лунина, Н.Н. Вопросы защиты прав граждан по уголовным делам частного обвинения на стадии возбуждения уголовного дела / Н.Н. Лунина // Российское правосудие. – 2024. – № 4. – С. 80–87.

5. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан как не соответствующего требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 11 апреля 1997 г. № 41-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

6. По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой : определение Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 13-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

7. Комиссаренко, Е.С. Дела частного обвинения – быть или не быть? / Е.С. Комиссаренко // Актуальные проблемы современного российского уголовного судопроизводства: сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. В.Я. Чеканова. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2024. – С. 90–95.

8. Денк, С.В. Заявление потерпевшего как повод к возбуждению уголовного дела частного обвинения / С.В. Денк // Вестник Барнаульского юрид. ин-та МВД России. – 2005. – № 9. – С. 64–66.

9. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 5, ст. 611.

10. Барыгина, А.А. Актуальные вопросы подследственности и подсудности уголовных дел по части 1 ст. 116.1 УК РФ, рассматриваемых в порядке производства по делам частного обвинения / А.А. Барыгина // Российская юстиция. – 2024. – № 11. – С. 26–33.

11. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. №17 (в ред. от 16 мая 2017 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

12. По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.И. Баскаковой : постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2024 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2024. – № 14, ст. 1958.

13. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.А. Школьник : постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2023 г. № 36-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 28, ст. 5301.

М.А. Лавнов,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

M.A. Lavnov,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
m-lavnov@rambler.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-241-248

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: *в статье исследуется проблема имплементации риск-ориентированного подхода в уголовное судопроизводство России. Отмечается, что несмотря на доминирующий характер императивного метода правового регулирования, элементы риск-ориентированного мышления объективно присутствуют в деятельности участников процесса, особенно в сфере действия диспозитивных начал. Автор рассматривает теоретические предпосылки применения данного подхода, раскрывает его содержание через призму механизма правового регулирования и теории принятия решений. Центральное место занимает поиск возможностей и границ применения риск-ориентированного подхода, ключевым аспектом которого является формулирование условий для применения политики ограничительного дозволения. На основе синтеза философско-правовых и отраслевых знаний предлагается авторское видение концепций права на риск и ответственности за риск в контексте уголовного процесса. Делается вывод об эволюции механизма уголовно-процессуального регулирования от строгих запретов к ограниченному дозволению, основанному не только на принципе законности, но и принципе целесообразности.*

Ключевые слова: *риск-ориентированный подход, уголовное судопроизводство, механизм правового регулирования, правовая политика, усмотрение правоприменителя, теория принятия решений, принцип целесообразности, управление рисками.*

RISK-BASED APPROACH IN CRIMINAL PROCEEDINGS: OPPORTUNITIES AND LIMITS OF APPLICATION

Abstract: *the article examines the implementation of a risk-based approach in Russian criminal procedure. It is noted that, despite the dominant nature of the imperative method of legal regulation, elements of risk-based thinking are objectively present in the activities of the participants in the process, especially in the sphere of dispositive principles. The author systematizes the theoretical prerequisites for using this approach. The content of the approach is explained through the mechanism of legal regulation and decision-making theory. The main focus is on identifying the opportunities and limits of the risk-based approach. A key aspect in this approach is the formulation of conditions for the application of restrictive permissive policies. Based on a synthesis of philosophical, legal, and branch-specific knowledge, the author proposes an original vision of the "right to risk" and "legal responsibility for risk" in the context of criminal procedure. It is concluded that the mechanism of criminal procedural regulation has been*

evolving from strict prohibitions to limited permission. This evolution is based not only on the principle of legality but also on the principle of expediency.

Keywords: *risk-based approach, criminal procedure, legal regulation mechanism, legal policy, law enforcement discretion, decision-making theory, principle of expediency, risk management.*

Стоящие перед современной правовой системой России вызовы требуют комплексного подхода к выработке мер противодействия преступности, в том числе пересмотра традиционных парадигм уголовного судопроизводства. Уголовной юстиции сегодня все сложнее реагировать на быстро меняющуюся структуру и динамику преступности. Перегруженность правоохранительных органов в совокупности со значительными кадровыми проблемами [1] влияют на эффективность применения классической модели уголовного судопроизводства. Риск-ориентированный подход в таких условиях способен создать механизм оптимального распределения процессуальных ресурсов, повысив возможности достижения назначения уголовного судопроизводства, определяющего в глобальном смысле современную уголовно-процессуальную политику. При этом успех в реализации назначения уголовного судопроизводства во многом обусловлен используемыми средствами, которые зависят от расстановки приоритетов между обеспечением прав личности и задачами борьбы с преступностью и формируются под влиянием как общей правовой политики государства, так и политики в сфере уголовной юстиции. Правильно определенные приоритеты «позволяют сконцентрировать и скоординировать усилия всех заинтересованных субъектов соответствующей деятельности и повысить качество проводимой в государстве правовой политики в сфере уголовного судопроизводства» [2, с. 41]. Н.С. Манова справедливо утверждает, что «не только политико-идеологические установки власти влияют на уголовный процесс, но и судебно-правовые реформы, так или иначе, воздействуют на правовую политику государства» [3, с. 105].

Тотальная цифровая трансформация всех сфер государственной деятельности и проникновение информационных технологий и систем в уголовное судопроизводство, как отмечает А.Ю. Чурикова, несут в себе не только позитивные возможности, но и риски, связанные с ограничением конституционных прав и свобод личности [4, с. 255]. И.Г. Смирнова указывает на то, что применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве сопровождается аксиологическими рисками, а процесс цифровизации способен нанести урон нравственным началам уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 236–242]. Подобные преобразования неизбежно сопряжены и с другими рисками,

среди которых можно выделить: риски, заложенные в тексте закона или вытекающие из правовых предписаний; риски, связанные с конституционными основами уголовного судопроизводства; риски, связанные с деятельностью должностных лиц и заинтересованных участников процесса; информационно-социальные риски, обусловленные закрытостью системы уголовного судопроизводства; риски, обусловленные недостаточностью ресурсов для внедрения информационных технологий [6, с. 120–133]. Должностные лица, осуществляющие уголовно-процессуальную деятельность, часто действуют в условиях информационной неопределенности и необходимости работы с большими объемами данных; их деятельность во многом носит прогностический характер, и они постоянно вынуждены оценивать возникающие риски.

Стихийное и несистемное применение риск-ориентированного мышления стало реальностью правоприменительной деятельности. Например, статистика разрешения судами ходатайств органов расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу за 2024 г. показывает, что из 92 681 заявленных ходатайств было удовлетворено 82 514, т.е. 89,03 %. По категориям тяжести совершенных преступлений процент удовлетворенных ходатайств был следующим: особо тяжкие – 94,65 %, тяжкие – 86,65 %, средней тяжести – 84,78 %, небольшой тяжести – 86,17 %). Рассматривая заявленные органами предварительного расследования ходатайства, судья неизбежно оценивает риски, связанные, с одной стороны, с ненадлежащим поведением обвиняемого, а с другой – необоснованным ограничением свободы. Приведенная статистика наглядно демонстрирует, что по делам об особо тяжких преступлениях соотношение процента отказов в удовлетворении подобных ходатайства почти в 2,7 раза ниже, чем по другим категориям [7].

В апелляционном порядке в 2024 г. было обжаловано 34 302 (37 %) таких постановлений. Общее количество отмененных и измененных постановлений составило 819 и 1 964 соответственно – 8,11 % от всех рассмотренных жалоб. По категориям преступлений эти цифры были следующими: особо тяжкие – 6,76 %, тяжкие – 8,51 %, средней тяжести – 8,97 %, небольшой тяжести – 13 %.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что даже при существенно более низком проценте (разница 8,48 %) удовлетворенных ходатайств об избрании рассматриваемой меры пресечения по делам небольшой тяжести, по сравнению с особо тяжкими преступлениями, риски ограничения конституционных прав личности, связанные с необоснованным применением заключения под стражу, были самыми высокими именно по делам о преступлениях небольшой тяжести.

По нашему мнению, это является индикатором проблемы несистемной оценки рисков, которая свидетельствует о необходимости разработки теоретической основы и правил легального применения риск-ориентированного подхода при осуществлении уголовного судопроизводства и, как следствие, послужит защитой от злоупотребления правом.

Развитие диспозитивных начал уголовного судопроизводства, дифференциация процессуальной формы свидетельствуют о гуманизации правовой политики в сфере уголовной юстиции. В основу всех особых порядков судебного разбирательства и иных альтернативных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов, предусмотренных УПК РФ, также должен быть положен риск-ориентированный подход, т.е. необходимость оценки рисков, связанных с неисполнением условий и обязательств в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве, утратой лицом общественной опасности и позитивным посткриминальным поведением, а также другими аспектами.

Следовательно, риск-ориентированный подход может служить прочной методологической основой для гуманизации сферы уголовной юстиции, способствовать минимизации процессуальных издержек, пересмотру подходов к применению государственного принуждения в случаях, где это оправдано и обусловлено реализацией назначения уголовного процесса.

Исследование возможностей и перспектив внедрения риск-ориентированного подхода в уголовное судопроизводство имеет не только теоретическое значение, но и практическую значимость, т.к. позволит найти решение проблем повышения эффективности, гуманизации уголовного судопроизводства, а равно тех проблем, которые возникают в связи с его цифровизацией и цифровой трансформацией. Ученые-процессуалисты все чаще обращаются к необходимости пересмотра устоявшейся парадигмы правосудия по уголовным делам с учетом риск-ориентированного подхода и технологий риск-менеджмента [8, с. 167–180; 9, с. 48–50].

Ключевой проблемой исследования возможностей применения риск-ориентированного подхода является наличие глубинного противоречия между традиционной для уголовного процесса императивной природой, в основе которой лежит соответствующий метод правового регулирования, методы запретов и властных предписаний. Это положение особенно важно в контексте исследования риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве, т.к. традиционный механизм принятия решений не оставляет правоприменителю, в силу принципа законности (ст. 7 УПК РФ), права решать вопрос о целесообразности

решения, если для этого есть предусмотренные законом основания, что создает фундаментальную проблему риск-ориентированной адаптации правосудия по уголовным делам [10, с. 547–550]. Во многих случаях уголовно-процессуальный закон содержит множество норм, базирующихся на дозволительном методе правового регулирования, которые невозможно применять без оценки рисков вероятностных последствий принимаемых решений. Прежде всего это касается эффективности правовых норм, основу которых составляют идеи диспозитивности [11, с. 186–193]. Возникают противоречия также на уровне правоприменительной практики, когда властные участники уголовного процесса ежедневно сталкиваются с ситуациями выбора в условиях ограниченных познавательных возможностей и необходимости принятия решения на основе вероятностных знаний и предположений. Каждое такое решение сопряжено с риском и требует применения механизмов хеджирования [12, с. 649–667].

Следует обратить внимание на противоречия на уровне правовой политики в условиях, когда существует разрыв между декларируемыми задачами, направленными на оптимизацию, повышением эффективности и упрощение процессуального порядка по уголовным делам, не представляющим большой общественной опасности, и реальностью, в которой отсутствуют внятные критерии разграничения уголовных дел с точки зрения процессуальных рисков. Такая ситуация несет в себе опасность как перерасхода процессуальных ресурсов, так и чрезмерного упрощения уголовно-процессуальной формы. Одним из основных вопросов этого круга является вопрос о том, что участники уголовного судопроизводства вынуждены действовать в условиях правовой и фактической неопределенности, что предполагает необходимость применения технологий риск-менеджмента. По мнению А.Ф. Лубина, Е.Е. Кондратьевой и О.А. Нурутдинова, риск является неотъемлемой, субъективной и прогностической категорией следственной работы. Он возникает там, где есть неопределенность, цель и деятельность по ее достижению. Авторы уделяют особое внимание роли следователя как главного субъекта оценки и управления рисками, определяют типы факторов, влияющих на эту оценку, и формулируют основные понятия рискологии для их практического применения в уголовно-процессуальной деятельности [13, с. 4–6].

В соответствии с принципом презумпции невиновности бремя доказывания распределяется таким образом, что именно сторона обвинения несет риски того, что обстоятельства, имеющие значение для дела, не будут установлены, а собранная совокупность доказательств не будет достаточной. Поскольку движущей силой всего уголовного

судопроизводства является именно уголовное преследование и обвинение, ответственность за риски их необоснованности и незаконности ложится, в первую очередь, на органы предварительного расследования и прокурора. Отказ от принципа полноты, всесторонности и объективности установления обстоятельств уголовного дела привел к тому, что принятие процессуальных решений происходит в условиях неопределенности, а значит в условиях неизбежного риска ошибок. Отправление правосудия всегда и везде предполагает вынесение судебных решений в условиях сохранения той или иной степени сомнений в отношении фактических обстоятельств дела [14, с. 3–96].

Критический анализ предпринимаемых попыток разработать понятие «риск» в качестве самостоятельной правовой категории показывает, что данный феномен носит многоаспектный характер, а в основе современного понимания риска лежат вероятностные концепции. Риск с правовой точки зрения носит двойственный субъекто-объективный характер и является неотъемлемым свойством человеческой деятельности там, где есть место свободе воли и свободе усмотрения [15, с. 8]. Риск-ориентированный подход не является самостоятельным методом в механизме уголовно-процессуального регулирования, а представляет собой технологию, позволяющую оптимально использовать традиционные методы путем точечного и обоснованного варьирования интенсивности правового воздействия.

По нашему мнению, понятие «риск» в сфере уголовного судопроизводства можно определить следующим образом – *это потенциальная возможность наступления позитивных или негативных правовых последствий в результате осознанного выбора субъекта уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемого в условиях сценарной неопределенности и основанного на оценке вероятности различных исходов.* Современная уголовно-процессуальная политика должна быть направлена в сторону разумного применения диспозитивных начал, когда это не угрожает основам правосудия, базовым ценностям уголовного судопроизводства и согласуется с его назначением. Риск-ориентированный подход можно рассматривать как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве. Принцип законности уголовного судопроизводства, при всей своей императивной природе, на глубинном уровне содержит в себе не только запреты, но и рамки для легитимного усмотрения, т.е. возможность выбора оптимальной модели поведения (действия/бездействия/решения) для эффективного разрешения уголовно-правового конфликта и достижения назначения уголовного судопроизводства.

Представляется, что правой основой для применения риск-ориентированной модели уголовного судопроизводства может стать принцип целесообразности [16, с. 10–11], а в качестве критериев применения риск-ориентированного подхода властными субъектами уголовного процесса должны выступать *законность, обоснованность, мотивированность, соразмерность* (допустимые ограничения прав и свобод личности должны быть адекватны охраняемым законом общественным интересам) *и недопустимость злоупотребления правом* (включая запрет на подмену законности мнимой эффективностью, ущемление прав участников, а также прикрытие риск-ориентированным подходом служебной некомпетентности).

Предложенная система критериев формирует надежный правовой каркас для легитимного и эффективного применения риск-ориентированного подхода. Эти условия переводят его из сферы субъективного усмотрения в плоскость профессиональной, ответственной и контролируемой правоприменительной деятельности. Понятие «право на риск» для органов предварительного расследования, прокурора и суда включает с себя два аспекта: правомочие действия и правомочие бездействия. Понятие «ответственность за риск» – обязанность нести ответственность за негативные последствия в случае ошибочного применения предоставленного права на риск.

Таким образом, применение риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве, при его правильной имплементации в действующий механизм правового регулирования, способно стабилизировать правоприменительную практику, снизить вероятность судебных и следственных ошибок, создать дополнительные гарантии обеспечения прав личности и реализации назначения уголовного судопроизводства. Однако это требует разработки вопросов систематизации уголовно-процессуальных рисков, комплексного анализа эмпирической базы, разработки конкретных методик оценки рисков для каждой стадии уголовного процесса и сравнительно-правого анализа моделей уголовной юстиции зарубежных стран.

Список литературы:

1. Ирина Волк: Некомплект кадров в МВД РФ составляет почти 174 тысячи человек. – URL: https://rg.ru/2024/11/26/irina-volk-nekomplekt-kadrov-v-mvd-rf-sostavliaet-pochti-174-tysiachi-chelovek.html (дата обращения: 30.09.2025).

2. Манова, Н.С. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности / Н.С. Манова, М.А. Лавнов, А.Ю. Чурикова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 39–53.

3. Манова, Н.С. О современных приоритетах правовой политики в сфере уголовного судопроизводства / Н.С. Манова // Правовая политика и ее эффективность в сфере отдельных видов судебных производств : монография / под ред. А.Ю. Соколова. – М. : Норма, 2021. – 200 с.

4. Чурикова, А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : дис. … д-ра юрид. наук / А.Ю. Чурикова. – Саратов, 2025. – 498 с.

5. Смирнова, И.Г. Аксиологические риски цифровизации уголовного судопроизводства: постановка проблемы / И.Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 3. – С. 236–242.

6. Лавнов, М.А. Риски и угрозы применения технологий искусственного интеллекта в правосудии по уголовным делам / М.А. Лавнов, Н.В. Спесивов // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 8. – С. 120–133.

7. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 30.09.2025).

8. Бабаев, М.М. Риск-ориентированное правосудие / М.М. Баев // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 167–180.

9. Чурикова, А.Ю. Риск-ориентированный подход в уголовно-процессуальной деятельности прокурора / А.Ю. Чурикова // Законность. – 2022. – № 8 (1054). – С. 48–50.

10. Лавнов, М.А. Уголовное судопроизводство в условиях риск-ориентированной парадигмы: новые вызовы и решения / М.А. Лавнов // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 547–550.

11. Григорян, В.Л. Проблемы эффективности реализации норм, базирующихся на дозволительном способе уголовно-процессуального регулирования / В.Л. Григорян, М.А. Лавнов, Ю.В. Францифоров // Вестник Сарат. гос. юрид. акад. – 2021. – № 4 (141). – С. 186–193.

12. Цветков, Ю.А. Прогноз и хеджирование рисков в принятии решений следователем и судьей / Ю.А. Цветков // Вестник С.-Петерб. ун-та. Право. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 649–667.

13. Кондратьева, Е.Е. Общие положения рискологии – теории риска в деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений / Е.Е. Кондратьева, О.А. Нурутдинов, А.Ф. Лубин // Российский следователь. – 2007. – № 3. – С. 4–6.

14. Карапетов, А.Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. – 2019. – № 5. Специальный выпуск. – С. 3–96.

15. Крючков, Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р.А. Крючков. – Нижний Новгород, 2011. – 27 с.

16. Апостолова, Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н.Н. Апостолова. – М., 2010. – 62 с.

Н.О. Овчинникова,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии

N.O. Ovchinnikova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure
of the Saratov State Law Academy
natalya-afonina@list.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-249-255

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДВОЙНОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация: *статья посвящена проблемам пробельности правового регулирования процедуры замены защитника по уголовным делам в той части, где допускается двойная защита подозреваемого или обвиняемого защитником по соглашению, от которого он не отказался, и защитника, назначенного органами расследования или судом, что влечет нарушение права подозреваемого или обвиняемого на защиту, а также дисциплинарную ответственность для адвоката-защитника по назначению. Данная ситуация создает негативные правовые последствия как для защитника, так и для его доверителя, что свидетельствует о необходимости ее разрешения.*

Ключевые слова: *пробел, устранение, преодоление, адвокат-дублер, защитник, право на защиту, двойная защита.*

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF "DOUBLE DEFENSE" WHEN PROVIDING LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL CASES

Abstract**:** *the article is devoted to the gap in the legal regulation of the procedure for replacing a criminal defense lawyer in cases when "double defense" of a suspect or the accused, i.e.by a defense lawyer under an agreement that was not renounced, and a defense lawyer appointed by the investigating authorities or the court, is available. This entails a violation of the suspect's or accused's right to defense, as well as disciplinary liability for the appointed defense attorney. This situation creates negative legal consequences for both the attorney and their client and needs to be addressed.*

Keywords: *gap, elimination, overcoming, stand-in lawyer, defender, right to defense, double defense.*

Проблема адвокатов-дублеров существует уже более десяти лет. Адвокат-дублер – это защитник, который назначается органами расследования или судом обвиняемому (подозреваемому) наряду с адвокатом, осуществляющим защиту по соглашению с доверителем, вопреки воле последнего. Такая ситуация возникает на практике ввиду недостаточного правового регулирования процедуры участия

защитника в уголовном деле и его замены. Часть 3 ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает, что защитник, участвующий в уголовном деле, подлежит замене, если в течение пяти суток не может принять участие в производстве конкретного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении [1]. Конструкция данной нормы устанавливает императивный срок для замены защитника и не учитывает обстоятельства неявки защитника по соглашению, не предполагает переноса процессуального действия, если причины неявки защитника по соглашению являются уважительными (больничный, оказание юридической помощи другому доверителю и т.п.).

Описанная ситуация нарушает право обвиняемого (подозреваемого) на защиту, т.к. он лишается возможности получения квалифицированной юридической помощи от лично им выбранного защитника, создает для него дополнительные расходы, поскольку судебные издержки, связанные с оплатой труда защитника по назначению, в случае вынесения обвинительного приговора будут возложены на осужденного. Также возникают проблемы и для самого защитника по назначению, связанные с дисциплинарной ответственностью ввиду нарушения правил Кодекса профессиональной этики адвоката [2] и Решения Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «О двойной защите» [3].

Решение «О двойной защите» было принято еще в 2013 г. в связи с обращением в Федеральную палату адвокатов РФ (далее – ФАП РФ) адвокатов адвокатских палат Ростовской и Челябинской областей, Хабаровского края, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Северная Осетия – Алания и других субъектов РФ (всего более 40 субъектов). Авторы обращения указывали, что следственные органы все чаще стали нарушать право на защиту подозреваемых и обвиняемых, используя при этом адвокатов по назначению: «С одной стороны, следователь искусственно и сознательно создает препятствия для участия в деле приглашенного защитника, а с другой – назначенный адвокат, действуя формально, легитимирует незаконные действия следователя» [4].

Как указала ФАП РФ, «…ходатайства подсудимых об отказе от назначенных защитников-дублеров суды не удовлетворяют, а за совершаемые в связи с этим протестные действия, удаляют подсудимых из процесса, ограничивая тем их право на защиту и справедливое судебное разбирательство. Защитники-дублеры в связи с отказом подсудимых от их помощи заявляют самоотводы от участия в судебных

процессах, однако суды расценивают это как отказ от защиты и принуждают адвокатов к формальному исполнению профессиональных обязанностей. Несогласованные действия участников процесса порождают конфликты между защитниками-дублерами и защитниками, осуществляющими профессиональные обязанности на основании соглашения с доверителями» [3]. ФАП РФ указала, что участились случаи удаления из судебных процессов «неудобных» защитников, осуществляющих защиту по соглашению с доверителями, а завершать рассмотрение дел в таких случаях позволяет участие в процессе защитников-дублеров [3].

Приведенные обстоятельства и послужили основанием для принятия ФАП РФ соответствующего решения. Были выработаны разъяснения для адвокатов-защитников, направленные на исключение возможности осуществления двойной защиты: «манипулирование правом на защиту, чем бы оно ни мотивировалось, недопустимо; адвокат в соответствии с правилами профессиональной этики не вправе принимать поручение на защиту против воли подсудимого и навязывать ему свою помощь в суде в качестве защитника по назначению, если в процессе участвует защитник, осуществляющий свои полномочия по соглашению с доверителем: отказ подсудимого от защитника-дублера в данной ситуации является обоснованным и исключающим вступление адвоката в дело в качестве защитника по назначению» [3].

В контексте проблемы двойной защиты неоднократно давал разъяснения Конституционный Суд РФ. Например, в определении Конституционного Суда РФ № 424-О указано, что «…предоставляя обвиняемому возможность отказаться от защитника на любой стадии производства по делу, уголовно-процессуальный закон, таким образом, гарантирует право данного участника уголовного судопроизводства на квалифицированную юридическую помощь защитника, исключая возможность принуждения лица к реализации его субъективного права вопреки его воле» [5]; в определении № 251-О-П также указано: «… реализация права пользоваться помощью адвоката (защитника) на той или иной стадии уголовного судопроизводства не может быть поставлена в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. от решения, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, предусматривающих обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе по назначению» [6].

Несмотря на предельно ясные правовые позиции Конституционного Суда РФ и разъяснения ФАП РФ, практика осуществления двойной защиты не изменила своего вектора. Например, в апреле 2024 г. адвокат

из г. Москвы получила предупреждение за участие в уголовном деле в качестве адвоката-дублера. По уголовному делу по обвинению гна К. на одном из судебных заседаний «председательствующим было доведено до сведения участников процесса, что в судебное заседание не явился защитник подсудимого К. по соглашению – адвокат У., в связи с чем судом назначен защитник – адвокат Г. Подсудимый К. возражал против участия защитника по назначению – Г., которая просила освободить ее от участия в уголовном деле и отложить судебное заседание для обеспечения явки защитника по соглашению. Суд отказал в удовлетворении ходатайства со ссылкой на необязательность для суда такого отказа» [7].

При этом суд не обратил внимания на доводы адвоката-дублера о том, что адвокат по соглашению и другие участники процесса не были извещены надлежащим образом о дате, месте и времени судебного заседания, что является основанием невозможности его проведения. Совет адвокатской палаты также проигнорировал данный факт, как и то обстоятельство, что адвокату-дублеру было известно о болезни адвоката по соглашению, и она просила суд об освобождении от участия в судебном заседании.

Еще один похожий случай произошел в августе 2024 г. Адвокатская палата г. Москвы привлекла адвоката к дисциплинарной ответственности (предупреждение) и рекомендовала ему «повысить профессиональный уровень». При решении судом вопроса о продлении обвиняемому срока содержания под стражей, защитник по соглашению не смог явиться на судебное заседание в связи с болезнью. После этого следственный орган разместил заявку об обеспечении обвиняемого защитником по назначению, которую принял другой адвокат и явился в суд. Назначенный адвокат поддержал позицию обвиняемого, но, «несмотря на категорические возражения последнего против его участия, не заявил суду о невозможности своего участия в судебном заседании, не покинул его, а принял в нем участие» [8]. Обвиняемый подал жалобу в Адвокатскую палату г. Москвы. Защитник по соглашению отметил, что знал о невозможности юриста по назначению явиться на заседание из-за болезни, поэтому решил поучаствовать в заседании и посчитал, что добросовестно исполнял обязанности.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы посчитал, что адвокат по назначению, осведомленный о наличии у обвиняемого защитника по соглашению, должен был немедленно прекратить свое участие в деле, а также поддержать заявление подозреваемого или обвиняемого об отказе от адвоката-дублера, подать самоотвод и проявить настойчивость. Такие действия, по мнению Совета, не могут расцениваться как отказ

от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Если это не помогает, адвокат должен покинуть место процессуальных действий. Совет резюмировал: адвокат по назначению должен был обосновать суду невозможность защиты обвиняемого в качестве дублера и покинуть заседание. Довод юриста о том, что он не мог оставить обвиняемого без защиты в день, когда истекал срок ареста, ошибочный, поскольку он неверно понял порядок его назначения [8].

В описанных примерах отчетливо видно, что и подзащитный, и адвокат-дублер по назначению попадают в ловушку, поскольку суд игнорирует возражения обвиняемого против осуществления его защиты адвокатом по назначению, как и самоотвод адвоката. Как следствие, мы имеем дело с нарушением права обвиняемого на защиту и привлечением адвоката-дублера к дисциплинарной ответственности, который, если следовать разъяснениям Совета адвокатской палаты г. Москвы, должен просто встать и уйти.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указал: «Суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц» [9]. Данные разъяснения, как показывает практика, суды часто не принимают во внимание, игнорируя позицию подсудимого и защитника по назначению.

Резюмируя все вышесказанное, мы пришли к следующим выводам:

1. Учитывая наличие разъяснений Конституционного и Верховного Судов РФ, ФАП РФ о недопустимости двойной защиты и полное их игнорирование со стороны правоприменителя, думается, что единственным выходом из сложившейся ситуации является использование такого законодательного приема, как защита от неумелого правоприменителя. Это такое инструктивное внесение изменений в УПК РФ, которое не оставляет правоприменителю «свободы для маневра», когда законодатель императивно предписывает единственно возможный вариант правомерного поведения.

2. Изменения должны коснуться ряда норм УПК РФ, регулирующих отвод адвоката-защитника, а также процедуру замены защитника. Необходимо дополнить ст. 61 УПК РФ новым основанием для отвода

защитника: «По ходатайству подозреваемого или обвиняемого отводу подлежит защитник, назначенный органами дознания, следствия или суда против воли подозреваемого или обвиняемого, и при наличии у подозреваемого или обвиняемого защитника, оказывающего ему квалифицированную юридическую помощь на основании соглашения, от которого он не отказался».

3. Часть 3 ст. 50 УПК РФ необходимо дополнить уточнением: «В случае неявки приглашенного защитника в течение пяти суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель, следователь или суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры к установлению причин неявки. В случае неявки защитника по уважительной причине, дознаватель, следователь или суд вправе установить срок, в течение которого защитник обязан явиться. В случае повторной неявки защитника по неуважительной причине и при пропуске установленного дознавателем, следователем или судом срока для явки защитника, дознаватель, следователь или суд вправе принять меры по назначению защитника в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов или произвести данное процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 части 1 статьи 51 настоящего Кодекса».

4. Наиболее сложным представляется решение вопроса об отказе подозреваемого или обвиняемого от неоднократно не явившегося без уважительных причин приглашенного им защитника. Понуждение к отказу от защитника недопустимо, поскольку это будет существенным нарушением права подозреваемого или обвиняемого на защиту, но и оставить такого защитника в уголовном деле не представляется возможным, поскольку указанное поведение адвоката будет существенным образом влиять на соблюдение разумности сроков уголовного судопроизводства и качество оказываемой им защиты.

В данной ситуации дознавателю, следователю или суду необходимо в обязательном порядке уведомить адвокатскую палату субъекта РФ, совет которой должен будет принять решение о приостановлении статуса адвоката. Применение к адвокату ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» автоматически исключает оказание им юридической помощи по уголовным делам.

5. Применение ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в отношении адвоката, неоднократно не явившегося без уважительных причин для оказания квалифицированной юридической помощи своему

подзащитному по уголовному делу, обусловливает внесение соответствующих уточнений в указанную статью в части оснований для приостановления статуса адвоката.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru, 21.08.2025.

2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (в ред. от 15 апреля 2021 г.). // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

3. О двойной защите : решение Совета ФПА РФ от 27 сентября 2013 г. (в ред. от 28 ноября 2019 г.) // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/the-decision-to-double-the-protection/ (дата обращения: 28.08.2025).

4. Заявление пресс-службы ФПА РФ // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – URL: https://fparf.ru/news/fpa/zashchitniki-dublery/ (дата обращения: 28.08.2025).

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Побережьева Александра Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части первой статьи 51 и части первой статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 424-О. Документ опубликован не был. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. По жалобе гражданина Московца Никиты Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 51 и частью четвертой статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2007 г. № 251-О-П // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2007. – № 4.

7. Адвокат получила предупреждение за исполнение функции защитника-дублера // Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. – URL: https://www.advokatymoscow.ru/press/smi/13731/ (дата обращения: 28.08.2025).

8. Адвокат – «дублер» получил предупреждение // Право ру. – URL: https://pravo.ru/news/254611/ (дата обращения: 28.04.2025).

9. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9.

Н.В. Спесивов,
кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

N.V. Spesivov,
Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of the Prosecutor's Office, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
nikita_spesivov@bk.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-256-261

ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА*

Аннотация: *современная уголовно-процессуальная доктрина не дает однозначного определения целей уголовного процесса, нередко связывая это с разбалансированностью интересов двух его действующих лиц: государства и личности. Если задачей государства первично является обеспечение своей безопасности и безопасности общества посредством установления контроля над преступностью, то для участников процесса наиболее значимой является задача обеспечения собственных интересов. Таким образом, уголовно-процессуальное целеполагание оказывается в ситуации борьбы двух равновеликих ценностей. В подобной ситуации необходимо найти баланс, который позволит государству, обществу и личности в сфере уголовного судопроизводства решать свои задачи, обеспечивая социальное назначение данного вида государственной деятельности. Средством уравновешивания интересов личности и государства может стать концепция транспарентности уголовного судопроизводства, которая понимается автором как процессуальная основа открытого, доступного и справедливого производства по уголовному делу, позволяющая государству, обществу и личности защищать свойственные им интересы в уголовно-процессуальной сфере.*

Ключевые слова: *цели уголовного судопроизводства, социальное назначение уголовного судопроизводства, транспарентность уголовно-процессуальной деятельности, баланс публичных и частных интересов, уголовная политика.*

GOALS AND VALUES OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *modern criminal procedure doctrine does not contain a clear definition of the goals of criminal proceedings, which is often attributed to an imbalance in the interests of its two «actors»: the state and the individual. While the state's primary goal is to ensure its own security and that of society by establishing control over crime, the individual's goal is to protect their own interests. Thus, criminal procedure goal-setting finds itself in a conflict between two equally important values. In such a situation, it is necessary to find a balance that will allow the state, society, and the individual to achieve their objectives in criminal proceedings while ensuring the social purpose of this type of state activity. The concept of transparency in criminal proceedings can serve as a means of «balancing» the interests*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01190. URL: https://rscf.ru/project/25-28-01190/

of the individual and the state. The author understands this concept as the procedural basis for open, accessible, and fair criminal proceedings, allowing the state, society, and the individual to protect their inherent interests in criminal proceedings.

Keywords: *goals of criminal proceedings, social purpose of criminal proceedings, transparency of criminal procedural activities, balance of public and private interests, criminal policy.*

Уголовное судопроизводство традиционно рассматривается как инструмент защиты публичных интересов государства и общества. Это обусловлено природой самого преступления как общественно-опасного деяния, которое в абсолютном большинстве случаев представляет угрозу общественным и государственным устоям, даже в ситуации, когда вред, казалось бы, причиняется только интересам конкретной личности. Отсюда прямо вытекает одна из приоритетных целей уголовного судопроизводства по установлению контроля над преступностью, обусловливающая его публично-правовую природу. Однако и лицами, вовлекаемыми в орбиту уголовного процесса, и обществом в целом такая деятельность, как правило, воспринимается как карательная, жестко ограничивающая права и свободы личности. Другой важнейшей целью уголовного судопроизводства всегда являлась защита прав и законных интересов личности (и пострадавшей от преступления, и подвергаемой уголовному преследованию). Эти противоположные, на первый взгляд, цели должны уравновешиваться интересами общества, заинтересованного в справедливом правосудии как с точки зрения самих уголовно-процессуальных процедур, так и результата подобной деятельности. Однако в настоящее время удовлетворенность общества уголовным судопроизводством, доверие к нему и лицам, его осуществляющим, является весьма невысоким.

В последние годы в теории уголовного процесса значительное внимание уделяется исследованию целей, которые должны ставиться перед уголовным судопроизводством, и возможностей достижения при этом баланса интересов личности и государства, допустимости отступления от интересов личности во имя достижения общественно значимых, государственных целей [1–5].

Необходимость обеспечения безопасности и правопорядка в обществе и государстве, защиты граждан от любых преступных посягательств определяет превалирование публичного характера уголовно-процессуальной сферы. Именно государство выступает гарантом безопасности личности и общества, но государственные интересы нередко реализуются в ущерб интересам личности. Профессор Л.В. Головко считает это объективным явлением, поскольку государство, будучи носителем

публичной власти, не может быть равным обвиняемому, т.к. роль государства выходит за рамки спора сторон: оно обеспечивает и правосудие, и защиту общественных интересов [6, с. 115].

Абсолютное забвение интересов личности, «изобличение преступника любыми способами означало бы не только применение средств, противоречащих закону, но и извращало бы интерес правосудия, не соответствуя задачам уголовного процесса и суда» [7, с. 91]. Поэтому правозащитная составляющая уголовного судопроизводства, наличие действенных гарантий прав участников процесса, механизмов, ограничивающих государственный произвол, – это то, что должно быть заложено в основу всех уголовно-процессуальных процедур. Современное уголовное судопроизводство, в силу предписанного ему ст. 6 УПК РФ назначения, должно не только и не столько карать, но и предотвращать нарушения прав обвиняемых, потерпевших и иных участников процесса.

Определение оптимального баланса интересов государства и личности является ключевым условием легитимности и эффективности уголовного судопроизводства. При определении концепции целей уголовного судопроизводства и оптимального сочетания в них интересов государства и личности заслуживают внимания разработки профессора Э. Ф. Куцовой, считавшей, что в основе такой концепции должны лежать два, казалось бы, несочетаемых или даже противоречащих друг другу начала – принципы состязательности и объективной (материальной) истины [8, с. 99].

Несмотря на то что УПК РФ отказался от фундаментального для континентальной модели построения уголовного процесса принципа объективной истины, данное исходное начало не перестало быть для нашего процесса системообразующим, поскольку уголовно-процессуальная инфраструктура так и осталась для него базовой [9, с. 8]. По нашему мнению, необходимость установления объективной (материальной) истины исходит из общности интересов государства, общества и личности, а также основана на социальном назначении данного вида государственной деятельности. Указание на истину как результат всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, осуществляемого органами предварительного расследования и суда, должно стать идеологической основой современного уголовного процесса. В настоящее время требование об установлении истины размыто, растворено в тексте ряда норм и статей уголовно-процессуального закона.

Многие ученые полагают, что в состязательном уголовном процессе не может ставиться цель установления объективной истины.

Итогом состязательности сторон может являться только судебная истина – выводы суда, к которым он пришел, оценив доказательства, представленные сторонами. Э.Ф. Куцова считает, что в уголовном судопроизводстве состязательность – это не самоцель. «Она оправданна, нужна, важна, потому что состязательность равноправных сторон, не обрекая при этом суд на пассивность, – наиболее надежный правовой инструмент, обеспечивающий признание гражданина виновным в совершении преступления, если это соответствует действительности; состязательность служит установлению истины. Иное понимание состязательности вредно или даже губительно для справедливого уголовного судопроизводства. Абсолютизация состязательных начал порождает еще больший дисбаланс в интересах государства, общества и личности» [8, с. 107].

В уголовном процессе государство – это не состязающаяся сторона, в задачи которой входит одержать победу над лицом, обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступления. Задачей тех органов, которые представляют государство, является объективное, справедливое разрешение уголовного дела. В российском варианте состязательного построения уголовного процесса за судом сохранена роль активного участника, а состязательность сочетается с судебной инициативой, где истина достигается не через пассивность суда, а через его способность корректировать одностороннюю направленность обвинения и защиты, особенно в условиях неравенства их процессуальных ресурсов.

Итак, цель уголовного судопроизводства складывается из тех целей, которые преследуют государство, личность и общество, руководствуясь своими интересами. Баланс таких интересов заключается в обеспечении справедливости через установление истины по уголовному делу. Полагаем, что это должно повлечь изменение той роли, которую сегодня в уголовном судопроизводстве играют прокурор и суд. Поддержание государственного обвинения для прокурора должно перестать являться исключительным следствием функции уголовного преследования, а суд должен получить возможность активно участвовать в установлении истины, не становясь на сторону обвинения.

В вопросе целеполагания уголовного судопроизводства нельзя обойти вниманием задачу профилактики преступлений, воспитательно-профилактическую направленность такой деятельности, которая в действующем УПК РФ фактически отсутствует.

Решение упомянутых проблем во многом связано с реализацией идеи транспарентности уголовного судопроизводства. Концепция транспарентности уголовного процесса в условиях формирования государства является ответом на один из важных запросов современ-

ного этапа глобального развития. Кроме того, решение проблемы оптимального баланса открытости, доступности информации и тайны производства по уголовным делам позволит обеспечить безопасность личности, общества и государства, эффективное противодействие преступности и общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов и судов.

Разработка точной концепции открытости и доступности уголовного судопроизводства позволит приблизиться к правильному определению баланса интересов его участников и государства по установлению контроля над преступностью, а также интересов и прав граждан на доступ к информации о публичной деятельности соответствующих органов и должностных лиц, а также позволит поднять уровень доверия общества к деятельности правоохранительных органов и судов. Уголовное судопроизводство должно «защищать личность как от преступлений, так и от любых действий и решений представителей государственной власти если они расходятся с назначением уголовного судопроизводства, с социальными целями общества» [10, с. 442].

Найти четкие способы установления баланса интересов личности, общества и государства в уголовно-процессуальной сфере крайне сложно, но концепция транспарентности может стать одним них, поскольку предполагает необходимость комплексного подхода, где есть место современным формам обеспечения доступного и справедливого судопроизводства, учитывающего как правовые традиции, так и социальный контекст, что позволит не допустить довлеющего превалирования интересов государства, если они расходятся с назначением уголовного судопроизводства и социальными целями и ценностями общества. Именно это позволит сделать уголовный процесс дорогой к справедливости, а не лабиринтом, где теряются права.

Государство должно оставаться гарантом достижения и публичных, и личных интересов, обеспечивая справедливость уголовно-процессуальных процедур и их результатов. Воспитательно-профилактическая роль уголовного процесса может быть достигнута не только через наказание виновных, но и через реализацию транспарентности уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Агутин, А.В. Национальное мировоззрение и цель уголовного процесса (уголовного преследования) в системе концептуальных идей формирования ценностно-смысловых основ отечественного уголовного судопроизводства / А.В. Агутин // Законность и правопорядок. – 2021. – № 1 (29). – С. 28–33.

2. Апостолова, Н.Н. В основе уголовного судопроизводства лежит публичное начало / Н.Н Апостолова // Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : монография. – М. : Юрлитинформ, 2025. – С. 102–107.

3. Дорошков, В.В. Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 31–41.

4. Каминский, Э.С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве / Э.С. Каминский // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2018. – Т. 14. – С. 270–280.

5. Тарасов, А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1 (79). – С. 152–163.

6. Головко, Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям / Л.В. Головко // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 107–118.

7. Куцова, Э.Ф. Право на защиту и интересы в советском уголовном процессе / Э.Ф. Куцова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 87–92.

8. Куцова, Э.Ф. Истина и состязательность в уголовном процессе Российской Федерации / Э.Ф. Куцова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 97–109.

9. Головко, Л.В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития / Л. В. Головко // Закон. – 2024. – № 4. – С. 8–20.

10. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: Инфра-М, 2023. – 448 с.

Т.В. Чеботарева,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

T.V. Chebotareva,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
t.v.chebot@gmail.com

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-262-267

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРИ СЛЕДСТВЕННОМ ОСМОТРЕ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА

Аннотация: *с появлением в нашей жизни технически сложных мобильных устройств для связи, содержащих огромный объем информации, составляющей охраняемую Конституцией РФ тайну частной жизни, все более актуальным становится вопрос о ее защите при производстве по уголовным делам. В статье анализируется существующий ныне порядок следственного осмотра мобильных телефонов и делается вывод о том, что он не отвечает современным стандартам обеспечения прав личности в сфере уголовного судопроизводства и требует реформирования.*

Ключевые слова: *следственный осмотр, тайна частной жизни, обеспечение конституционных прав личности, следственные действия, проводимые по судебному решению.*

PROTECTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO PRIVACY DURING INVESTIGATIVE INSPECTION OF A MOBILE PHONE

Abstract: *with the advent of technologically sophisticated mobile communication devices containing vast amounts of information protected by the Constitution of the Russian Federation, the issue of protecting privacy in criminal proceedings is becoming increasingly pressing. The author analyzes the current procedure for investigative inspections of mobile phones and concludes that it does not meet modern standards for ensuring individual rights in criminal proceedings and requires being reformed.*

Keywords: *investigative inspection, privacy, ensuring constitutional rights of the individual, investigative actions provided for by the court order.*

Мобильный телефон в жизни современного человека давно перестал быть просто средством связи; сегодня он является хранилищем огромного объема информации: личных данных, номеров банковских карт, паролей от мобильных банков, государственных порталов и социальных сетей и т.д. Кроме того, в сотовом телефоне содержится информация не только о владельце, но и о его близких

и знакомых, личная и деловая переписка, список контактов, электронная почта, рабочие чаты. Все эти сведения касаются частной жизни гражданина, тайна и неприкосновенность которой гарантируются Конституцией РФ, согласно положениям которой ограничение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки и телефонных переговоров допускается только на основании судебного решения [1]. Конституционные положения о конфиденциальности частной жизни находят свое отражение в уголовно-процессуальном законе, который также устанавливает запрет на получение такого рода информации при производстве процессуальных действий без судебного решения (ст. 29, 185, 186, 186[1] УПК РФ).

В ходе предварительного расследования тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений может ограничиваться при производстве таких процессуальных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами. УПК РФ предусматривает возможность их проведения только по судебному решению, даже в ситуациях, не терпящих отлагательства.

В то же время в ходе расследования уголовных дел мобильные телефоны подозреваемых, обвиняемых и иных участников процесса попадают в руки следователя (дознавателя) при производстве осмотра места происшествия, обыска, личного обыска, выемки, в ходе которых телефоны изымают, осматривают и приобщают к материалам дела в качестве вещественных доказательств. При этом осмотр мобильного телефона производится, как правило, в порядке, установленном для осмотра предметов, при котором проводится не только наружный осмотр телефона, но и его внутреннего содержания, т.е. вся та личная информация, составляющая тайну частной жизни, которая охраняется Основным Законом страны, становится доступной следователю (дознавателю). Таким образом, в силу отсутствия в УПК РФ норм, специально регламентирующих осмотр внутреннего содержания мобильного телефона, органы расследования получают доступ к тайне частной жизни участников процесса, минуя необходимость получения разрешения суда. Более того, ныне закон позволяет производить такие действия и до возбуждения уголовного дела, т.к., согласно ст. 144 УПК РФ, осмотр предметов допускается при проверке сообщения о преступлении.

Данная проблема давно является предметом дискуссии среди ученых и практиков. Если одни авторы критикуют непоследовательность законодателя, который требует санкцию суда при производстве обыска

в жилище, но не требует таковую при осмотре мобильного телефона, содержащего не меньше конфиденциальной информации [2], то другие говорят о правомерности существующей практики, считая осмотр внутреннего содержимого мобильного телефона частью обыска [3, с. 95].

Интересна позиция А.М. Багмета, полагающего, что извлечение информации из средств сотовой связи не подпадает ни под одно из имеющихся в законе следственных действий, поэтому разрешение суда необходимо получать только для просмотра сообщений, хранящихся на мобильном устройстве, тогда как для изучения информации о звонках, записях в телефонной книге этого не требуется [4, с. 25].

По мнению Конституционного Суда РФ, производство осмотра мобильного телефона без судебного разрешения не является нарушением права на неприкосновенность частной жизни, но если лицо сочтет, что его право на тайну переписки или телефонных переговоров нарушено, оно имеет право обращаться за судебной защитой в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ [5]. Российские суды, рассматривая подобные жалобы, ожидаемо следуют мнению Конституционного Суда РФ. Так, Приморским краевым судом г. Владивостока заявителю было отказано в удовлетворении жалобы на действия следователя, который при осмотре мобильного телефона, используя специальную программу, изъял из мобильного устройства и восстановил переписку посредством СМС-сообщений без судебного разрешения [6]. Аналогичное решение принял и Тверской областной суд, признав законными действия следователя, который произвел осмотры внутреннего содержимого мобильных телефонов, изъятых в ходе обыска, без судебного решения [7].

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, породившая соответствующую судебную практику, вызвала неоднозначную реакцию у практикующих юристов. Адвокатское сообщество считает, что это создаст практику повсеместных отказов стороне защиты в исключении из перечня доказательств протоколов осмотра телефонов с извлечением из них охраняемой Конституцией РФ личной информацией без судебного решения. Другие правоприменители полагают, что позиция Конституционного Суда РФ вполне логична, т.к. количество преступлений, совершаемых с использованием технических средств, в том числе мобильных устройств, стремительно растет, и промедление, связанное с получением судебного разрешения, повлечет продолжение противоправных действий и уничтожение доказательств [8].

Представители следственных органов при неформальном интервьюировании почти единодушно заявили, что считают допустимым осмотр содержимого мобильного устройства без получения судебного

решения. И только небольшая часть опрошенных следователей считает, что это возможно лишь при проведении следственных действий, на которые уже было получено судебное решение (например, обыск в жилище или личный обыск). Некоторые следователи пояснили, что, стремясь избежать последующих жалоб на нарушение тайны частной жизни, они проводят осмотр сотового телефона в присутствии лица, у которого он был изъят, заручившись его согласием на это, отраженном в протоколе осмотра.

В ряде зарубежных стран получение санкции суда на осмотр мобильного устройства является сложившейся практикой. Например, уголовно-процессуальный закон ФРГ требует санкции суда на осмотр любого предмета, изъятого против воли его владельца. Верховный Суд США ставит мобильный телефон на один уровень правовой охраны с жилищем, однако разрешает его осмотр без санкции суда в случаях, не терпящих отлагательства (если мобильное устройство продолжает использоваться для связи с соучастниками преступления или содержит информацию о месте нахождения заложников и т.п.) [9, с. 150].

На наш взгляд, сложившийся ныне порядок осмотра мобильного телефона как обычного предмета не отвечает современным стандартам обеспечения прав личности в сфере уголовного судопроизводства. Более того, он противоречит действующему законодательству: Конституции РФ, охраняющей неприкосновенность частной жизни граждан; уголовно-процессуальному закону, который требует судебного решения для производства следственных действий, ограничивающих право граждан на тайну личной жизни (ст. 29 УПК РФ); уголовному закону, устанавливающему ответственность сотрудников государственных органов за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан, совершенное с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 138 УК РФ).

Право на неприкосновенность частной жизни должно распространяться на любую информацию, независимо от места ее нахождения и способа получения. До появления таких технически сложных устройств для связи, как мобильные телефоны, существующий порядок осмотра не представлял угрозы для нарушения неприкосновенности личной жизни участников процесса. Теперь при получении доступа следователя к мобильному телефону, изъятому в ходе производства следственных действий, необходимо четко отграничивать, для чего он будет использоваться: как предмет с его физическими свойствами (изъятый, например, в целях прекращения связи с со-

участниками), либо как источник охраняемой законом информации о частной жизни гражданина.

Отсутствие правовой определенности при производстве осмотра мобильного телефона порождает на практике нарушение базовых конституционных прав граждан – участников уголовного судопроизводства. Позиция Конституционного Суда РФ, поддержавшего допустимость осмотра мобильного телефона без судебного решения только потому, что этого не требует уголовно-процессуальный закон, не может являться конечной точкой в разрешении этой проблемы. На наш взгляд, если мобильный телефон был изъят в ходе следственного действия, на которое уже было получено судебное решение (личный обыск, обыск или выемка в жилище), получать отдельную санкцию суда на его осмотр нет необходимости. В том случае, если телефон попал в руки следователя в ходе следственных действий, не требующих судебного разрешения, для просмотра его внутреннего содержимого следователю необходимо обратиться с соответствующим ходатайством в суд.

Очевидно, что информация, содержащаяся в мобильном устройстве, в большинстве случаев сама по себе не представляет угрозы для участников процесса, а ее сохранность вполне обеспечивается изъятием устройства. Если изъятие такой информации не терпит отлагательства, то необходимо руководствоваться положениями ч. 5 ст. 165 УПК РФ, позволяющими осуществить данное действие с последующим ретроспективным судебным санкционированием. Для обеспечения единства следственно-судебной практики необходимо внести в уголовно-процессуальный закон соответствующие изменения, которые обеспечат эффективную защиту конституционных прав и свобод личности при производстве по уголовным делам.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами «О поправках к Конституции Российской Федерации» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2025).

2. Коновалов, С.Г. Использование в уголовном процессе цифровых данных, хранящихся в телефоне: назревшие вопросы и пути их решения / С.Г. Коновалов // Закон. – 2021. – № 11. – С. 128–138.

3. Оконенко, Р.И. Электронные доказательства и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе:

сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Р.И. Оконенко. – М., 2016. – 158 с.

4. Багмет, А.М. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное действие / А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин // Право и кибербезопасность. – 2013. – № 2. – С. 22–27.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-1914/2014 22К-1914/2014 от 7 апреля 2014 г. по делу № 22-1914/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 02.10.2025).

7. Апелляционное постановление Тверского областного суда № 22-1501/16 22К-1501/2016 от 29 июня 2016 г. по делу № 22К-1501/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. – URL: https://sudact.ru. (дата обращения: 02.10.2025).

8. Оноприенко, О. Конституционный суд: для изучения содержимого телефона при его изъятии судебное решение не требуется / О. Оноприенко // Адвокатская газета. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-dlya-izucheniya-soderzhimogo-telefona-pri-ego-izyatii-sudebnoe-reshenie-ne-trebuetsya/ (дата обращения: 02.10.2025).

9. Нагорная, И.И. Обыск сотового телефона в ходе законного ареста в американском уголовном процессе / И.И. Нагорная // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 3. – С. 148–159.

И.И. Ворошилов,
соискатель кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, помощник прокурора Центрального района г. Тольятти Самарской области

I.I. Voroshilov,
Applicant for a Candidate of Juridical Sciences Degree of the Saratov State Law Academy, Assistant Prosecutor of the Central District of Tolyatti, Samara Region
voroshilov.ilya2017@yandex.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-268-276

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНИЗАЦИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УПРАВЛЕНИЕ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению вопроса об ответственности как одной из основных характеристик правового статуса юридических лиц, в том числе организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами. Автор статьи путем сравнительного анализа особенностей привлечения указанных организаций к различным видам юридической ответственности приходит к выводу о том, что даже организации, фактически осуществляющие одинаковый вид деятельности, имеют разный объем ответственности за правонарушения, совершаемые в одной и той же сфере правоотношений. Ответственность рассматривается автором в качестве самостоятельного и важного элемента правового статуса любого субъекта правоотношений, поскольку объем и виды юридической ответственности, которые может нести конкретное юридическое лицо, зависит от таких факторов, как объем имеющихся у него прав, вида осуществляемой деятельности и организационно-правовой формы.*

Ключевые слова: *правовой статус, юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, организации, осуществляющие управление многоквартирными домами, товарищество собственников жилья, дееспособность, правоспособность, деликтоспособность, предпринимательская деятельность.*

LIABILITY AS ONE OF THE MAIN ELEMENTS OF THE LEGAL STATUS OF ORGANIZATIONS MANAGING APARTMENT BUILDINGS

Abstract: *this article examines liability as a key characteristic of the legal impact of legal entities, including organizations managing apartment buildings. Through a comparative analysis of the criminal liability of these organizations, the author concludes that even organizations engaged in the same type of activity have varying degrees of liability for offenses committed within the same legal framework. The author's solution considers*

liability as an independent and important element of the legal consequences of any legal entity, as the scope and types of military liability a specific legal entity may bear depend on factors such as the scope of its existing rights, the type of human activity, and its organizational and legal form.

Keywords: *legal status, liability, civil liability, administrative liability, organization managing apartment buildings, homeowners' association, legal capacity, delictual capacity, entrepreneurship.*

Каждый субъект правоотношений, будь то физическое или юридическое лицо, обладает правовым статусом. В целях научного анализа, а также применения права юридическая наука сводит существующие нормы права в систему юридических понятий. Еще профессор Ю.С. Гамбаров утверждал, что «отделять юридические понятия от юридических норм – значит допускать чудовищную неясность: последние обусловливают первые, и если между ними и другими возникают разногласия, то перевес оказывается, естественно, на стороне обусловливающей нормы, а не обусловливаемого понятия» [1, с. 165].

Правовой статус как научная категория это не просто теоретический термин, раскрывающий свое содержание через совокупность элементов, а понятие, которое на основе и при помощи позитивного права определяет состояние субъекта права и раскрывает формально-юридическую сторону состояния субъекта, которое определяется в соответствии с правовыми (общенормативными и учредительными) документами, регламентирующими его права, обязанности, гарантии их осуществления и меры и условия ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей.

Н.С. Мамаева детализирует указанный подход и определяет правовой статус как «совокупность субъективных прав и обязанностей, получивших воплощение в правоспособности как возможности иметь права и обязанности и дееспособности как способности своими действиями реализовывать эти права и обязанности, изменять или прекращать их, а также нести ответственность, предусмотренную законом» [2, с. 15].

Основателем рассматриваемого подхода можно назвать профессора Н.В. Витрука, который в понятие «правовой статус личности» включает такие структурные элементы, как юридические права и свободы, юридические обязанности и законные интересы личности, признаваемые государством [3, с. 38]. Данные элементы являются основой и в совокупности с гражданством, правосубъектностью и юридическими гарантиями образуют более широкое понятие – «правовое положение личности».

В.А. Патюлин разделяет данную точку зрения и предлагает выделять категорию правового положения личности, означающую юридическое закрепление всех сторон фактического положения личности в обществе и государстве, наряду с правовым статусом [4, с. 120]. В.А. Кучинский расширяет перечень дополнительных элементов, входящих в понятие «правовое положение личности», юридической ответственностью [5, с. 115, 119–135].

Таким образом, понятие «правовое положение личности» шире понятия «правовой статус» и включает в себя такой важный характеризирующий элемент, как юридическая ответственность.

По нашему мнению, включение юридической ответственности в качестве одного из характеризующих элементов правового статуса физического или юридического лица позволит получить полное представление о его юридической сущности, поскольку ответственность нередко может являться одним из ключевых элементов правового статуса юридического лица, позволяющим выделить его среди совокупности схожих правовых явлений. Одним из наиболее ярких примеров, когда юридическая ответственность является критерием разграничения схожих явлений правовой действительности, выступает разграничение правового статуса организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами (далее – МКД).

Применение понятия правового положения личности, включающего в себя юридическую ответственность в качестве характеризующего элемента, к юридическим лицам по объективным причинам невозможно. Полагаем, что одним из способов решения обозначенной нами проблемы может являться расширение понятия «правовой статус» путем включения юридической ответственности в качестве одного из его характеризующих элементов.

Правовой статус традиционно связывают с такими понятиями, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Анализ указанных теоретико-правовых категорий, как правило, позволяет получить наиболее полную информацию о правовом статусе конкретного субъекта правоотношений.

Под правоспособностью понимается наличие способности юридического лица обладать предусмотренными законом правами. В соответствии с п. 3 ст. 49 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) правоспособность юридического лица возникает с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный реестр сведений о его прекращении [6].

Дееспособность является способностью юридического лица к претворению в правовую действительность прав, которыми оно обладает, путем совершения собственных действий [7, с. 207].

Деликтоспособность является сложносоставным явлением, которое, по мнению Б.М. Гонгало, состоит из двух самостоятельных правовых явлений «деликт» и «способность». В совокупности оно представляет собой способность юридического лица, причинившего своими неправомерными действиями имущественный вред другому лицу, возместить этот вред [8, с. 327].

В правовой науке существует позиция о тождественности понятий «деликтоспособность» и «юридическая ответственность», поскольку первая проявляет себя лишь тогда, когда юридическое лицо совершает правонарушение, тем самым оно создает для себя обязанность нести установленную законом ответственность.

На наш взгляд, указанная позиция представляется не совсем верной. Юридическая ответственность выступает установленной мерой государственного принуждения, которая наступает в качестве последствия совершенного правонарушения, а деликтоспособность является способностью конкретного субъекта правоотношений нести установленную законом ответственность. Таким образом, наличие у субъекта права деликтоспособности лишь означает, что он теоретически способен нести какую-либо ответственность за совершенные им действия. Юридическая ответственность характеризует, к какому виду ответственности может быть привлечен субъект права. Названная разница является определяющей для характеристики конкретных явлений правовой действительности.

Указанное справедливо по отношению к юридическим лицам, осуществляющим деятельность по управлению многоквартирными домами. Обладая специальной правоспособностью, они также несут установленную законом ответственность, к которой не могут быть привлечены иные участники правоотношений.

В зависимости от характера совершенного правонарушения юридическую ответственность можно подразделить на следующие виды:

– уголовная ответственность;

– административная ответственность;

– гражданско-правовая ответственность;

– дисциплинарная ответственность.

Рассмотрим особенности привлечения организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами, к каждому из указанных видов ответственности.

Уголовная ответственность является наиболее строгим видом ответственности, которая наступает за совершение преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Согласно ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации юридические лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности [9]. Однако это не исключает возможности привлечения к уголовной ответственности руководителя (учредителя) и иных должностных лиц организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами.

Дисциплинарная ответственность наступает за нарушение физическим лицом трудовой, воинской, служебной или учебной дисциплины. Организация, осуществляющая деятельность по управлению многоквартирными домами, не может быть привлечена к дисциплинарной ответственности. Однако внутри самой организации могут возникать правоотношения, регулируемые требованиями трудового законодательства, поэтому должностные лица управляющей компании, товариществ собственников жилья (далее – ТСЖ), товариществ собственников недвижимости (далее – ТСН), жилищно-строительных кооперативов (далее – ЖСК), осуществляющие трудовую деятельность в указанных организациях на основании трудового договора, могут быть привлечены к дисциплинарному взысканию в случае совершения дисциплинарного проступка.

Относительно привлечения организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами, к административной ответственности, важно отметить, что в данном случае имеет значение факт наличия у организации лицензии на осуществление данного вида деятельности.

Требование о наличии лицензии на осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами является обязательным для управляющих организаций МКД, которые заключают с собственниками договор на осуществление данной деятельности в соответствии со ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации [10]. Являясь лицензиатами, управляющие организации должны осуществлять свою деятельность не только в соответствии с требованиями, установленными жилищным законодательствам, но и с лицензионными требованиями, утвержденными Правительством РФ [11].

Нарушение лицензионных требований влечет за собой привлечение управляющей многоквартирным домом организации к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), – осуществление предпринимательской деятель-

ности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований, за исключением случаев, предусмотренных ст. 13.19.2 КоАП РФ [12]. Совершение указанного административного правонарушения влечет наложение административного штрафа на юридических лиц – от 250 до 300 тыс. рублей.

Кроме того, управляющая организация, фактически осуществляющая вышеуказанную деятельность в отсутствии лицензии, может быть привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.1.3 КоАП РФ. За совершение указанного административного правонарушения виновное юридическое лицо понесет наказание в виде административного штрафа в размере от 150 до 250 тыс. рублей [12].

Частью 3 ст. 14.1.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с грубым нарушением лицензионных требований, что влечет наложение административного штрафа на юридическое лицо в размере от 300 до 350 тыс. рублей.

Статьей 7.23.3 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение организациями, осуществляющими деятельность по управлению многоквартирными домами на основании договоров управления, правил предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами [12].

Составы административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 14.1.3 и ст. 7.23.3 КоАП РФ, являются схожими, однако составом административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.1.3 КоАП РФ охватываются исключительно нарушения организации, осуществляющей деятельность по управлению многоквартирным домом, лицензионных требований, утвержденных Правительством РФ. Жилищное законодательство предусматривает для управляющих организаций МКД обязанность по соблюдению иных требований, напрямую не связанных с наличием у них лицензии на осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами, в связи с чем нарушение указанных правил образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.23.3 КоАП РФ.

Анализ вышеуказанных положений законодательства может привести к неверному мнению о том, что административную ответственность за ненадлежащее осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами могут нести только субъекты – лицензиаты, однако это не так.

Статьей 7.22 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушение лицами, ответственными за содержание жилых до-

мов и (или) жилых помещений, правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений либо порядка и правил признания их непригодными для постоянного проживания и перевода их в нежилые, а равно переустройство и (или) перепланировка жилых домов и (или) жилых помещений без согласия нанимателя (собственника), если переустройство и (или) перепланировка существенно изменяют условия пользования жилым домом и (или) жилым помещением [12].

Указанный состав административного правонарушения может быть применен в отношении ТСЖ, ЖСК, ТСН и их должностных лиц в случае нарушения ими требований, установленных федеральным и (или) региональным законодательством при осуществлении деятельности по управлению многоквартирными домами, однако не применим к субектам-лицензиатам.

Кроме того, законодателем также предусмотрены составы административных правонарушений, которые могут применяться в отношении всех организаций (и их должностных лиц), осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами, вне зависимости от их организационно-правовой формы. Например, ст. 7.23 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за нарушение нормативного уровня или режима обеспечения населения коммунальными услугами [12].

Юридические лица могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров (договорной вид гражданско-правовой ответственности), а также в случае причинения вреда, который не связан с неисполнением договорных обязательств (внедоговорной вид гражданско-правовой ответственности).

В. П. Грибанов определял гражданско-правовую ответственность как одну из форм государственного принуждения, связанную с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота [13, с. 172].

К формам гражданско-правовой ответственности относят:

– компенсационную, т.е. в форме возмещения убытков (ст. 15 ГК РФ);

– штрафную, подразумевающую выплату неустойки (ст. 330 ГК РФ);

– потерю задатка (ст. 381 ГК РФ);

– запретительную, которая обозначает ограничения в правах в отношении конкретного правонарушителя;

– понуждение, т.е. действия, направленные на понуждение лица совершить какое-либо действие.

Наиболее интересным является вопрос привлечения к гражданско-правовой ответственности организаций-лицензиатов, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами.

Деятельность по управлению многоквартирными домами является для указанных организаций видом предпринимательской деятельности, а одной из особенностей наступления гражданско-правовой ответственности субъектов предпринимательской деятельности является принцип виновности.

Пунктом 3 ст. 401 ГК РФ установлено, что если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие обстоятельств непреодолимой силы. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств.

Анализ указанных норм гражданского законодательства свидетельствует о том, что в отношении субъектов предпринимательской деятельности вина может не рассматриваться в качестве обязательного условия наступления гражданско-правовой ответственности, что также справедливо в отношении организаций, управляющих многоквартирными домами.

Таким образом, ответственность может быть рассмотрена в качестве самостоятельного и важного элемента правового статуса любого субъекта правоотношений, поскольку объем и виды юридической ответственности, которые может нести конкретное юридическое лицо, зависит от таких факторов, как объем имеющихся у него прав, вид осуществляемой деятельности, организационно-правовая форма, что отлично видно на примере организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами.

Несмотря на то что указанные организации являются юридическими лицами, осуществляющими единый вид деятельности, их правовые статусы значительно отличаются, в том числе в части возможности их привлечения к различным видам юридической ответственности. Указанная разница зависит не только от их организационно-правовой формы, но и объема правоспособности. Данные выводы позволяют нам говорить о том, что ответственность может быть рассмотрена

в качестве одной из наиболее значимых характеристик правового статуса юридических лиц.

Список литературы:

1. Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров. – М.: Зерцало, 2003. – 816 с.

2. Мамаева, Н.С. Гражданско-правовой статус: понятие и содержание / Н.С. Мамаева // Инновационные внедрения в области юриспруденции : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 января 2018 г.). – Вып. III. – М. : Федеральный центр науки и образования «Эвенсис», 2018. – С. 13–16.

3. Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук. – М. : Наука, 1979. – 229 с.

4. Витрук, Н.В. Рецензия на монографию Матузова Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.В. Витрук, В.А. Патюлин // Правоведение. – 1973. – № 5. – С. 117–120.

5. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право. / В.А. Кучинский – М. : Юрид. лит., 1978. – 208 с.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г., с изм. от 31 октября 2024 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

7. Веберс, Я.Р. Правосубъектность граждан в советском и семейном праве / Я.Р. Веберс. – Рига : Зинатне, 1976. – 231 с.

8. Гражданское право : учебник. В 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2017. – 543 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

10. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2025 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

11. О лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами : постановление Правительства РФ от 28 октября 2014 г. № 1110 (в ред. от 31 июля 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 44, ст. 6074; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 30.10.2024.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2025 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

13. Гражданское право : учебник. В 2-х т. : Т. 1 / А.М. Белякова, А.П. Бессонова, Е.Н. Гедзехадзе, В.П. Грибанов и др. / под ред. Е.А. Суханова. – М. : БЕК, 1993. – 432 с.

М.А. Галкин,
аспирант кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

M.A. Galkin,
Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure of the Saratov State Law Academy
faddenn321@gmail.com

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-277-285

ЗАЩИТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Аннотация: *актуальность заявленной в статье проблемы определяется отсутствием в положениях действующего уголовно-процессуального закона критериев, позволяющих разграничить такие виды деятельности, как защита лиц, подвергаемых уголовному преследованию, и охрана прав иных участников процесса. Неопределенность законодательных положений привела к тому, что и в теории уголовного процесса данные категории трактуются весьма противоречиво. Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие защитительную деятельность, а также теоретические представления о таких понятиях, как «уголовно-процессуальная защита» и «охрана прав участников уголовного процесса». Цель работы заключается в анализе правовой природы и сущности уголовно-процессуальной защиты и в исследовании соотношения категорий «защита прав обвиняемого (подозреваемого)» и «охрана прав иных участников уголовного процесса». Автором использованы традиционные общенаучные (диалектический, системный, логический и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.) методы, которые позволили прийти к выводу о том, что рассмотрение сущности защиты в уголовном судопроизводстве как деятельности, присущей всем участникам процесса, включая тех, кто выступает на стороне обвинения, размывает границы данного термина и вносит неопределенность в вопрос о круге субъектов, которые осуществляют функцию защиты.*

Ключевые слова: *уголовно-процессуальная защита, охрана прав участников процесса, право на защиту, квалифицированная юридическая помощь.*

DEFENSE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONCEPT AND FORMS OF IMPLEMENTATION

Abstract: *the relevance of the problem stated in the article is determined by the absence of criteria in the provisions of the current criminal procedure law that would distinguish between such activities as defending persons subject to criminal prosecution and protecting the rights of other participants in the proceedings. The ambiguity of legislative provisions has led to the fact that these categories are interpreted in highly contradictory ways even in the theory of criminal procedure. The subject of the study is the norms of criminal procedure law regulating defense activities, as well as theoretical understanding of such concepts as "criminal procedural defense" and "protection of the rights of participants in criminal proceedings." The purpose of the work is to analyze the legal nature and essence of criminal procedural defense and to examine the relationship between the "protection of the rights of the accused (suspect)" and "protection of the rights of other participants*

in criminal proceedings" categories. Traditional general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, comparative-legal, etc.) methods were employed; it is concluded that if the essence of defense in criminal proceedings is looked at as an activity inherent in all participants in the process, including those who act on the side of the prosecution, it blurs the boundaries of this term and makes the issue regarding those who carry out the function of defense uncertain.

Keywords: *criminal procedural defense, protection of rights of participants in the process, right to defense, qualified legal assistance.*

В теории советского уголовного процесса общепризнанным являлось мнение о том, что защита представляет собой деятельность по опровержению обвинения, т.е. «совокупность процессуальных действий, направленных на оспаривание обвинения, представление доказательств, оправдывающих или смягчающих ответственность обвиняемого» [1, с. 145], которую осуществляют обвиняемый (подозреваемый), его защитник и законный представитель. Основания для такого понимания защиты давали положения ранее действовавшего УПК РСФСР. В частности, анализ ч. 1 ст. 51 УПК РСФСР позволял говорить о защите как о деятельности по выявлению обстоятельств, оправдывающих обвиняемого (подозреваемого), смягчающих его ответственность, деятельности по оказанию ему юридической помощи.

Действующий УПК РФ также рассматривает защиту как одну из триады основных процессуальных функций, которая возникает с началом уголовного преследования и является основой состязательного уголовного судопроизводства (ст. 15). Исходя из данных законодательных положений, многие современные ученые-процессуалисты и ныне традиционно определяют защиту как деятельность, направленную на опровержение «незаконного, необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод личности, выполняемую субъектами стороны защиты» [2, с. 90], указывая на ее многоаспектность [3, с. 5], подчеркивая, что она проявляется в защите любых законных интересов обвиняемого, если даже это непосредственно не связано со смягчением его ответственности по делу [4, с. 231; 5, с. 32].

Представители общей теории права рассматривали защиту более широко, как любое противодействие «незаконным нарушениям и ограничениям прав, свобод и интересов личности, предупреждение этих нарушений и ограничений» [6, с. 435]. Отталкиваясь от этих представлений, отдельные советские ученые-процессуалисты также предложили интерпретировать защиту «как деятельность, противоборствующую неправомерным действиям по отношению к любому

участнику процесса» [7, с. 90], считая, что «такая деятельность присуща не только лицам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и их представителям, но и всем заинтересованным участникам уголовного судопроизводства, в том числе и тем, кто выступает на стороне обвинения, например, потерпевшему, гражданскому истцу» [8, с. 11].

Подобные представления о сущности уголовно-процессуальной защиты сегодня широко поддерживаются в теории уголовного процесса. Д. Т. Арабули считает, что анализируемое понятие «может нести разную смысловую нагрузку применительно к различным заинтересованным участникам уголовного судопроизводства, в зависимости от выполняемой ими функции» [9, с. 29]. Следует отметить, что положения действующего законодательства дают некоторые основания для такой точки зрения. Статья 45 Конституции РФ, предоставляя гражданам право на защиту любыми, не противоречащими закону способами, не уточняет, каким процессуальным статусом такие лица должны обладать. Уголовно-процессуальный закон, говоря о назначении уголовного судопроизводства, употребляет термин «защита» применительно к правам и законным интересам не только лиц, подвергнутых уголовному преследованию, но и лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

Опираясь на данные положения закона, ученые делают вывод о том, что ныне «утрачивает актуальность понимание и рассмотрение защиты только с точки зрения деятельности обвиняемого и его защитника, обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту» [9, с. 27], поэтому в уголовном процессе следует выделять «специальную защитительную деятельность, осуществляемую стороной защиты, и защитительную деятельность в общеправовом смысле» [10, с. 59]. Последняя представляет собой любую процессуальную деятельность, осуществляя которую все участники уголовного процесса отстаивают свои права и законные интересы. Соответственно «право на защиту в сфере уголовно-процессуальной деятельности, как составная часть прав личности, представляет собой систему процессуальных прав, включающую в себя права, предоставленные законом подозреваемому, обвиняемому, гражданскому ответчику, потерпевшему, гражданскому истцу для осуществления личной защиты, право пользоваться помощью защитника, представителя, законного представителя» [11, с. 15]. Таким образом, в качестве тех лиц, которые обладают правом на защиту, «в качестве субъектов уголовно-процессуальной защиты могут выступать любые заинтересованные участники уголовного судопроизводства, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты

(потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик), которые самостоятельно или с помощью защитника либо представителя и законного представителя могут отстаивать свои права и интересы» [12, с. 531].

Если последовательно рассматривать защиту и право на защиту в предлагаемом значении, то следует признать, что этим правом обладают не только заинтересованные участники процесса, выступающие на стороне обвинения или защиты, но и иные участники процесса (гл. 8 УПК РФ): свидетель, эксперт, специалист, понятой, которые в случае необоснованного или незаконного ограничения их прав и свобод могут приносить жалобы на действия и решения органов расследования, прокурора, суда и иными способами отстаивать свои нарушенные права.

Некоторые сторонники таких представлений о сущности защиты убеждены в том, что подобного рода деятельность присуща всем участникам уголовного судопроизводства, включая должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс (прокурора, следователя, дознавателя, суд), которые в силу exofficto, т.е. служебного долга обязаны защищать права и законные интересы обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и иных участников процесса [13, с. 49; 14, с. 195], что именно «защита прав и интересов лица в уголовном судопроизводстве является общей направленностью деятельности следователя, прокурора и суда» [15, с. 174].

Однако такое широкое толкование сущности уголовно-процессуальной защиты, как справедливо отмечает Г.И. Сибирцев, «размывает границы данного термина» [16, с. 23], вносит неопределенность в вопрос о круге субъектов, которые осуществляют функцию защиты. УПК РФ (ст. 46) называет защитником только лицо, оказывающее юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому), поэтому полагаем, что термин «защита» должен использоваться только для обозначения соответствующей уголовно-процессуальной функции. Использовать данное понятие для обозначения деятельности по представлению прав и законных интересов участников процесса со стороны обвинения или по обеспечению прав иных участников процесса методически неверно, т.к. эти лица обеспечиваются юридической помощью путем наделения их правом иметь представителя или адвоката, но не защитника. Недопустимо говорить о том, что защита осуществляется властными участниками процесса в силу того, что, «реализуя, например, функцию уголовного преследования, они защищают права и интересы потерпевшего, или, прекращая уголовное преследование, они защищают права обвиняемого» [17, с. 24]. В данном случае уместнее говорить

не о защите, а об охране или обеспечении прав потерпевшего, подозреваемого, других участников процесса, т.к. защита как направление деятельности в уголовном судопроизводстве может осуществляться исключительно субъектами, не обладающими властными полномочиями [18, с. 86; 19, с. 80]. Органы предварительного расследования, прокурор и суд не осуществляют защитительную деятельность; на них в силу принципа публичности, а также в силу положений ст. 11 УПК РФ возложена обязанность по охране, обеспечению прав всех участников процесса, включая обвиняемого и подозреваемого. «Поэтому неоправданно считать государственные органы и должностных лиц субъектами защиты применительно не только к защите обвиняемого, но и потерпевшего» [19, с. 107].

Таким образом, уголовно-процессуальную защиту нельзя смешивать с представительством и охраной, обеспечением прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства, хотя, как уже отмечалось, действующий УПК РФ дает для этого определенные основания. П.В. Фадеев говорит о том, что «нормы уголовно-процессуального права, регулирующие деятельность по защите, охране, обеспечению прав участников уголовного процесса, при сравнительно-правовом анализе показывают отсутствие критериев, позволяющих разграничить их в понятийном аппарате науки уголовно-процессуального права». Поэтому профессор П.В. Фадеев предлагает обозначать «деятельность государственных органов, их должностных лиц, адвокатов (защитников, представителей) и иных уполномоченных лиц, использующих соответствующие правовые средства (способы), в целях содействия лицам, вовлеченным в уголовно-процессуальную деятельность и нуждающимся в защите и охране их прав, свобод и законных интересов, независимо от того, какие уголовно-процессуальные функции они выполняют», термином «правовая помощь участникам уголовного судопроизводства» [20, с. 5, 15]. В работах других ученых предлагается использовать такие понятия, как «правовая помощь», «правовые услуги», «юридические услуги» [21, с. 57–60].

Не отрицая возможности использования в теории уголовного процесса таких обобщающих категорий, мы настаиваем на допустимости законодательного употребления понятия «защита» только для обозначения соответствующей уголовно-процессуальной функции. Разграничение защиты как деятельности, противостоящей обвинению, и деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства по охране, обеспечению прав участников процесса может быть осуществлено только посредством интерпретации первой исключительно как деятельности обвиняемого, его защитника и других участников

уголовного судопроизводства со стороны защиты, производной от осуществляемого уголовного преследования.

В настоящее время во многих странах мира существует адвокатская монополия на осуществление защиты в уголовном процессе. В соответствии с положениями УПК РФ, защита в рассматриваемом нами значении также осуществляется, главным образом, адвокатами (ч. 2 ст. 49). В процессуальной литературе понятия «уголовно-процессуальная защита» и «квалифицированная юридическая помощь» нередко употребляются как синонимы. Как отметил Г.И. Сибирцев, «защиту по уголовным делам допустимо рассматривать как вид квалифицированной юридической помощи, равно как и квалифицированную юридическую помощь можно считать основной формой осуществления права на защиту в уголовном судопроизводстве» [16, с. 24]. Однако, по нашему мнению, несмотря на тесную взаимосвязь указанных понятий, отождествлять их недопустимо. При производстве по уголовному делу правом на получение квалифицированной юридической помощи наделены не только лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, но и заинтересованные участники процесса со стороны обвинения, а также свидетель и лицо, в помещении которого проводится обыск, имеющие право воспользоваться помощью адвоката.

В уголовном судопроизводстве квалифицированность юридической помощи как основной формы осуществления права на защиту жестко связана с профессиональной основой – наличием у лица, оказывающего такую помощь участникам процесса, подвергаемым уголовному преследованию, статуса адвоката. Тем самым государство гарантирует надлежащее качество правовой помощи, предоставляемой обвиняемому (подозреваемому), т.к. квалифицированной традиционно считается юридическая помощь, оказываемая именно адвокатами, «в силу законодательного предъявления к ним требований об уровне образования, сдаче квалификационного экзамена, дисциплинарного контроля, видах юридических услуг» [22, с. 258].

Кроме того, представлять интересы гражданского ответчика и гражданского истца, являющихся юридическими лицами, также могут иные лица, правомочные, в соответствии с Гражданским кодексом РФ, осуществлять такого рода деятельность.

В процессуальной литературе неоднократно высказывались предложения о необходимости отказаться от адвокатской монополии на оказание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве в целом и обвиняемым и подозреваемым, в частности [23, с. 67–74; 24, с. 257–265], т.к. ее, якобы, «вполне может

оказывать и иной высококвалифицированный юрист, например доктор юридических наук или заслуженный юрист» [25, с. 28]. В поддержку данного мнения приводятся доводы о том, что «непрофессиональная защита повышает уровень защищенности подозреваемого и обвиняемого, дисциплинирует должностных лиц, а также адвокатов, укрепляет позиции, удваивает контроль и сферу воздействия на ход уголовного дела, поддерживает в подзащитном благоприятное психологическое самочувствие и т.д.» [26, с. 164].

На наш взгляд, четкую и правильную позицию по этому вопросу сформулировал Конституционный Суд РФ, указав, что «право вести свои дела в суде через самостоятельно выбранного представителя не означает безусловное право выбирать в качестве такового любое лицо. … Это может привести к тому, что защитником … окажется лицо, не обладающее необходимыми профессиональными навыками, что несовместимо с задачами правосудия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь» [27, 28].

Мы в полной мере разделяем точку зрения О.Н. Бондаря о том, что «участие в уголовном деле в качестве защитника обвиняемого (подозреваемого) лица, не являющегося адвокатом, нарушает конституционные обязанности государства по гарантированию квалифицированной юридической помощи лицам, подвергаемым уголовному преследованию», снижает ответственность за качество такой помощи, «может ставить под сомнение законность и легитимность всего уголовного преследования, полученных по его итогам судебно-процессуальных результатов, оформленных в виде приговора, может сказываться негативным образом на уровне общественного доверия к уголовному правосудию» [21, с. 184]. Поэтому основной формой осуществления права на защиту в уголовном судопроизводстве должна оставаться квалифицированная юридическая помощь, оказываемая адвокатами.

Список литературы:

1. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. Т. 1. – М. : Наука, – 1968. – 470 с.

2. Григорян, В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления / В.Л. Григорян. – Саратов : Изд-во Поволж. ин-та управления им. П.А. Столыпина, – 2012. – 144 с.

3. Дмитриева, Н.А. Функция защиты в российском уголовном процессе и роль в ней института адвокатуры / Н.А. Дмитриева : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 24 с.

4. Зинатуллин, З.З. Понятие, содержание и виды защиты в советском уголовном процессе // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. / З.З. Зинатуллин – СПб., 2013. – С. 227–237.

5. Закомолдин, А.В. Квалифицированная юридическая помощь в системе гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве / А.В. Закомолдин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2008. – № 2 (4). – С. 28–35.

6. Общая теория прав человека / рук. авт. коллектива и отв. ред. Е.А. Лукашева. – М. : Норма, 1996. – 509 с.

7. Выдря, М.М. Функция защиты в советском уголовном процессе / М.М. Выдря // Советское государство и право. – 1978. – № 1. – С. 88–92.

8. Беседин, А.И. Защита в стадии исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Беседин. – Воронеж, 1996. – 29 с.

9. Арабули Д.Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук / Д.Т. Арабули. – Челябинск, 2010. – 59 с.

10. Горбачева, Е.В. Функции защиты как необходимый элемент состязательного процесса / Е.В. Горбачева // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 3. – С. 55–60.

11. Насонова, И.А. Субъекты уголовно-процессуальной защиты / И.А. Насонова. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2010. – 170 с.

12. Насонова, И.А. О тенденции развития средств уголовно-процессуальной защиты / И.А. Насонова. // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию Сарат. гос. юрид. акад. (29–30 сентября 2016 г.). – Саратов, 2016. – С. 530–531.

13. Кудрявцев, В.Л. Реализация конституционно-правового института квалифицированной юридической помощи в деятельности адвоката (защитника) в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы и проблемы обеспечения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / В.Л. Кудрявцев. – М., 2008. – 55 с.

14. Уголовный процесс / Глушков А.И. и др.; отв. ред. А. В. Гриненко. – 3-е изд., перераб. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. – 495 с.

15. Арабули, Д.Т. Защита прав и интересов лица в уголовном судопроизводстве – общая направленность деятельности следователя, прокурора и суда / Д.Т. Арабули // Проблемы права. – 2010. – № 1. – С. 174–182.

16. Сибирцев, Г.И. Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук / Г.И. Сибирцев. – Саратов, 2018. – 239 с.

17. Манова, Н.С. О сущности уголовно-процессуальной защиты / Н.С. Манова // Право и правоохранительная деятельность: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, аспирантов, соискателей. Сб. науч. ст. – Саратов : Саратовский источник, 2017. – С. 84–86.

18. Манова, Н.С. Сущность и цели уголовно-процессуальной защиты / Н.С. Манова, Г.И. Сибирцев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 11 (75). – С. 78–86.

19. Насонова, И.А. Основные характеристики субъекта уголовно-процессуальной защиты / И.А. Насонова // Вестник Воронеж. ин-та МВД России. – 2014. – № 3. – С. 106–111.

20. Фадеев, П.В. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / П.В. Фадеев. – М., 2021. – 50 с.

21. Бондарь, О.Н. Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия прав граждан / О.Н. Бондарь. – Ростов н/Д. : Профпресс, 2018. – 222 с.

22. Гурбанова, Н.Х. Актуальные вопросы квалифицированной юридической помощи на постсоветском пространстве / Н.Х. Гурбанова, С.В. Распопин, Н.С. Юртаев, Д.А. Бардокин // Вестник Кемеров. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 4, № 3 (15). – С. 257–269.

23. Ахмадуллин, А. Кому защищать подозреваемого и обвиняемого? / А. Ахмадуллин // Законность. – 2002. – № 3. – С. 67–74.

24. Дежнев, А.С. Привлечение в качестве защитников по уголовным делам близких родственников и иных лиц / А.С. Дежнев // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2012. – № 3 (32). – С. 257–265.

25. Козлов, А. Конституционное право на защиту / А. Козлов // Законность. – 2003. – № 10. – С. 26–29.

26. Корякина, З.И. Правовая регламентация квалифицированной юридической помощи в уголовно-процессуальном законодательстве РФ / З.И. Корякина, А.В. Шамаев // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11 (179). – С. 163–165.

27. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова : постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 1.

28. По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

М.Г. Марков,
аспирант кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии

M.G. Markov,
Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure of the Saratov State Law Academy
mark0199@yandex.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-286-291

ИНТЕРНЕТ-ПИРАТСТВО, СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОТ НЕГО И ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ, В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: *статья посвящена особенностям защиты авторских и смежных прав в сети Интернет, включая особенности рассмотрения указанных дел в порядке гражданского судопроизводства. Актуальность данной темы обусловлена правовой политикой РФ в области защиты интеллектуальных прав и борьбой с пиратством в сети Интернет, что также подчеркнуто вступившим в законную силу Федеральным законом от 22 июня 2024 г. № 158-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 11 и 15 Федерального закона "О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации"» (далее – Закон 158-ФЗ) [1]. Предлагается закрепить в действующем законодательстве принцип солидарной ответственности ответчиков и права вариативности истца при выборе ответчика в зависимости от обстоятельств дела, а также упростить сам порядок ограничения доступа к информационным ресурсам, нарушающим авторские и смежные права.*

Ключевые слова: *авторские права, смежные права, правонарушения в сети Интернет, гражданское судопроизводство, обеспечительные меры, интеллектуальная собственность.*

INTERNET PIRACY, WAYS TO PROTECT AGAINST IT AND PECULIARITIES OF CASES INVOLVING INFRINGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS CONSIDERED IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract: *the article is devoted to the specifics of copyright and related rights protection on the Internet, including the peculiarities of considering these cases in civil proceedings. The relevance of this topic is due to the legal policy of the Russian Federation in the field of protecting intellectual rights and combating piracy on the Internet, which is also emphasized by Federal Law No. 158-FZ of June 22, 2024, "On Amendments to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection" and Articles 11 and 15 of the Federal Law "On the Activities of Foreign Citizens in the Information and Telecommunications Network «Internet» on the Territory of the Russian Federation» (hereinafter referred to as Law 158-FZ). It is proposed to enshrine in the current legislation the principle of joint liability of defendants and the right of «variability» of the plaintiff*

in choosing a defendant depending on the circumstances of the case, as well as to simplify the very procedure for restricting access to information resources that violate copyright and related rights.

Keywords: *copyright, rights related to copyright, Internet violations, civil proceedings, interim measures, intellectual property.*

В условиях стремительной цифровизации и информатизации появляются новые способы незаконного распространения контента, который является объектом интеллектуальной собственности. За последние десять лет на потребление пиратского интернет-трафика повлияло множество факторов как в сторону уменьшения потребляемого контента, так и в сторону его увеличения. С одной стороны, общество столкнулось с активными действиями органов власти, направленными на противодействие интернет-пиратству, ростом правовой культуры населения, а с другой – усилились недружественные действия иностранных государств и юридических лиц, ограничивающих доступ к лицензионной продукции на территории РФ. Согласно данным компании MUSO и Роскомнадзора объем пиратского контента в сети в 2023 г. сильно увеличился по сравнению с 2022 г. (ограничен доступ почти к 1,1 млн ссылок с пиратским контентом в 2023 г. по сравнению с 485 тыс. годом ранее) [2, 3].

Государство активно борется с интернет-пиратством, используя механизмы правового регулирования. Анализируя положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4], можно сделать вывод о том, что правообладатели имеют достаточно широкий перечень способов защиты своих прав, включая основные способы защиты, предусмотренные ст. 12 ГК РФ и специальные способы, прописанные в ч. IV ГК РФ, такие как технические средства защиты авторских и смежных прав (ст. 1299, 1309 ГК РФ).

С нашей точки зрения, а также по мнению ряда исследователей [5, с. 166; 6, с. 215], основным способом защиты авторских и смежных прав является судебная форма защиты, на что указывают ст. 144.1 ГПК РФ [7] и ст. 15.2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ «Об информации») [8], согласно которым в целях предварительной блокировки интернет-ресурса правообладатель имеет право обратиться в суд с соответствующим заявлением.

Касательно принятия предварительных обеспечительных мер защиты авторских и смежных прав в сети Интернет стоит обозначить основные моменты, которые должны быть учтены при подаче заяв-

ления и дальнейшей реализации судебной защиты указанных в нем требований в рамках гражданского судопроизводства.

Заявителю следует:

– четко определить объекты авторских и смежных прав, распространение которых в сети Интернет нарушает исключительное право заявителя;

– представить в суд документы, подтверждающие факт использования в сети Интернет объектов исключительных прав и право заявителя на данные объекты;

– подать исковое заявление по требованию, в связи с которым судом будут приняты меры по обеспечению имущественных интересов заявителя в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня вынесения определения о предварительном обеспечении защиты авторских и смежных прав.

Отсутствие четкой физической топологии сети Интернет и иные ее особенности порождают проблемы в процессе принятия предварительных обеспечительных мер. Во-первых, остро стоит вопрос о том, в каком виде и как должны предоставляться в суд доказательства нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет. Во-вторых, до конца не ясен порядок определения заявителем ответчика по указанной категории дел. При возникновении указанных проблем заявитель рискует не только тем, что по его заявлению не примут предварительные обеспечительные меры, но и отменят уже примененные.

Наиболее распространенным вариантом фиксации нарушения исключительного права является скриншот (снимок экрана) страницы сайта в сети Интернет. При этом, учитывая возможность лица, имеющего простой доступ к сайту, видоизменять внешний облик сайта с помощью различных технических средств и приемов, ставится вопрос о допустимости такого рода доказательств. Как отмечают некоторые ученые, простая распечатка скриншота не может отвечать требованиям гражданского процессуального законодательства, в связи с чем является разумным заверение указанных материалов у нотариуса. В.Б. Юзефович считает, что просто распечатать скриншот страницы сайта в сети Интернет, на которой размещены спорные сведения, или сохранить ее на каком-либо носителе, а затем представить суду означает не представить ничего, необходимо прибегнуть к помощи нотариуса [9, с. 63–64]. Подобного мнения придерживаются И.Р. Медведев [10, с. 60–61], В.В. Котлярова [11, с. 37–42] и другие правоведы.

На наш взгляд, данная позиция является обоснованной, поскольку Верховный Суд РФ в своем постановлении от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска,

обеспечительных мер и мер предварительной защиты» установил, что факт использования объекта авторских и (или) смежных прав может подтверждаться, например, сделанными и заверенными заявителем распечатками материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншотов), с указанием адреса интернет-страницы и точного времени ее получения.

Определение надлежащего ответчика по указанной категории дел является одним из основных аспектов при принятии предварительных обеспечительных мер, т.к. заявитель обязан подать исковое заявление в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня вынесения определения, а сведения об ответчике, в свою очередь, являются обязательными по отношению к содержанию и форме искового заявления. Среди вероятных ответчиков при нарушении авторских и смежных прав в сети Интернет следует назвать владельца сайта, провайдера хостинга и лицо, непосредственно разместившее информацию на сайте.

Исходя из понимания того, кто выступает ответчиком и какую материально-правовую связь по отношению к истцу он имеет, стоило бы заявить, что нарушителем прав истца будет являться само лицо, которое распространило в сети Интернет чьи-либо результаты интеллектуальной деятельности. Причем лицом, непосредственно разместившим информацию, и владельцем сайта может быть один и тот же субъект, что упрощает процесс определения надлежащего ответчика. Однако нередко таким субъектом является обычный пользователь сети Интернет, личность которого весьма сложно установить. В связи с вышесказанным было бы проще предъявлять исковые требования к владельцу сайта или провайдеру хостинга, но и тут нет абсолютной определенности. Обращаясь к обзору судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г., стоит отметить, что объекты авторских и (или) смежных прав, размещенные на сайте в сети Интернет, непосредственно используются владельцем сайта, если иное не следует из обстоятельств дела и представленных доказательств. Однако на большинстве пиратских сайтов не размещена информация о владельце сайта, в связи с чем предъявить исковое требование к подобному субъекту не представляется возможным. Исходя из норм, приведенных в ст. 15.2 ФЗ «Об информации», порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и смежных прав на основании определения о принятии предварительных обеспечительных мер, включает в себя определение Роскомнадзором именно провайдера хостинга.

По нашему мнению, наиболее приемлемым вариантом является выбор в качестве ответчика провайдера хостинга, т.к. именно в отношении него принимаются обеспечительные меры, а также указанный субъект легче всего установить с помощью общедоступных программ и сервисов.

В действующем правовом поле необходимо закрепить, что все перечисленные субъекты (владелец сайта в сети Интернет, провайдер хостинга и лицо, непосредственно разместившее информацию на сайте) имеют материально-правовую связь с истцом, являются ответственными за распространение информации, нарушающей авторские и смежные права, и впоследствии несут солидарную ответственность перед правообладателем, что позволяет предъявлять исковые требования к любому из указанных субъектов в зависимости от обстоятельств дела.

Учитывая значительную трудоемкость процесса блокировки сайта, а также обозначенные выше проблемы, достаточно очевидным является тот факт, что пиратский контент распространяется намного быстрее, чем его успевают блокировать. В связи с этим был принят Закон 158-ФЗ, который упрощает процедуру блокировки так называемых зеркал сайтов, благодаря передаче полномочий принятия такого решения от Минцифры к Роскомнадзору.

Правовую политику государства в сфере борьбы с пиратством следует назвать умеренной, т.к. процесс блокировки пиратского контента имеет, в первую очередь, гражданско-правовое начало и только потом – административно-принудительное. С одной стороны, такая политика не приводит к видимому уменьшению числа нарушений авторских и смежных прав, а с другой – ужесточение отмеченного механизма привело бы к нарушению прав субъектов правоотношений в сети Интернет.

Таким образом, необходима разработка оптимально сбалансированного подхода к вопросу борьбы с пиратским контентом в сети Интернет путем закрепления в действующем законодательстве правовых норм, которые бы упрощали процесс блокировки такого контента. На наш взгляд, следует внести изменения в ст. 15.2 ФЗ «Об информации», сокращая порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушениями авторских и смежных прав за счет исключения некоторых стадий, которые являются обязательными, прежде чем у оператора связи возникнет обязанность по блокировке информационного ресурса.

Список литературы:

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 11 и 15

Федерального закона «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» на территории Российской Федерации : федеральный закон от 22 июня 2024 г. № 158-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2024. – № 26, ст. 3560.

2. Исследование компании MUSO. – URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/504010-rossia-vosla-v-trojku-stran-potrebitelej-piratskogo-trafika (дата обращения: 16.04.2025).

3. Статистика Роскомнадзора. – URL: https://iz.ru/1636225/elizaveta-krylova/ruki-v-bloki-obem-piratskogo-kontenta-v-seti-za-god-uvelichilsia-vdvoe (дата обращения: 16.04.2025).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 52, ст. 5496.

5. Москаленко, А.И. Гражданско-правовая охрана и защита авторских прав в сети интернет / А.И. Москаленко // Образование и право. – 2020. – № 8. – С. 165–173.

6. Калиничева, В.К. Особенности защиты авторских и смежных прав в цифровой среде / В.К. Калиничева, Г.В. Шевченко // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества : сб. науч. ст. по матер. V Национальной заочной науч.-практ. конф. (Ставрополь, 21 декабря 2022 г.). – Ставрополь : Параграф, 2023. – С. 215–218.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46, ст. 4532.

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации – 2006. – № 31, ст. 3448.

9. Юзефович, В.Б. Доказательства и доказывание в арбитражном процессе: анализ правоприменительной практики. Выводы судебного юриста / В.Б. Юзефович. – М. : Инфотропик Медиа, 2012. – 227 с.

10. Медведев, И.Р. Проблемы оспаривания публичных слушаний (на примере Москвы) / И.Р. Медведев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 1. – С. 57–64.

11. Котлярова, В.В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе / В.В. Котлярова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 6. – С. 37–42.

Д. В. Хвостиков,
аспирант кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии

D. V. Khvostikov,
Postgraduate Student of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy
mister.khvostikov@mail.ru

DOI: 10.24412/1608-8794-2026-1-292-300

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ГРАЖДАНСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Аннотация: *в условиях цифровизации транспортной сферы и внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств возрастает значение административно-правовых механизмов их регулирования. В статье рассматриваются принципы административно-правового регулирования использования высокоавтоматизированных транспортных средств гражданского назначения, раскрывается их содержание и особенности трансформации под влиянием автономных и интеллектуальных технологий. Анализируются международные и национальные подходы к правовому регулированию автономного транспорта, включая практику международных организаций и отдельных государств. Обосновывается вывод о том, что ключевые принципы административного права сохраняют нормативное значение и одновременно приобретают характер инструментов стратегического управления, обеспечивая баланс между инновационным развитием и защитой прав граждан в условиях цифровой трансформации транспортной системы.*

Ключевые слова: *высокоавтоматизированные транспортные средства, принципы, правовое регулирование, технологическая нейтральность, государственное управление, международные стандарты.*

PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE USE OF HIGHLY AUTOMATED CIVIL TRANSPORT MEANS

Abstract: *in the context of the digitalization of the transport sector and the introduction of highly automated vehicles, the importance of administrative and legal mechanisms for their regulation is increasing. The article examines the principles of administrative and legal regulation of the use of highly automated vehicles for civil purposes, revealing their content and the features of their transformation under the influence of autonomous and intelligent technologies. International and national approaches to the legal regulation of autonomous transport are analyzed, including the practices of international organizations and individual states. It is concluded that the key principles of administrative law retain their normative significance while simultaneously acquiring the character of strategic management tools, ensuring a balance between innovative development and*

the protection of citizens' rights in the context of the digital transformation of the transport system.

Keywords: *highly automated vehicles, principles, legal regulation, technological neutrality, public administration, international standards.*

Принципы административно-правового регулирования в сфере использования высокоавтоматизированных транспортных средств гражданского назначения представляют собой основополагающие идеи и нормы, определяющие содержание, формы и методы государственного управления данной областью. Согласно устоявшемуся в юридической науке подходу, отраженному в юридических источниках, под принципами права понимаются исходные начала, выражающие сущностные характеристики права, его социальную направленность и структурные особенности правового регулирования [1, с. 879–881]. Эти принципы представляют собой не только теоретическую основу системы права, но и своего рода нормативные ориентиры, пронизывающие все отрасли правовой системы.

Значительный вклад в развитие теории принципов права внес С.С. Алексеев, который рассматривал принципы как «объективно обусловленные, системообразующие и предельно обобщенные положения, лежащие в основании построения правовой материи» [2, с. 98–99]. По его мнению, принципы выполняют роль «правового кода», отражающего аксиологическую и нормативную сущность права. Они выступают своеобразным мостом между правовой теорией и практикой, задавая направление как нормотворчеству, так и правоприменению. В работах С.С. Алексеева подчеркивается, что принципы права обладают высшей степенью нормативной обобщенности и определяют смысл и содержание не только конкретных правовых норм, но и всей системы права в целом.

В отраслевом контексте, в частности в административном праве, общеправовые принципы получают конкретизацию и наполнение прикладным содержанием. Здесь они трансформируются в функциональные ориентиры деятельности публичной власти, приобретая характер «прикладных регуляторов» правовых отношений между государством и гражданином.

Современная административно-правовая наука активно переосмысливает традиционные принципы регулирования в контексте стремительного цифрового развития и внедрения новых технологических решений, включая высокоавтоматизированные транспортные средства (ВАТС) гражданского назначения. Отечественные ученые-

административисты С.А. Авакьян, Ю.А. Тихомиров подчеркивают необходимость не только сохранения, но и адаптации основополагающих правовых принципов к условиям цифровизации, искусственного интеллекта и автономных систем управления [3].

Ю.А. Тихомиров обосновывает принцип «технологической нейтральности», согласно которому нормы административного права должны быть сконструированы таким образом, чтобы они оставались применимыми вне зависимости от конкретной модели, программного обеспечения или технической платформы транспортного средства, такой же позиции придерживается и А.К. Жарова [4, с. 372–373]. Это означает, что правовое регулирование должно обеспечивать устойчивость и предсказуемость при смене технологий, не связывая правовые предписания с узкоспециализированными или быстроустаревающими решениями. Принцип технологической нейтральности играет ключевую роль в создании гибкой, но стабильной нормативной базы, способной «подстраиваться» под инновационные разработки без необходимости частых законодательных изменений [5, с. 96–97].

Дополняет этот подход принцип «правовой определенности», который, по мнению Н.И. Полищука, приобретает особую актуальность в условиях неопределенности алгоритмического поведения автономных систем [6, с. 72–80]. Нередко ВАТС гражданского назначения не поддается традиционным методам предсказания и контроля, что делает необходимым четкое разграничение сфер ответственности между производителями, операторами, разработчиками программного обеспечения и конечными пользователями. В связи с этим возникает задача по формированию гибкого, но юридически четкого механизма регулирования, в котором должны быть определены как допустимые пределы автономности, так и ответственность субъектов за возможные последствия функционирования таких систем.

Особое значение в сфере регулирования ВАТС гражданского назначения приобретает «принцип превентивности», который ориентирован на предупреждение потенциальных рисков еще до наступления негативных последствий. Превентивный подход предполагает не просто реагирование на инциденты, а создание такой правовой среды, в которой потенциальные угрозы безопасности, прав граждан и устойчивости транспортной системы минимизируются заблаговременно. Он тесно связан с принципом «соразмерности», обеспечивающим баланс между необходимостью государственного вмешательства и сохранением условий для технологического и предпринимательского развития. Соразмерность в данном контексте проявляется в недопущении избыточного регулирования, которое могло бы тормозить

внедрение перспективных решений, при одновременном обеспечении надлежащего уровня контроля и надзора.

Наконец, в современных концепциях правовой политики все большую роль начинает играть «принцип взаимодействия (collaborative governance)», который предполагает расширенное участие различных заинтересованных сторон – государственных органов, представителей частного сектора, научного и экспертного сообщества, а также институтов гражданского общества – в процессе формирования и реализации нормативных решений. В условиях цифровизации транспортной сферы этот принцип приобретает критическое значение: только через включенность широкого круга субъектов в разработку нормативных актов можно обеспечить как их технологическую релевантность, так и социальную легитимность.

В международной практике регулирования использования высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС) гражданского назначения принципы административного права не теряют своей значимости, однако приобретают новую специфику в условиях транснационального и наднационального регулирования. Это связано с тем, что вопросы, возникающие при разработке, внедрении и эксплуатации ВАТС, затрагивают интересы сразу нескольких государств, требуют согласованности подходов и выработки универсальных стандартов, учитывающих как технологические, так и правовые аспекты.

Европейский союз (ЕС) выступает одним из наиболее активных участников процесса формирования нормативной базы в сфере автономного транспорта. В правовой архитектуре ЕС ключевую роль играют принципы субсидиарности и пропорциональности, закрепленные в Договоре о функционировании Европейского союза (ст. 5) [7]. Принцип субсидиарности предполагает, что наднациональные меры могут применяться только в том случае, если цели не могут быть достигнуты на уровне государств-членов. Принцип пропорциональности, в свою очередь, требует, чтобы регулирующее воздействие не превышало того, что необходимо для достижения правомерных целей. Это позволяет обеспечить сбалансированное вмешательство институтов ЕС в национальные компетенции в сфере регулирования ВАТС, особенно в вопросах безопасности дорожного движения, сертификации и обмена данными.

В 2020 г. Европейская комиссия приняла ключевой стратегический документ – «Стратегия по устойчивой и умной мобильности» (Sustainable and Smart Mobility Strategy) [8], в котором большое внимание уделяется вопросам регулирования автономных транспортных технологий. В документе подчеркивается необходимость

разработки единых общеевропейских норм и стандартов, обеспечивающих устойчивое развитие, технологическую нейтральность, безопасность и защиту прав человека, включая персональные данные и цифровую конфиденциальность. Стратегия делает акцент на важности предупредительного подхода, основанного на оценке рисков, а также на внедрении механизмов юридической ответственности всех участников жизненного цикла ВАТС: производителей, операторов и пользователей.

Международные организации, такие как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международный транспортный форум (ITF), также вносят вклад в разработку принципов регулирования автономного транспорта. В их докладах и руководствах особое внимание уделяется принципу подотчетности (accountability). Он требует, чтобы в рамках национальных и международных правовых систем были четко определены субъекты, несущие ответственность за действия ВАТС, включая ответственность в случае аварий, технологических сбоев или принятия ошибочных решений системой.

Значительный вклад в трансграничное регулирование ВАТС вносит Организация Объединенных Наций, в частности Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН), которая через свой подкомитет WP.29 (Всемирный форум по гармонизации правил для транспортных средств) разрабатывает международные правовые инструменты. Одним из таких документов стало Правило № 157 [9], регулирующее эксплуатацию систем автоматического вождения. Эти нормы основываются на принципах международного правопорядка, среди которых приоритетными являются: принцип взаимного признания, позволяющий странам-участникам признавать технические стандарты и разрешения друг друга, и принцип безопасности, устанавливающий приоритет защиты жизни и здоровья людей при создании и использовании ВАТС.

В свете возрастающей роли региональных интеграционных объединений с участием Российской Федерации представляется целесообразным учитывать также подходы, формирующиеся в рамках БРИКС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В рамках БРИКС вопросы цифровой трансформации, включая развитие интеллектуальных транспортных систем (ИТС), рассматриваются преимущественно в контексте сотрудничества в области инноваций, «умной» мобильности и обмена лучшими практиками [10]. Акцент делается на принципах технологического суверенитета, взаимного уважения национальных правовых систем и недопустимости навязывания единых регуляторных моделей. Такой подход

предполагает сохранение ключевых административно-правовых принципов – законности, ответственности и подотчетности – при одновременном признании многообразия национальных моделей регулирования ВАТС.

Более институционализированный характер носит регулирование в рамках ЕАЭС, где формируются предпосылки для гармонизации технических и правовых требований в сфере транспорта и цифровых технологий [11]. В деятельности данной организации прослеживается ориентация на принципы согласованности регулирования, взаимного признания результатов оценки соответствия и обеспечения единого рынка. В перспективе это создает основу для выработки общих подходов к регулированию ВАТС, прежде всего в части технических стандартов, требований безопасности и обмена данными, при сохранении за государствами-членами значительного объема регуляторных полномочий в сфере административной ответственности и контроля.

Тем самым деятельность международных организаций свидетельствует о формировании многоуровневой модели правового регулирования, в рамках которой базовые принципы права не утрачивают своей нормативной значимости, а получают новое содержание с учетом процессов глобализации, технологической интеграции и развития межгосударственного взаимодействия.

Подобный подход ориентирован на обеспечение баланса между стимулированием инновационного развития и защитой прав и законных интересов граждан, а также на усиление международной координации и сближение правовых режимов, что в совокупности способствует формированию устойчивых и эффективных регуляторных механизмов в условиях динамично меняющегося технологического пространства.

Однако в условиях стремительного развития технологий автономного транспорта не отстают и государства, вырабатывающие специфические подходы к административно-правовому регулированию высокоавтоматизированных транспортных средств (ВАТС). В зависимости от правовой системы, экономико-политических ориентиров и технологических приоритетов эти подходы варьируются, однако в них прослеживаются общие правовые принципы: ответственность, правовая определенность, технологическая нейтральность, пропорциональность, безопасность, инновационное развитие и превентивность.

Федеративная Республика Германия демонстрирует последовательный и правовой подход, акцентируя внимание на принципах правовой определенности, пропорциональности и ответственности.

Уже в 2017 г. в Закон о дорожном движении (StVG) были внесены поправки, позволившие эксплуатацию транспортных средств уровня 3 автоматизации при условии постоянной готовности водителя взять управление на себя. В 2021 г. был принят специальный Закон об автономном вождении, который закрепил возможность эксплуатации транспортных средств уровня 4 в условиях утвержденных маршрутов при наличии системы дистанционного контроля (телеоператора). В 2023 г. закон был дополнен техническими требованиями к сертификации, что указывает на приоритет безопасности и детализированного контроля (Bundesgesetzblatt, 2021) [12].

В США регулирование носит децентрализованный характер. На федеральном уровне ключевым документом выступает "Automated Vehicles Policy" [13], впервые опубликованная Национальной администрацией безопасности дорожного движения (NHTSA) в 2016 г. В 2020 г. стратегия была обновлена, акцент сместился в сторону гибкости, технологической нейтральности и поддержки инноваций (NHTSA, 2020). Штаты, такие как Калифорния, Аризона и Невада, разрабатывают собственные законы и создают экспериментальные правовые режимы. Применяются принципы саморегуляции, приоритета безопасности и адаптивного управления, позволяющие динамично реагировать на технологические вызовы без излишнего нормативного давления.

Законодательство Японии основывает правовое регулирование ВАТС на концепции «Society 5.0» [14], ориентированной на интеграцию цифровых решений в повседневную жизнь. В 2019 г. были приняты поправки к Закону о дорожном движении, которые легализовали эксплуатацию ВАТС на дорогах общего пользования (Cabinet Office, 2019) [15]. В 2022 г. начались пилотные проекты автономных такси, реализуемые в партнерстве с частными компаниями.

Законодательство Японии акцентирует внимание на принципах государственно-частного партнерства, инновационного развития и превентивности, что позволяет обеспечивать технологическое лидерство с одновременным соблюдением требований безопасности.

Китайская Народная Республика (КНР) реализует централизованную модель регулирования, в основе которой лежат принципы цифрового суверенитета, этапности и государственного контроля. В 2018 г. началась реализация пилотных зон автономного транспорта, а в 2021 г. были утверждены директивы "Guiding Opinions on the Development of Intelligent Connected Vehicles" (MIIT, 2021) [16]. В 2023 г. регуляторный охват был расширен на логистику и пассажирский транспорт, усилился контроль над данными и алгоритмами. Такой подход демонстрирует приоритет политико-правовой стабильности,

централизованного надзора и национальных интересов в процессе цифровой трансформации.

Проводя хронологию нормативных инициатив в рассматриваемых странах (2016–2023 гг.), можно свидетельствовать о синхронности ключевых этапов развития: принятие стратегических документов, закрепление первых правовых норм, запуск пилотных проектов и развитие механизмов сертификации. Это подчеркивает глобальный характер вызовов и подтверждает необходимость выработки международных механизмов координации.

В целом принципы административно-правового регулирования высокоавтоматизированных транспортных средств гражданского назначения становятся основой формирования устойчивой, безопасной и управляемой транспортной среды. Они выступают не только юридическими нормами, но и стратегическими ориентирами правовой политики в условиях цифровой трансформации транспортной системы.

Таким образом, выделенные ключевые принципы административного права, получившие трансформацию в условиях цифровизации, а именно: технологическая нейтральность, правовая определенность, превентивность, соразмерность, подотчетность и взаимодействие – неотъемлемые элементы совокупности принципов административно-правового регулирования в сфере использования высокоавтоматизированного транспорта гражданского назначения.

Список литературы:

1. Юридическая энциклопедия / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук ; под общ. ред. Б. Н. Топорнина. – М. : Юристъ, 2001. – 1267 с.

2. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1995.

3. Вехи конституционной реформы в России : кол. монография / С. А. Авакьян, Н. А. Антонова, П. А. Астафичев [и др.]. – СПб. : Скифия-Принт, 2025. – 250 с.

4. Тихомиров, Ю.А. Административное право и процесс: полный курс / Ю.А. Тихомиров. – М., 2001. – 652 с.

5. Жарова, А.К. Принципы использования информации и информационных технологий в системе правового обеспечения информационной безопасности / А.К. Жарова // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. Серия: Право. – 2021. – № 4. – С. 90–97.

6. Полищук, Н.И. Аксиологическая сущность принципа правовой определенности / Н.И. Полищук // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (53). – С. 72–80.

7. Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). – URL: https://eur-lex.europa.

eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0789 (дата обращения: 24.04.2025).

8. Стратегия по устойчивой и умной мобильности (Sustainable and Smart Mobility Strategy). – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0789 (дата обращения: 24.12.2025).

9. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2018/wp29/ECE-TRANS-WP29-2018-157r.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

10. Барандова, Т. Л. Цифровая трансформация в странах БРИКС+: альянсы и межгосударственные структуры координации (обзор зарубежного опыта) / Т. Л. Барандова // Россия в глобальном мире. – 2025. – № 3. – С. 9–31.

11. Техническое регулирование ЕАЭС: развитие механизма допуска продукции на рынок. – URL: https://portal.eaeunion.org/_layouts/15/Cit.Eec.Impop/Portal.Landings/TechnicalRegulation.aspx (дата обращения: 22.01.2026).

12. Bundesgesetzblatt. Gesetz zum autonomen Fahren. 2021. – URL: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav#/switch/tocPane?_ts=1773828202326 (дата обращения: 24.12.2025).

13. NHTSA. Automated Vehicles 4.0: Preparing for the Future of Transportation. U.S. Department of Transportation, 2020. – URL: https://www.transportation.gov/sites/dot.gov/files/2020-02/EnsuringAmericanLeadershipAVTech4.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

14. Концепция «Society 5.0». – URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

15. Cabinet Office Japan. Road Traffic Act Amendments. – Tokyo, 2019. – URL: https://www8.cao.go.jp/koutu/taisaku/r01kou_haku/english/pdf/wp2019.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

16. MIIT. Guiding Opinions on the Development of Intelligent Connected Vehicles. – Beijing, 2021. – URL: https://www.miit-eidc.org.cn/col/col2164/index.html&ved=2ahUKEwismu2em6mTAxXwTlUIHaX2BTkQFnoECBcQAQ&usg=AOvVaw37aPs5911ImHOUchFoNWvl (дата обращения: 24.12.2025).

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

Академический и вузовский юридический научный журнал

Территория распространения: Российская Федерация, страны СНГ

1 (103) • 2026

Редакторы:
Н.С. Добротворская, Т.А. Поршакова, Е.А. Фешина, М.П. Яковлева
Обложка художника ***В.К. Иванова***
Компьютерная верстка ***С.А. Епифанова***

Подписано в печать 25.03.2026. Выход в свет 25.03.2026. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 17,4. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 50 экз. Заказ №107.

Издательство
Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3.

ISSN 1608-8794
9 771608 879008 >